

ДАРСИ

РОМАН ПЕРЕВОДИТСЯ
НА 25 ЯЗЫКОВ

Белл

ПРОСТАЯ УСЛУГА

MASTER DETECTIVE

CoRpus

ОСТЕРЕГАЙСЯ БЛИЗКИХ ДРУЗЕЙ —
ОНИ ЗНАЮТ ВСЕ ТВОИ ТАЙНЫ

Annotation

Подруга просит оказать простую услугу – забрать ее сына из школы. Но именно после этого жизнь матери-одиночки Стефани идет кувырком. Подруга исчезает. Ее нет ни дома, ни на работе. Она не отвечает на телефонные звонки. И наконец приходит печальное известие... “Простая услуга” – это и триллер, и психологическая драма. Любовь и предательство, дружба и обман, погоня за лучшей жизнью и борьба за место под солнцем. Что скрывает молодая и счастливая мать, что прячется за стенами уютного дома в пригороде? Сюжет развивается стремительно, и читателя ждет множество непредвиденных поворотов, невероятных подробностей и непредсказуемых действий.

- [Дарси Белл](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)

- [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [Часть третья](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Дарси Белл

Простая услуга

DARCEY BELL

A SIMPLE FAVOR

© Darcey Bell, 2017. All rights reserved

© А. Тепляшина, перевод на русский язык, 2018

© ООО “Издательство АСТ”, 2018

Издательство CORPUS ®

Часть первая

Моя мать говаривала: “У всех есть секреты. Вот почему невозможно узнать другого по-настоящему. Или по-настоящему доверять другому. Вот почему невозможно узнать самого себя. Иногда мы храним секреты даже от себя самих”.

Взрослея, я думала, что это верное наблюдение, хотя и не понимала его до конца. А может быть, понимала – немного. У детей есть тайны. У них воображаемые друзья, и узнай о них взрослый – неприятностей не миновать.

Позже я поняла: мама говорила, исходя из своего опыта. А что, если она не столько готовила меня к жизни, сколько программировала на хранение тайн и недоверие? Было ли у нее ощущение, что, когда я вырасту, у меня будут тайны темнее и постыднее, чем у других? Тайны, которые мне по большей части удалось сохранить – даже от себя самой?

1

Блог Стефани Срочно!

Мамы, привет!

Этот пост будет отличаться от тех, что были в моем блоге до сих пор. Он не самый важный, потому что самое важное на свете – это то, что происходит с нашими детьми: их нахмуренные бровки, их улыбки, их первые шаги, их первые слова.

Давайте просто скажем, что этот пост... СРОЧНЫЙ. *Крайне срочный.*

Пропала моя лучшая подруга. Она ушла из дома два дня назад. Ее зовут Эмили Нельсон. Вам известно, что я не упоминаю в блоге *имена* друзей. Но сейчас по причинам, которые вы вскоре поймете, я (временно) отменяю политику строгой анонимности.

Мой сын Майлз и сын Эмили Ники – лучшие друзья. Им по пять лет. Оба родились в апреле и поэтому пошли в подготовительный класс на несколько месяцев позже, так что они немного старше своих одноклассников. Я бы сказала, взрослее. Майлз и Ники – мечта, а не дети. Скромные, честные, добрые маленькие люди, а такие качества – простите, парни, если это читает кто-нибудь из парней – нечасто встретишь у мальчиков.

Мальчики познакомились друг с другом в школе. А мы с Эмили познакомились, забирая их из школы. Редко бывает, чтобы ребята дружили с детьми маминой подруги или чтобы какая-нибудь мама сдружилась с мамой друга ее ребенка. Но у нас все сошлось. Мы с Эмили счастливые. Причина одна: мы не юные мамы. Наши дети появились, когда нам было уже хорошо за тридцать и биологические часики тикали!

Иногда Майлз и Ники сочиняют пьесы и разыгрывают спектакли. Я разрешаю мальчишкам снимать их на мой телефон, хотя обычно строго ограничиваю время, когда ребятам можно играть с электронными девайсами, от которых современным родителям столько хлопот. Одна восхитительная сценка оказалась детективной историей – “Приключения Дика Уника”. Ники был детективом, Майлз – преступником.

– Я Дик Уник, самый умный детектив в мире! – провозглашал Ники.

– Я Майлз Челюсть, самый страшный бандит в мире! – отвечал Майлз.

Майлз играл, как злодей из викторианской мелодрамы, с множеством басовитых “хо-хо-хо!”. Они гонялись друг за другом по нашему двору, “стреляя” друг в друга (никакого оружия!) из пальца. Это было что-то!

Если бы только папа Майлза – мой покойный муж Дэвис – мог видеть их!

Иногда я поражаюсь, откуда у Майлза эта актерская жилка. Полагаю, от отца. Однажды я видела, как Дэвис проводит презентацию перед потенциальными клиентами, и меня поразило, каким живым и артистичным он был. Он мог бы стать таким симпатичным, глуповато-обаятельным молодым актером, лохматым, с блестящими волосами. Со мной Дэвис был другим. Как будто больше в себе. Спокойный, добрый, с хорошим чувством юмора, задумчивый, хотя у него определенно были весьма стойкие убеждения, особенно насчет мебели. Но это естественно – в конце концов, мой муж был успешным дизайнером-архитектором.

Дэвид был сущим ангелом. За исключением одного момента. Или двух.

Ники сказал, что придумать Дика Уника помогла им его мама. Эмили обожает детективы и триллеры. Она читает их в электричке, когда едет на Манхэттен и ей не нужно готовиться к встрече или презентации.

До рождения Майлза я много читала. Время от времени мне случается подхватить какую-нибудь Вирджинию Вульф и прочесть несколько страниц, чтобы напомнить себе, кем я когда-то была – и кем, надеюсь, осталась. Где-то среди детских игр, школьных обедов и укладывания в постель затерялась молодая женщина, которая жила в Нью-Йорке и работала в журнале. Личность, у которой были друзья, которая по выходным ходила на бранчи в ресторан. Но ее друзья остались бездетными, никто не переехал в пригород. Мы потеряли друг друга из виду.

Любимый писатель Эмили – Патриция Хайсмит. Я понимаю, почему моей подруге так нравятся книги Хайсмит – они читаются на одном дыхании. Но от них так расстраиваешься! Главный

герой обычно или убийца, или соглядатай, или какой-нибудь безвинный человек, который старается, чтобы его не убили. Я читала роман про двух парней, которые познакомились в поезде и договорились, что каждый из них совершит убийство, чтобы оказать приятелю услугу.

Я хотела, чтобы книга мне понравилась, но я ее не дочитала. Хотя, когда Эмили спросила про роман, я сказала, что просто в восторге.

Когда я в следующий раз пришла к ней в гости, мы смотрели на DVD фильм Хичкока по этому роману. Сначала я беспокоилась: вдруг Эмили захочет обсудить отличия книги от фильма? Но кино меня захватило. Одна сцена, со взбесившейся каруселью, оказалась настолько жуткой, что смотреть было почти невозможно.

Мы с Эмили сидели у нее в гостиной, каждая, вытянув ноги, в своем уголке массивного дивана, на журнальном столике – бутылка хорошего белого вина. Увидев, что я смотрю сцену с каруселью сквозь пальцы, Эмили улыбнулась и показала мне оттопыренный большой палец. Ей понравилось, что я так испугалась.

А я невольно думала: что, если бы Майлз был на той карусели?

Когда фильм закончился, я спросила Эмили: “Как по-твоему, реальные люди способны на такое?”

Эмили рассмеялась. “Милая Стефани! Ты удивишься, когда узнаешь, чего хотят люди. В своих желаниях никто никогда никому не признается – даже себе”.

Мне захотелось сказать, что я не так мила, как она думает. Я тоже делала кое-что плохое. Но я слишком удивилась и испугалась, чтобы рассказывать об этом. Эмили говорила, как моя мать.

Мамы знают, как трудно бывает уснуть, вечно в голове крутится какая-нибудь жуткая история. Я всегда обещала Эмили почитать еще какую-нибудь книгу Хайсмит. Но теперь жалею, что прочитала и ту, единственную. Жертвой убийцы была невеста другого парня.

А когда бесследно исчезает твоя лучшая подруга, о таких вещах и думать не хочется. Не то чтобы я считала, будто муж Эмили Шон мог причинить ей вред. Разумеется, у них были

проблемы. В каком браке их нет? И Шон – не самый мой любимый персонаж. Но (я думаю) в общем и целом он порядочный парень.

Майлз и Ники ходят в один и тот же приготовительный класс чудесной школы, о которой я много раз писала в своем блоге. Это не наша городская школа, у которой, после того как (стареющее) местное население проголосовало за сокращение ее бюджета, возникли проблемы с финансированием, а школа получше, в соседнем городке, почти на границе Нью-Йорка и Коннектикута.

Из-за правил зонирования наши мальчишки не попадают на школьный автобус. Мы с Эмили отвозим их по утрам в школу сами. Я забираю Майлза каждый день. Эмили по пятницам работает полдня, так что может забрать Ники из школы, и часто по пятницам мы с ней и мальчишками развлекаемся – едим бургеры или играем в мини-гольф. От моего дома до ее всего десять минут езды. Мы практически соседи.

Я люблю бывать дома у Эмили – растянуться на ее диване, болтать и пить вино, одна из нас время от времени сдается и отправляется проверить, как там мальчишки. Мне нравится, как Эмили жестикулирует, когда что-нибудь говорит, нравится, как искрится ее кольцо с бриллиантами и сапфиром. Мы много говорим о материнстве. Темы для бесед у нас никогда не исощаются. До чего же здорово иметь настоящего друга! Иногда я даже забываю, как одинока была до встречи с Эмили.

В остальные дни недели Ники забирает из школы Элисон – приходящая няня. Муж Эмили Шон допоздна работает на Уолл-стрит. Эмили и Ники бывают рады, если Шон *вообще* приезжает домой к ужину. В те редкие дни, когда Элисон звонит, что заболела, Эмили посылает мне смс, и я подключаюсь: забираю мальчиков из школы, везу домой, и они остаются у меня до возвращения Эмили.

Где-то раз в месяц Эмили задерживается на работе допоздна. А раза два-три она и вовсе не возвращалась домой на ночь.

Как было и в этот раз. Перед ее исчезновением.

Эмили работает на Манхэттене, в отделе по связям с общественностью у известного модного дизайнера, чье имя я стараюсь не упоминать. Нет, на самом деле Эмили *директор* отдела по связям с общественностью у *очень* известного дизайнера. Я в своем блоге говорю о брендах очень осторожно,

поскольку это вопрос доверия, ну и потому, что хвастать знакомством с известными людьми – дурной тон.

Даже опаздывая или сидя на встрече, Эмили каждые пару часов отправляет мне сообщения. Она звонит, как только у нее выдастся свободная минута. Она – мать. Не безумная мамаша, не наседка – ни одно из тех отвратительных прозвищ, которыми общество клеймит нас за то, что мы любим наших детей.

Возвращаясь из города, Эмили всегда едет со станции кратчайшим путем, чтобы поскорее забрать Ники. Мне приходится напоминать ей, чтобы она не превышала скорость. Если поезд опаздывает, она отправляет мне сообщения. Постоянно! На какой она сейчас станции, когда примерно рассчитывает прибыть – пока я не напишу ей: *“Не волнуйся! Мальчики отлично. Когда приедешь, тогда и приедешь. Безопасной тебе поездки”*.

И вот уже два дня Эмили не дает о себе знать, не выходит на связь, не отвечает на мои смс и звонки. Случилось что-то ужасное. Она исчезла бесследно. Я понятия не имею, где она.

Друзья! Неужели Эмили производит впечатление матери, которая бросает своего ребенка и исчезает на два дня – без сообщений, без звонков, без ответов на мои сообщения и звонки? Если все в порядке? *Серьезно?*

Ладно, мне пора бежать. Чую, шоколадное печенье горит в духовке. Позже напишу еще.

С любовью,

Стефани

Мамы, привет!

До сих пор я старалась не упоминать названия нашего городка. Приватность – такая ценность, и так мало ее осталось в наши дни. Не хочу выглядеть параноиком, но даже в городке вроде нашего скрытые камеры наблюдают, какой сорт консервированных томатов ты покупаешь. Особенно в нашем городке. Он считается богатым, потому что расположен в соответствующей части Коннектикута, но он совсем не богат. У Эмили и Шона есть деньги. Мне хватает на жизнь того, что оставил мне Дэвис, – еще одна причина, по которой я могу позволить себе вести блог, не пытаюсь зарабатывать на нем.

Но так как исчезновение Эмили все меняет, так как кто-нибудь живущий рядом с нами мог видеть Эмили и так как я сама не своя, то, чувствую, надо *выдать* Уорфилд. Уорфилд, Коннектикут. Два часа от Манхэттена на “Метро-Норт”.

Можно назвать это пригородом, но я выросла в пригороде и жила в городе, так что ощущаю такие городки как сельскую местность. Я описывала в своем блоге, как Дэвис, с пинками и воплями, тащил меня сюда из города. Я потратила несколько лет, чтобы выбраться из пригорода. Я писала в блоге, как влюбилась в сельскую жизнь. Как чудесно, когда просыпаешься, а солнце льется на карниз, который помнит еще войну за независимость, Дэвис отреставрировал его, не пожертвовав ни одной исторической деталью, и как чудесно пить чай, когда разбрызгиватель радуги (такая призма, ее можно поставить на окно), который мой брат Крис подарил нам на свадьбу, бросает разноцветные блики на стены, пол и потолок кухни.

Мы с Майлзом обожаем это место. Во всяком случае, я обожала.

До сего дня. Сейчас я так тревожусь за Эмили, что все – мамы возле школы, чудесная Морин на почте, ребята, которые тащат пакеты из бакалеи – все они кажутся мне на стороне зла,

как в ужастиках, где каждый житель городка – зомби или член какой-нибудь секты. Я спросила пару своих соседей, как бы мимоходом, не видели ли они Эмили, и они помотали головами: нет. Показалось ли мне, что они посмотрели на меня насмешливо? Теперь, друзья, вы понимаете, насколько от этого *действительно* можно сойти с ума.

Друзья, простите меня. Я отвлеклась и только болтаю впустую, как всегда.

МНЕ НАДО БЫЛО СКАЗАТЬ ОБ ЭТОМ РАНЬШЕ!!!

Рост Эмили где-то пять футов семь дюймов. Она блондинка с темными прядями (я никогда не спрашивала, натуральные они или нет) и темно-кариими глазами. Весит, наверное, около ста двадцати фунтов. Но это приблизительно. Вы же не спрашиваете друзей: какой у тебя рост? Сколько ты вешишь? Хотя, я знаю, некоторые мужчины думают, что женщины ни о чем другом не говорят. Эмили сорок один год, но она выглядит максимум на тридцать пять.

Под правым глазом у нее родинка. Я заметила ее, только когда Эмили спросила, не свести ли ее. Я сказала – нет, она чудесная, что женщины при французском дворе (как я читала) специально рисовали такие “точки красоты”.

Эмили всегда пользовалась одними и теми же духами – у нее был, так сказать, “свой запах”. Она говорила, что эти духи делают из сирени и лилий итальянские монахини. Она заказывала их во Флоренции. Я люблю это в Эмили – все эти элегантные, изысканные вещи, мысли о которых, она знает об этом, мне никогда и в голову бы не пришли.

Я духами не пользуюсь. Мне кажется, когда женщины пахнут как цветы или специи, это несколько сбивает с толку. Что они скрывают? Каково их послание? Но мне нравятся духи Эмили. Мне нравится, что я всегда по запаху могу определить, что она где-то поблизости или была в комнате. Я улавливаю ее духи в волосах Ники, где она обнимала его или прижимала к себе. Она предлагала мне попробовать духи, но это показалось мне неестественным, слишком интимным – чтобы обе мы пахли, как обонятельные близнецы, от которых мурашки по коже.

Эмили всегда носит кольцо с сапфиром и бриллиантами – подарок Шона на помолвку. Когда она говорит, то много жестикулирует, и кольцо кажется мне созданием, живущим своей

собственной жизнью, вроде феи Динь-Динь, летящей перед Питером Пэном и Пропавшими Мальчишками.

У Эмили татуировка в виде тонкого тернового венца вокруг правого запястья. Меня это удивляло. Эмили не похожа на человека с татуировками – особенно такими, которые можно скрыть только под длинными рукавами. Сначала я подумала, что это какая-то штучка из мира моды, но когда решила, что знаю ее достаточно хорошо, чтобы спросить, Эмили сказала: “Ах это. Я сделала ее, когда была молодая и безбашенная”.

Я ответила: “Мы все были молодыми и базбашенными. Когда-то давным-давно”.

Мне приятно было сказать что-то, чего я не могла сказать своему мужу. Если бы он спросил, что я разумею под “безбашенная”, а я бы ему объяснила, нашей с ним жизни пришел бы конец. Конечно, эта жизнь все равно кончилась. Правда так или иначе найдет путь наружу.

Подождите. Телефон звонит! Вдруг это Эмили? Потом напишу еще.

С любовью,

Стефани

3

Блог Стефани Простые услуги

Мамы, привет!

Звонила не Эмили. Автомат сообщил мне, что я выиграла бесплатную поездку на Карибы.

Где я остановилась? А, вот:

Прошлым летом, когда мы обе грелись на солнышке возле городского бассейна, а наши мальчишки плескались в лягушатнике, Эмили сказала: “Стефани, я все время прошу тебя об услугах. И я очень тебе благодарна. Но собираюсь попросить еще об одной. Ты не присмотришь за Ники? У Шона день рождения, и мы хотим уехать на выходные в домик”. Эмили всегда говорит “домик”, но дачный дом ее семьи на берегу озера в северном Мичигане представляется мне немного наряднее, чем просто “домик”. “Я так удивилась, когда Шон согласился, и хочу воспользоваться моментом – пока он не передумал”.

Конечно, я согласилась. Я знала, каких трудов ей стоит выманить Шона из офиса.

– При одном условии, – сказала я.

– Все что угодно! Только назови.

– Можешь нанести масло для загара мне на спину? Мне самой трудно дотянуться.

– С удовольствием, – Эмили рассмеялась.

Ее маленькая сильная рука втирала масло мне в кожу, а я вспоминала, как школьницей ходила на пляж с друзьями.

Эмили с Шоном уехали, а мы с Майлзом и Ники отлично провели время. Бассейн, парк, кино и веганская еда, приготовленная на гриле.

Мы с Эмили дружим уже год, с тех пор как познакомились в przygotowительном классе наши мальчишки. Вот ее фотография, которую я сделала этим летом в парке “Шесть флагов”, хотя Эмили здесь не очень видно; это селфи, где нас четверо – мальчишки и их мамы. Я зафотошопила детей. Вы знаете, что у меня строгие принципы насчет публикации детских фотографий.

Не знаю, в чем была Эмили в день, когда пропала. Я не видела ее, когда она отвозила Ники в школу. В тот день она немного опаздывала. Обычно автобусы высаживают детей все сразу. Учителя сначала долго здороваются с детьми, потом ведут их в школу... Я не виню их за то, что они не заметили, что надето на Эмили, была ли она жизнерадостна, как обычно, или нервозна.

Возможно, Эмили выглядела как всегда: топ-менеджер из мира моды (она покупает дизайнерские вещи с огромной скидкой) едет на работу в центр города. В тот день она позвонила мне рано утром.

– Стефани, мне нужна твоя помощь. *Опять*. Всплыли кое-какие непредвиденные обстоятельства, и мне придется задержаться допоздна. Элисон на занятиях. Можешь забрать Ники из школы? Я приеду за ним вечером, самое позднее – в девять.

Помню свое удивление: что за “непредвиденные обстоятельства” в модном бизнесе? Петли для пуговиц малы? Молнию вшили вверх ногами?

– Конечно, – сказала я. – Буду рада оказать тебе услугу.

Простая услуга. Простая услуга того рода, какие мы, мамы, оказываем друг другу постоянно. Мальчишки будут на ушах стоять. Я точно помню, что спросила Эмили, не хочет ли она, чтобы Ники переночевал у нас. И точно помню, что она поблагодарила и отказалась. Она хочет увидеть сына в конце напряженного дня, даже если он уже будет спать.

Я забрала Ники и Майлза из школы. Ребята были на седьмом небе. Они любят друг друга просто по-щенячьи, как это бывает у маленьких мальчиков. Они дружат крепче, чем братья – те дерутся.

Ребята мило поиграли в детской, покачались на качелях, я видела их из окна. Я приготовила им на ужин полезную еду. Как вам известно, я вегетарианка, но Ники согласен есть только бургеры, так что их я и приготовила. Не могу сосчитать, как часто я писала о том, как трудно впихнуть в ребят необходимое количество полезных питательных веществ. Мальчишки обсуждали происшествие: одного мальчика в школе отправили в кабинет к директору. Он не слушал учителя даже после того, как его на время выставили из класса.

Время было уже позднее. Эмили не звонила. Что выглядело

очень странным. Я отправила ей смс, но она не ответила. Что выглядело еще более странным.

Ладно, она сказала – “*непредвиденные обстоятельства*”. Может, что-то стряслось на фабрике в одной из тех стран, где шьют одежду. Шьют *рабы*, по моему убеждению, но об этом не стоит говорить вслух. Может, произошел еще один скандал с участием ее босса, Денниса – в газетах писали, что он злоупотребляет наркотиками. Эмили приходится бросать все силы на ликвидацию последствий. Может, она на встрече и не может выйти, может, она где-то, где нет связи. Может, потеряла зарядное устройство.

Если бы вы знали Эмили, вы бы поняли, насколько невероятно, что она может потерять зарядное устройство. Или что она не может придумать, как позвонить и проверить, как там Ники.

Мы, мамы, привыкли держать руку на пульсе. Всем нам знакомо это ощущение: необходимость дотянуться. Это как зависимость. Вы звоните и шлете смс, с трудом удерживая себя от новых звонков и смс, *потому что вы только что позвонили и отправили смс*.

Каждый раз я попадала на голосовую почту. Я слышала “профессиональный” голос Эмили – бодрый, живой, деловитый. “Здравствуйте, вы позвонили Эмили Нельсон. Пожалуйста, оставьте сообщение, и я перезвоню вам, как только смогу. До скорой встречи!”

Эмили, это я! Стефани! Позвони мне!

Мальчикам пора было ложиться спать. Эмили так и не позвонила. Такого *никогда* не было. От страха у меня засосало под ложечкой. Точнее, от ужаса. Но я не хотела, чтобы мальчики видели меня такой напуганной, особенно Ники...

Друзья, пока прекращаю писать. Слишком нервничаю.

С любовью,

Стефани

Мамы, привет!

Я часто описывала здесь, как скрывала от Майлза свое горе, когда его отец – Дэвис – погиб в той же автокатастрофе, что и мой брат Крис.

Был прекрасный летний вечер, суббота. Дэвис потерял контроль над управлением нашей винтажной “камаро”, и они с Крисом врезались в дерево. Весь наш мир переменялся в одну минуту.

Я потеряла единственного много значившего для меня мужчину (мой отец умер, когда мне было восемнадцать). А Майлз потерял папу и обожаемого дядю.

Майлзу было всего два года, но он мог заметить мое горе. Мне приходилось быть сильной ради него и держать себя в руках, пока он не уснет. Так что, можно сказать, у меня хорошая (если про такие вещи можно сказать *хорошее*) подготовка, чтобы не распахнуться и не дать мальчикам заподозрить, как я волнуюсь из-за Эмили.

Уложив мальчиков спать, я выпила еще бокал вина, чтобы успокоиться. На следующее утро я проснулась с головной болью, но вела себя так, будто все прекрасно. Я одела ребят. На руку было то, что Ники часто ночевал у нас, поэтому нынешняя ночевка не выглядела странной. У Ники с Майлзом примерно один размер, так что Ники может носить одежду Майлза. Вот еще доказательство, что Эмили намеревалась забрать Ники накануне вечером: если он собирался остаться на ночь, она всегда давала ему с собой смену одежды.

Эмили все еще не звонила. Я приближалась к полномасштабной панике. Руки у меня настолько тряслись, что, когда я насыпала мальчишкам “Чириоз”, колечки рассыпались по кухонному столу и по полу. Кажется, никогда я не тосковала по Дэвису так сильно. Как мне сейчас нужен кто-то, кто помог бы мне, успокоил бы меня!

Я решила закинуть ребят в школу, а потом попробовать разобраться в ситуации. Я не знала, кому звонить. Я знала, что Шон – муж Эмили и отец Ники – где-то в Европе, но у меня не было номера его мобильного.

Я прямо слышу, как сидящие сейчас за компьютерами мамы думают: она нарушила свои собственные правила. никогда не оставляй ребенка после оговоренного времени у себя дома, не имея дополнительной контактной информации!!! Домашний и мобильные телефоны обоих родителей. Близкий родственник или кто-то, кто имеет право принимать медицинские решения. Название и телефонный номер медицинского учреждения, где наблюдается ребенок.

У меня был телефон няни, Элисон. Она человек ответственный, я ей доверяю, хотя, вы же знаете, меня очень беспокоит, когда дети растут с няней. Элисон сказала: Эмили говорила ей, что Ники должен заночевать у Майлза. Отличная новость! Я не стала уточнять, не говорила ли Эмили, как долго Ники должен пробыть у нас. Я побоялась выглядеть... не в курсе, а вы знаете, как чувствительны мы, мамы, к вопросам компетентности.

Вы можете подумать, что я безответственная и к тому же ненормальная, ведь у меня не было мобильного телефона отца Ники. Тут мне нет оправдания. Могу только просить: не судите меня строго.

Высадив мальчишек у школы, я сказала миссис Керри, их чудесной воспитательнице, что Ники пока ночует у меня. У меня было безумнейшее чувство, будто *из-за меня у Эмили будут неприятности*, если я скажу, что она не вернулась домой и не позвонила. Как будто я... как будто я *на нее наябедничала*. Стуканула, что она плохая мать.

Я сказала, что не могу связаться с Эмили... но я уверена, что все в порядке. У нас, должно быть, возникло недопонимание насчет того, как долго Ники предстоит оставаться у меня. Но на всякий случай – не может ли школа дать мне мобильный номер его отца, Шона? Миссис Керри сказала мне: Эмили упоминала, что ее муж на несколько дней улетел в Лондон по делам.

Учителя Майлза мне симпатизируют. Им нравится, что я позитивно пишу о школе в своем блоге, о том, как благодарна им за их огромный труд на благо наших детей.

Миссис Керри дала мне номер Шона. Но я заметила, что она поглядывает на меня слегка недоверчиво. Я сказала себе, что становлюсь параноиком, что она выглядит сосредоточенной, а не встревоженной. Старается не осуждать.

Заполучив номер Шона, я почувствовала себя лучше. Надо было позвонить ему сразу же. Не знаю, почему я этого не сделала.

Я позвонила в компанию, где работала Эмили.

В “Деннис Найлон Инкорпорейтед”. Ну вот, я и произнесла это вслух. Для меня и для многих из вас, друзья, Деннис Найлон – это тот, кем были Диор или Шанель для *наших* мам. Недостижимый, финансово недоступный, всемогущий бог моды.

Я попросила очень молодого (все сотрудники “Денниса Найлона”, за исключением Эмили, почти подростки) человека, поднявшего трубку, соединить меня с офисом Эмили Нельсон. Ее помощница, Валери, в тысячный раз спросила меня, кто я. Ладно, я сказала. Валери меня никогда не видела. Но так ли много в ее жизни женщин по имени Стефани? А в жизни Эмили?

Я сказала: я мама лучшего друга Ники. Валери ответила: ей очень жаль, но Эмили сейчас нет на месте. Я сказала: нет, это *мне* очень жаль, но Ники прошлую ночь пробыл у меня, и Эмили не приехала за ним. Есть в офисе кто-нибудь, с кем я могла бы поговорить? Я тогда подумала, что у каждой мамы должна быть такая Валери. Помощница! У нас столько дел, и нам так нужна помощь!

У Дэвиса было двое помощников, Ивэн и Анита. Талантливые молодые дизайнеры. Иногда мне кажется, что я единственный человек на земле, у которого нет помощника. Шучу, конечно. У нас есть намного больше, чем у других людей, но все же...

Я сумела объяснить, что кое-что неладно. Валери пообещала, что кто-нибудь мне перезвонит. Но никто не позвонил.

Я писала в своем блоге о глупых, вредных разногласиях, часто возникающих между работающими мамами и мамами, которые сидят дома. Втайне я всегда чуточку завидовала Эмили. Гламур, восторг, наряды практически бесплатно! Засекреченные телефоны знаменитостей, показы коллекций... весь этот шик, с которым Эмили имеет дело, пока я дома строгаю сэндвичи с арахисовым маслом, подтираю пролитый яблочный сок и веду

блог. Хотя я знаю, конечно, что Эмили лишена множества простых забав, которые у нас с Майлзом – каждый вечер.

Кажется, никто в компании Эмили не встревожен. Она работает здесь практически с окончания колледжа. Деннису надо бы заняться произошедшим, упросить кого-нибудь найти ее.

Расслабься, Стефани. Успокойся. Прошло еще не так много времени.

Спасибо, друзья. Мне хорошо уже от того, что вы это читаете.

С любовью,

Стефани

Мамы, привет!

Я просто классическая мамаша! К этой минуте я уже почти убедила себя, что все это – моя ошибка. Наверняка Эмили попросила меня поддержать Ники у себя пару дней, а не одну ночь. Но почему тогда я помню, как она сказала, что Ники *не останется* ночевать, что она заберет его до девяти вечера?

Многие из вас опубликовали у себя запись из этого блога, в которой говорилось, как тяжело матерям держаться реальности – какой сегодня день, чего от нас ожидают, что сказал или не сказал тот или иной человек. Убедить маму, что она виновата в том или ином – проще простого. Даже если в том или ином она не виновата. *Особенно*, если она не виновата.

К обеду я так распсиховалась, что наполовину ожидала увидеть Эмили под большим дубом возле школы, где она всегда ждала Ники по пятницам. Я настолько не сомневалась, что она окажется там, что – на долю секунды – мне показалось, что я ее вижу.

Я не могла ее видеть. По одной причине: была среда. Вспомнилось это засасывающее чувство: ищешь и не можешь найти своего ребенка, и когда пройдет целая жизнь и ты его все-таки находишь, сердце уже готово взорваться. Одно время Майлзу нравилось прятаться от меня, и я каждый раз на стенку лезла...

Погодите. У меня есть план. Продолжение следует.

С любовью,

Стефани

Мамы, привет!

При обычных обстоятельствах я бы не поехала к Эмили, не позвонив. Я попробовала дозвониться по городскому телефону. Никто не ответил. Когда-то Эмили дала мне свои ключи и попросила ключи от моего дома. Меня это просто поразило. Именно так поступают разумные взрослые мамы, плюс ощущение, что мы друзья по-настоящему. Ключи, которыми можно воспользоваться в крайнем случае. Или если ты с ребенком просто приехала в день, назначенный для совместных игр, слишком рано и никого нет дома. *Сейчас* именно такой крайний случай. Мне не хотелось вторгаться в личное пространство Эмили, но надо было убедиться, что она не сломала себе что-нибудь, не поранилась и не лежит больная, нуждаясь в моей помощи.

Я не могла привезти мальчиков. Вдруг я обнаружу что-нибудь ужасное? Мое воображение как с цепи сорвалось. Дом Эмили рисовался мне залитым кровью, как после визита Чарльза Мэнсона. Я представляла ее себе в ванне, полной крови.

Я решила остановиться у дома Эмили, когда ехала забирать мальчиков из школы.

Едва свернув на подъездную дорожку, я уже ощутила атмосферу чего-то опасного, жуткого. Накапывал дождь, ветер шевелил листву на деревьях, и ветви словно шептали мне: не ходи, не ходи туда. Шучу. Я мама-рационалистка. Я не слышу, как разговаривают деревья.

Мне заметно полегчало, когда я заметила на подъездной дорожке машину Мариселы, домработницы Эмили. Марисела сказала, что уже заканчивает, это меня успокоило. Если бы Эмили была мертва или лежала беспомощная где-нибудь в доме, Марисела бы это заметила.

Марисела – сущий ангел. Если бы только она работала у нас! Но мы с Майлзом не можем себе ее позволить.

– Сеньора сказала, она уехала четыре дня, – сообщила Марисела. – Она сказала мне приходить убирать, а потом проверить, не хотят ли цветы воды.

Четыре дня! Какое облегчение!

– Вы не говорили с ней по телефону?

– Нет. Зачем? – мило улыбнулась Марисела. – Сеньора, с вами все в порядке? Хотите что-нибудь выпить? Поесть? Сеньора оставила прекрасные фрукты в холодильнике.

Прекрасные фрукты – хороший знак. Эмили намеревалась вернуться. Я попросила стакан воды, и Марисела ушла на кухню.

Странное чувство – сидеть на диване, где я провела столько часов с Эмили. Большой удобный диван вдруг стал ощущаться как бугристый и странный, как что-то, куда можно провалиться и потом не вылезти. Диванчик – венерина мухоловка. Я раздумывала, не поискать ли ключи к ситуации здесь, в доме.

Почему Эмили не сказала, что уезжает на четыре дня? И почему не перезвонила мне? Я знаю свою подругу. Случилось что-то ужасное.

Сидя в доме Эмили, я чувствовала себя как на иголках. Я все ждала: вот сейчас Эмили войдет и спросит, что я здесь делаю. Сначала я бы испытала облегчение, безумную радость, что вижу ее, а потом, может быть, вину, даже при том, что она предоставила мне более чем достаточно причин заглянуть к ней.

Где она? Я готова была захныкать, как ребенок.

На каминной доске стояла фотография двойняшек. В доме Эмили так много великолепного: персидские ковры, китайские вазы, элементы классического дизайна, мебельные шедевры середины двадцатого века. Дэвису понравился бы ее дом, если бы только он дожил до знакомства с ним. Но черно-белую фотографию двух девочек в нарядных платьях, с лентами в волосах, девочек необыкновенно красивых, чарующе улыбавшихся какой-то известной только им тайне, Эмили показала мне специально.

– Эта фотография стоит больше, и я люблю ее больше, чем все остальное в этом доме, – объявила Эмили. – Если я скажу тебе, как мы ее заполучили, моему другу-аукционисту придется убить меня. Как по-твоему, кто из близнецов главнее?

Это было почти дежавю или воспоминание о другой жизни. *Моей* другой жизни – когда я жила в городе и работала в журнале.

Журнале о дизайне интерьера, из тех, которые можно купить на кассе в супермаркете, но все же – в журнале. Обложка, бумага, текст, фотографии. В своей другой жизни я встречалась с людьми, которые отпускали странные замечания, задавали интересные вопросы, а в их домах оказывались прекрасные и неожиданные предметы. С людьми, которые говорили еще о чем-то, кроме как о чем рассказывали их детям на продленке и как узнать, действительно ли эти помидоры органические. С людьми, которые жили весело!

– Не знаю, – ответила я. – А *по-твоему*, какая из двойняшек?

– Иногда мне кажется, что одна, а иногда – что другая.

– А может, ни одна?

– *Такого* не бывает, – сказала Эмили. – Всегда кто-то один доминирует, даже в дружбе.

Была ли Эмили доминирующим другом? Я смотрела на нее снизу вверх, я знаю...

Теперь моя подруга исчезла. А близнецы – вот они, их нежные непостижимые личики все еще смотрят на меня.

Гостиная была совершенна. Естественна. Марисела убралась здесь. На журнальном столике – Дэвис знал бы, какой гений середины века создал его – лежала книжка в мягком переплете. Роман Патриции Хайсмит. “*Те, кто уходят*”. Из книги торчала закладка нашего местного книжного магазина. Именно тогда мне и пришло в голову – не как молния сверкнула, скорее, как лампочка мигнула, – что Эмили могла уйти. Оставить сына со мной и уйти. Люди уходят. Такое случается. А их друзья, соседи и члены семьи потом говорят: мы и не подозревали.

Я решила прочитать книжку Хайсмит, поискать там информацию, которую могла пропустить. Информацию об Эмили. Ее книгу я взять не могла. Эмили рассердится, когда вернется. Я куплю книгу, если ее не окажется в библиотеке. Все рассосется, надо только сохранять хладнокровие и здравомыслие. Все окажется дурным сном, ошибкой, недопониманием, над которым мы с Эмили посмеемся – потом.

Марисела принесла мне воды в винтажном бокале в горошек. Великолепный бокал. Даже бокал был похож на Эмили.

– Попейте, – сказала Марисела. – Вам станет лучше.

Я выпила холодной чистой воды. Но лучше мне не стало.

Я сказала Мариселе спасибо и покинула дом. Проверила

свой телефон. Ни сообщений, ни писем. Я была уверена, что Эмили не из тех, “кто уходят”. Что-то было очень не так.

Мне следовало бы позвонить в полицию. Но я продолжала все отрицать, обвиняла себя в том, что неправильно поняла Эмили, что услышала что-то, чего моя подруга не говорила. В то же время мое подсознание запустило фильм ужасов: угон машины, взятие в заложники, убийство, труп в придорожной канаве, удар по голове, из-за которого Эмили бродит где-то, погрузившись в амнезию. Может, кто-нибудь нашел ее. Может, кто-нибудь привезет ее домой.

Вот почему я пишу об этом в своем посте. Мы все читали о таких чудесных случаях, ими полнится интернет. Это лучшее, что дают социальные сети и блоги! Так что я прошу мамское сообщество держать свои сверхзоркие материнские глаза открытыми. Если вы увидите женщину, похожую на Эмили, спросите ее, все ли с ней в порядке. Если вы увидите женщину, похожую на Эмили, и вам покажется, что она попала в аварию или заблудилась, сразу же напишите мне на номер, указанный внизу.

Спасибо, дорогие мамы!

С любовью,

Стефани

Блог Стефани (Следующий день) Другие мысли и звонок Шону

Мамы, привет!

Прерывистая дрема. Вещие сны. Проснувшись в шесть, я не поняла, что не так. Потом вспомнила: Эмили пропала. Еще потом вспомнила все остальное; мне было страшно взглянуть на телефон. Я рассекретила свой личный номер и попросила читательниц сообщать о каждой женщине, похожей на Эмили, которая – если начистоту – выглядит как сотни светловолосых, худых, симпатичных, посещающих фитнес-зал мам. Ее татуировка и кольцо могут сократить этот список, но тату есть у множества мам. Как узнать, на ней ли кольцо? Вдруг ее ограбили?

Слава богу, мамское сообщество очень разумно. Я получила всего два сообщения. Оба раза Эмили видели в местах (одно – Аляска, другое – север Шотландии; просто поразительно, как далеко захаживает мой маленький блог), настолько далеких, что непонятно, как Эмили могла бы добраться туда за (короткое, продолжаю твердить себе я) время своего отсутствия.

Вообще я подумала сменить номер, на случай, если тысячи мам начнут звонить и писать мне, стараясь помочь. А пока... Мы должны быть осторожны с нашей личной информацией. Но у Эмили есть только этот номер, а я все еще надеюсь, что она позвонит. Нам с Ники нужно, чтобы она имела возможность связаться с нами.

На второй вечер, за ужином, Ники стал беспокойным. Любой малыш стал бы. Я уверена – он заразился моей тревожностью. До этого времени он никогда не оставался на две ночи подряд, не считая того уик-энда, когда его родители уезжали, и все отлично провели время, никто не нервничал. Сейчас Ники начал спрашивать меня, когда за ним приедет мама. Он съел веганский бургер, и его тут же вырвало. Я погладила Ники по голове и сказала, что мама скоро вернется и что я позвоню его папе.

В Англии было семь, когда я позвонила Шону. Я была в

таком отчаянии, что – глупейшим образом – забыла о разнице во времени. Судя по голосу, Шон был спросонья.

– Я вас разбудила? Прошу прощения! – Зачем я извинилась? У него жена пропала!

– Вы меня не разбудили, – заплетающимся языком проговорил он. – Кто это?

Я испытала нечеловеческое искушение захихикать. Мне всегда было интересно, останется ли у Шона его шикарный британский акцент, если разбудить его от глубокого сна. Акцент остался.

– Это подруга Эмили, – сказала я. – Стефани.

– Стефани, – повторил Шон. Он понятия не имел, кто я такая, хотя видел меня много раз. – Что случилось, Стефани?

– Не хочу выглядеть паникершей, – сказала я, – но Эмили оставила Ники у меня, и я не знаю... где она и когда собирается вернуться домой. Наверное, я ее плохо поняла, я не знала, что Ники останется...

Я прямо-таки слышала, как терпение Шона испаряется. Пффф!

– Она в командировке, – ровным голосом сказал он. – Уехала на пару дней. – Очень определенно, очень ясно.

– О, – сказала я, – какое облегчение. Простите, что потревожила.

– Ничего. И звоните, если снова будет нужно... Стефани.

Только после того, как мы распрощались, я сообразила: Шон не спросил, как Ники. Какой он отец? Какой муж? Неужели он ни капли не беспокоится о жене? Но с чего бы ему беспокоиться. Они оба уехали в командировки, каждый в свою. Они так живут. Неужели я верю, что муж с женой созваниваются каждый вечер, если они не вместе?

Кроме того, я его разбудила. Многие мужчины долго не могут прийти в себя, если их разбудить. Еще одна роскошь, которую мать-одиночка не может себе позволить.

Вечером Эмили не вернулась. Я не перезвонила Шону и снова сделала вид, что все в порядке. Обычный вечер с детьми. Время от времени Ники принимался плакать. Я разрешила мальчикам залезть в мою кровать и посмотреть мультики, пока не пришла пора ложиться спать. Я затолкала все плохое на задворки сознания, чему мамам иногда приходится научиться. Надо просто

потерпеть. Подождать еще день. Сейчас я могу только ждать.

К следующему вечеру, когда Шон прилетел из Англии, Эмили так и не вернулась. Шон позвонил мне из аэропорта. Теперь у него тоже был встревоженный голос. Он оставил вещи дома, где надеялся (или боялся!) найти Эмили, а потом поехал прямо ко мне.

Едва услышав папин голос, Ники вылетел из детской. Порывисто обхватил отца. Шон подхватил сына на руки, поцеловал, прижал к груди.

Каким-то образом то, что Шон у меня в доме и обнимает своего напуганного, но храброго маленького мальчика, превратило мой водянистый страх в ледяную глыбу.

Это все на самом деле. Моя подруга пропала без вести.

Мамы! Где бы вы ни были – пожалуйста, помогите.

С любовью,

Стефани

У всех есть секреты, говаривала моя мать. Не очень-то полезно говорить такое дочери, если хочешь вырастить ее здоровым человеком, который сможет выстраивать здоровые отношения с другими здоровыми людьми. Но у мамы, безусловно, были свои резоны.

Через четыре дня после смерти отца, а мне тогда было восемнадцать, в нашу дверь постучал какой-то незнакомец. Мать выглянула в окно и сказала: “Стефани! Смотри, твой отец”.

Я слышала выражение “обезуметь от горя”, но мама была вполне в своем уме. Конечно, у нее сердце разрывалось по моему отцу. Они очень любили друг друга. Во всяком случае, насколько я знала.

Наверное, мы с матерью еще не верили по-настоящему, что папы больше нет. Он много путешествовал, и с того дня, как его во время партии в гольф (недалеко от нашего дома в прелестном пригороде Цинциннати) сразил инфаркт, нам казалось, что он просто в командировке. Он был заместителем директора в фармацевтической компании и ездил на конференции и встречи по всей стране.

Ну ладно; на самом деле моя мать имела в виду: “Смотри. Вот твой отец, когда ему было двадцать четыре. В год, когда мы поженились”.

Я выглянула в окно.

Молодой человек, стоявший на нашем крыльце, был женихом со свадебного фото моих родителей.

Я никогда его раньше не видела, хотя у меня возникло чувство, что я всю свою жизнь смотрела на него каждый день. Да так оно и было. Он присутствовал в моей жизни во взятой в рамку фотографии на пыльном пианино.

Единственное отличие состояло в том, что незнакомец был в джинсах и джинсовой куртке, а не в белом смокинге, и темные волосы стильно подстрижены, а не зализаны назад, “под Элвиса”, как у папы на свадебной фотографии.

Мама сказала: “Пригласи его войти”. Я не могла отвести глаз от симпатичного парня. Мой отец был красивым – до того, как его изменили разъезды, выпивка и аэропортовская еда.

Мама сказала молодому человеку: “Постойте здесь. Ничего не говорите”. Схватила с пианино свадебное фото и вручила юноше. Он

установился на фотографию; на его лице отразилось изумление. Потом парень громко рассмеялся. Мы все рассмеялись.

– Думаю, тест на ДНК нам можно не делать, – сказал он.

Его звали Крис. Он жил в Висконсине, в Мэдисоне. Мой папа был его отцом. Они виделись раз в полгода. Отец тогда организовывал поездку так, чтобы заехать в Висконсин и повидаться со своей второй семьей – мамой Криса и Крисом.

Крис увидел некролог моего отца в интернет-версии местной газеты. Некролог показал ему Гугл-алерт, и я подумала, что он хотел (бедный мальчик!) приглядывать за моим отцом. За *своим* отцом. Его мать умерла от сердечной недостаточности годом раньше. Крис в некрологе не упоминался, но мы были. И мы были – то есть мой отец был – в телефонной книге.

Тот факт, что этот красавчик – мой брат, требовал осмысления. Я все еще ждала, что он скажет, что он мой сколько-нибудь-юродный брат, который случайно очень похож на моего отца.

Должна упомянуть еще одну роковую деталь: в тот момент я выглядела в точности как моя мать в моем возрасте. Я до сих пор похожа на нее, хотя и меньше, чем раньше. Я выглядела, как она на свадебном фото, а мой новообретенный брат Крис – как мой – *наш* – отец. И вот мы, счастливые новобрачные, были сняты с верхушки свадебного торта, клонированы и реанимированы двадцать лет спустя. Что тут скажешь? Это заводило.

На мне были джинсы и футболка. Но я сознательно приняла позу, как у мамы на свадебной фотографии: локти прижаты к бокам, руки на животе, как лапы у суслика. Когда я заставила себя опустить руки и встать как нормальный человек, я увидела, как Крис бросил взгляд на мою грудь.

Подозревала ли моя мать правду? Не потому ли она говорила, что у всех есть секреты? Я так и не заставила себя спросить, что она имела в виду, даже – и особенно – после того, как Крис вошел в нашу жизнь.

Мама пригласила Криса сесть за стол на кухне, подала ему тарелку оставшейся после поминок нарезки. Мы тогда заказали непомерно много, и несмотря на то, что шок от папиной смерти умножился шоком от появления моего новоиспеченного брата, тот факт, что Крис сидит на отцовском месте и спокойно поедает мортаделлу, делал все совершенно нормальным. Почти правильным.

– Прости, что мы не сказали тебе о похоронах, – извинилась мама.

Почему *мама* извинялась? Потому что она извинялась всегда, делала то, чего ожидают от женщин. Мы вечно виноваты во всем! И хотя мне было

жаль маму, мне хотелось заткнуть ее.

– Господи, да вы и не должны были, – сказал Крис. – Вы же не знали о моем существовании.

Логично было бы думать, что это папина вина. Но обвинять его было уже поздно.

– Если кто и должен просить прощения, то это я, – заметил Крис.

– За что? – спросила мама.

– За то, что явился вот так. И, думаю... за свое существование.

У Криса была прекрасная улыбка. Мы все снова рассмеялись. Мы с мамой смеялись больше, чем за все время после папиной смерти.

– Возьми еще, – предложила мама и положила Крису добавки, не дожидаясь ответа. Мне ужасно нравилось смотреть, как он ест – внимательно и с отменным аппетитом.

Неужели вся моя жизнь сложилась бы по-другому, если бы мама не сказала тогда, что уже поздно и Крису не стоит пускаться в долгий обратный путь? Если бы она не пригласила его заночевать у нас?

Случилось то, что должно было случиться. Мы с Крисом проговорили всю ночь. Наша жизнь, наши надежды, наши страхи. О чем я говорила? Что я знала? Мне было восемнадцать. Подросток.

Утром Крис взял у меня номер мобильного. На следующий день позвонил. Он остановился в мотеле недалеко от нашего дома.

У меня уже был бойфренд. Незадолго до этого мы с ним ходили на выпускной вечер. И несколько раз занимались сексом. Он был моим первым мужчиной, и я не понимала, из-за чего весь сыр-бор.

Теперь я не думала о бойфренде. У меня в голове было одно: как бы поскорее доехать до мотеля Криса, чтобы меня не оштрафовали.

Крис сказал мне, в каком номере остановился. Холодея, я постучала в дверь; не переставая дрожать, вошла, застенчиво поцеловала Криса в знак приветствия и поискала взглядом, куда сесть. У письменного стола стоял шаткий стул. На нем аккуратной стопкой была сложена одежда Криса. Мы оба понимали, что я сяду на кровать.

Крис сел рядом. Тыльная сторона его ладони скользнула по моей груди.

– Иди сюда, – позвал он, хотя я и так сидела рядом с ним.

Я все еще слышу его слова, и у меня спирает дыхание и подгибаются колени – совсем как тогда. После того раза я поняла, что такое секс. Почему люди готовы ради него на все. Умереть готовы. После того раза мне всегда не хватало. Пути назад не было. Мы с Крисом не могли разлучиться. Я хотела, мне необходимо было быть там: в этом будоражащем,

доставляющем столько наслаждения тайном месте, в которое мы могли попасть – вдвоем.

Не всегда и не везде я могу позволить себе вспоминать, как я была с Крисом. Я не могу думать об этом, когда я на людях, особенно – если я за рулем. Желание струится по телу. Веки тяжелеют, я становлюсь сонной от вожделения. Я закрываю воспаленные глаза и чувствую, как растекаюсь в лужицу чистого жадного нетерпения.

* * *

В ту ночь, когда Шон вернулся из Лондона, я уложила мальчиков спать в комнате Майлза. Ники плакал и не хотел идти в кровать, потому что его папа был дома. И (излишне говорить) потому что его мамы дома не было. Но Шон приехал и оставался с ним, пока он не уснул.

Я спросила Шона, не хочет ли он выпить что-нибудь.

– Выпить мне сейчас хочется, как никогда, – признался он. – И чего-нибудь покрепче. Но по-моему, лучше воздержаться. Сейчас сюда явится полиция, а от меня несет, как от винокуренного завода.

Мне стало спокойнее, когда Шон вызвал полицию. Значит, он воспринимает все всерьез. Мне казалось, что заявлять в полицию об исчезновении подруги – не мое дело. Я ждала Шона.

Не знаю, почему они прислали полицейских штата, которые в нашем округе занимаются в основном патрулированием дорог. Это их область компетенции. И случающиеся время от времени семейные разногласия.

Как странно! Именно явившиеся по вызову полицейские выглядели подозрительно. Сержант Моллой, рыжий и в рыжих усах, походил на олдскульную порнозвезду. Помада у офицера Бланко (неужели женщинам-полицейским разрешают *столько* косметики?) оказалась размазана. Кажется, они резвились у себя в патрульной машине, когда поступил звонок Шона.

Может, поэтому они выглядели смущенными. Сначала полицейские решили, что я жена Шона, так почему он сообщил, что его жена пропала? Потом они решили, что мой дом – это дом Шона... довольно много времени ушло на то, чтобы полицейские разобрались в положении дел: Шон – муж, я – подруга. Сержант Моллой спросил, сколько времени отсутствует Эмили; Шон посмотрел на меня, и я сказала: “Шесть дней”. Сержант Моллой пожал плечами, словно говоря, что его жена – у него на пальце поблескивало обручальное кольцо – всегда отправляется куда-

нибудь на несколько недель, никому не сказав. Офицер Бланко странно взглянула на него, но сержант не сводил глаз с Шона, словно не понимал, почему Шону понадобилось спрашивать *меня*, сколько времени отсутствует его жена. Или почему мы ждали так долго

– Прощу прощения, – извинился Шон. – Я еще не отошел от смены поясов.

– Были в отъезде? – спросил сержант Моллой.

– В Лондоне, – сказал Шон.

– Навещали родных? – Блестящая дедукция, Шерлок. Акцент его выдал!

– По делам, – сказал Шон.

Полицейские обменялись долгими взглядами. Вероятно, в полицейской академии их учили, что муж всегда главный подозреваемый. Но они явно прогуляли то занятие, на котором преподаватель объяснял, что делать, если муж на момент исчезновения жены был по другую сторону Атлантики.

– Подождите еще пару дней, – сказал сержант. – Может, она просто решила развеяться. Немного отдохнуть от обычной жизни.

– Вы не понимаете, – сказала я. – Эмили оставила своего сына у меня! Она бы *никогда* не оставила его, не позвонив и вообще никак не давая о себе знать.

– Вот и еще причина, – заметила офицер Бланко. – У меня трое ребят, и поверьте, бывают дни, когда я мечтаю – как прекрасно было бы взять паузу и уехать в какое-нибудь приятное комфортабельное спа. Немного времени для себя.

Я на время выключилась, вспомнив свой блог. Я постоянно слышу подобные речи от мамаш. Но Эмили не такая. Как бы мне донести до этих двоих мысль, что с исчезновением Эмили что-то по-настоящему не так?

Тем временем копы перешли к вопросам о том, связывался ли Шон с кем-нибудь из подруг и родных Эмили.

– Я ее подруга, – сказала я. – Ее лучшая подруга. Я из тех, кому она сказала бы...

Сержант Моллой перебил меня:

– Семья? Близкие родственники?

– Ее мать живет в Детройте, – сказал Шон. – Но я уверен, что Эмили не поехала бы туда. Они с матерью уже много лет не слишком ладят.

Я была потрясена. Эмили внушила мне, что у них с матерью теплые – хоть и не особенно близкие – отношения. Эмили с таким сочувствием слушала, когда я рассказывала про своих маму и папу.

– Есть идеи, почему? – спросила офицер Бланко.

Ну какое отношение нелады Эмили с матерью могут иметь к ее исчезновению? Эти двое, должно быть, свято верили, что их жетоны и форма дают им право совать нос во все, что им только придет в голову.

– Моя жена не любила говорить об этом, – сказал Шон. – Какие-то разногласия из отдаленного прошлого. В любом случае, ее бедная мать страдает деменцией. По словам жены, старуха не всегда точно знает, кто она и где находится. Ее то заносит в реальность, то уносит из реальности. Она думает, что ее муж – который умер десять лет назад – все еще жив. Если бы не ее сиделка...

– Пусть так, – сказала офицер Бланко. – Когда люди попадают в беду, они часто стремятся в дом своего детства, место, где они впервые ощутили себя в безопасности.

– Могу гарантировать вам, что моей жены там нет. В том доме она определенно не чувствовала себя в безопасности. А почему вы считаете, что моя жена попала в беду?

Возможно ли, чтобы Шон лгал? Эмили никогда не упоминала, что у ее матери слабое здоровье. Она упоминала только, что ее мать терпеть не могла родинку у нее под глазом и вела кампанию за то, чтобы ее удалить. Эмили сопротивлялась – в основном чтобы продемонстрировать неповиновение, – но следствием конфликта стал пожизненный комплекс из-за этого маленького темного пятнышка.

А я всегда верила, что мы рассказываем друг другу все обо всем.

Полицейским не терпелось убраться отсюда и написать рапорт. А может, им не терпелось в патрульной машине снова приступить к делу, от которого их отвлекли. На прощание они попросили дать им знать, если Эмили объявится, и обещали, что детектив свяжется с ними через день-два, если все останется как есть. Через день-два? *Серьезно?*

В дверь снова позвонили. Это оказался сержант Моллой.

– И еще кое-что, – сказал он, как Питер Фальк в старой серии “Коломбо”. Я чуть не прыснула. – Надеюсь, в ближайшее время вы не планируете других поездок в Европу, – обратился он Шону.

– Я буду здесь, – холодно ответил Шон. – В смысле – у себя дома. Со своим сыном.

Услышав, что патрульная машина выехала с подъездной дорожки, я сказала:

– По-моему, нам необходимо выпить.

– Определенно, – согласился Шон.

Я налила нам по двойному бурбону, и мы сели за кухонный стол,

потягивая бурбон и ничего не говоря. Почти приятное чувство – пить, ничего не говорить, чувствовать, что после столь долгого перерыва в доме снова мужчина. Но потом я вспомнила, зачем Шон здесь. И пришла в ужас – в который раз. Я сказала:

– Может, тебе *стоит* позвонить ее матери?

По крайней мере, мы бы *что-то* делали. Мне хотелось быть рядом, когда Шон станет звонить. Эмили или утаила от меня часть важной информации о себе, или лгала Шону. Или Шон лгал полиции. Все эти версии не имели смысла. Зачем ему лгать о подобных вещах? А зачем *ей*?

– Конечно, – ответил он. – Стоит попробовать. В крайнем случае, поговорю с ее сиделкой.

Шон набрал номер. Мне хотелось попросить его включить громкую связь. Но это выглядело бы странно.

– Здравствуйте, Бернис, – начал он. – Мне страшно не хочется беспокоить вас, но Эмили, случайно, с вами не связывалась? О, конечно. Я подумал – нет. Нет, все отлично. Думаю, она уехала в командировку. А я только что вернулся. С Ники все прекрасно, он оставался у друга. Я совсем не хочу беспокоить вас... – Пауза. Потом Шон сказал: – Конечно, я поговорю с ней, если она хочет. Рад слышать, что у нее один из хороших дней.

Еще одна пауза, потом:

– Добрый вечер, миссис Нельсон. Надеюсь, у вас все хорошо. Я хотел спросить: ваша дочь вам не звонила?

Пауза.

– Эмили. Нет-нет. Я так и думал. Пожалуйста, передайте ей от меня привет, если увидите ее. И берегите себя. До свидания.

Когда Шон положил трубку, на глазах у него были слезы. Я почувствовала себя отвратительно из-за того, что я такая мелочная и подозрительная. Какие бы смешанные чувства я ни испытывала к Шону, Эмили была его женой. Мамой Ники. Шон любил ее. В этом мы с ним были единомышленны.

– Ах, бедная старуха, – сказал Шон. – Она спросила: “Дочь? Какая дочь?”

Услышав это, я почти порадовалась, что смерть моей матери была милосердно внезапной и мне не пришлось видеть, как мама исчезает по частям.

– А что насчет семейного домика на озере? – спросила я. – В Мичигане? Куда вы, ребята, ездили на твой день рождения. Эмили не могла уехать туда?

Шон бросил на меня острый изучающий взгляд, словно спрашивал себя, откуда мне известно про домик, словно он *не хотел*, чтобы я знала про домик. Неужели он не помнит, что именно я взяла на себя Ники, когда они с Эмили сбежали на свой романтический уик-энд?

– Ни в коем случае, – сказал Шон. – Она любила бывать там. Но не одна. Одна – никогда. Она боялась, что это место посещают призраки.

– Посещают? Как?

– Не знаю. Никогда не спрашивал. Однажды она сказала, что там полно привидений.

Я задумалась. Насколько близки были Шон и Эмили, если она сказала, что в семейном домике водятся призраки, а он так и не уточнил, что она имела в виду?

– Она рассказывала, что ее родители были холодными, авторитарными, отвергающими ее людьми и что ее жесткая юность была реакцией на то, что ей пришлось вынести в доме без любви. Я всегда думал, что это нас объединяет. У нас обоих детство прошло в психушке.

Исчезновение Эмили и, полагаю, бурбон заставили Шона – обычно такого британского и сдержанного – говорить свободнее, чем я от него ожидала. На самом деле до сих пор мы едва ли обменялись несколькими словами, так что, наверное, я хочу сказать – более свободно, чем я себе представляла. Мне хотелось сказать, что мое детство тоже прошло в психушке. Только другого рода. Оно выглядело опрятным и упорядоченным, когда я росла. Лишь позже я поняла, насколько сумасшедшим был мой родной дом.

Но ничего этого я не сказала. Не только потому, что кое-что обо мне Шону необязательно было знать, но и потому, что я боялась показаться соревнующейся с Шоном и Эмили за то, у кого из нас детство было хуже.

* * *

Однажды после обеда, вскоре после появления в моем доме полиции, Шон позвонил и спросил, не могу ли я забрать Ники из школы. Детективы просили его приехать в участок в Шероне. Он отпросился с работы, едет туда, но не знает, когда вернется.

Он приехал ко мне в шесть вечера. Его допрашивали два детектива, снова мужчина и женщина, детективы Мини^[1] ((неужели ее действительно так зовут?) и Фортас. Шон сказал, что они выглядели ненамного компетентнее, чем пара, явившаяся в мой дом той ночью.

Хотя эти по крайней мере взяли на себя труд связаться с полицией Детройта, которая навестила мать Эмили и получила тот же ответ, что и Шон. Нет, миссис Нельсон ее не видела. Нет, миссис Нельсон понятия не имеет, где ее дочь. Если честно, они больше говорили с ее сиделкой. У миссис Нельсон был один из ее “плохих дней”, и она едва могла вспомнить, как ее дочь зовут.

Во все продолжение своей беседы с детективами, сказал Шон, у него было чувство, что они следуют инструкции из учебника: “допрос Мужа Пропавшей Жены № 101”. Беседа вымотала Шона. Детективы снова и снова задавали одни и те же вопросы. Знает ли Шон, куда могла уехать Эмили? Был ли их брак счастливым? Доказательства? Причины, по которым она могла чувствовать себя неудовлетворенной? Возможность того, что у нее был роман на стороне? Случаи алкоголизма или злоупотребления наркотиками?

– Я сказал, что она экспериментировала с наркотиками, недолго. Как все мы, когда нам было по двадцать с небольшим. Улыбнулся им, как идиот. Но шутка осталась при мне. Эти двое мне в ответ не улыбнулись. Никаких глупостей насчет их двадцатилетних. Это продолжалось не один час. Мрачная комната для допросов. Они ушли, потом вернулись. Как во всех этих детективных сериалах, которые мне всегда нравились, а Эмили – нет... И еще... Мне не показалось, что они меня в чем-то подозревают. Если честно, Стефани, по-моему, они не верят, что Эмили мертва. Не знаю почему, с чего они взяли, что знают все о нас. О нашем браке. Но мне кажется, они думают, будто Эмили просто подхватила и уехала. Сбежала. Они все твердили: “В отсутствие трупа, в отсутствие признаков насильственной смерти...” А я все сдерживался, чтобы не крикнуть: “А как насчет отсутствия Эмили?!”

– Как насчет отсутствия?

Я ловила каждое слово Шона, в то же время думая, что слова о нелюбви Эмили к детективным сериалам – это его первая жалоба, которую я когда-либо слышала от Шона насчет Эмили. А вот у нее был богатый список претензий к нему. Шон ее не слушает. Шон заставляет ее чувствовать себя дурой. Любая жена в нашем городке могла бы сказать то же самое о своем муже. Я могла бы сказать такое о Дэвисе.

Спустя несколько дней позвонила детектив Мини. Хорошо, что Шон предупредил меня насчет ее имени; я не захихикала и не сморозила какую-нибудь глупость, когда она представилась. Мини сказала, что я могу приехать к ним в участок, когда мне будет удобно. Они подстроятся под мое расписание. Очень мило. Но не померещилась ли мне некоторая надменная

ирония в ее голосе, когда она сказала “расписание”?

Отвезя Майлза в школу, я поехала в полицейский участок Шерона. Должна признаться, я нервничала. Мне казалось, что все станут смотреть на меня так, словно это я *сделала* что-то плохое.

Детектив Мини и гораздо более молодой детектив Фортас задавали мне те же вопросы, что и Шону. В основном их интересовало, не была ли Эмили несчастна. Все время, что я говорила, детектив Фортас проверял что-то в своем телефоне и пару раз отправил сообщения, которые, насколько я понимаю, не имели ко мне никакого отношения.

Я сказала: ей нравилась ее жизнь. Она бы никогда этого не сделала. Преданная жена и мать пропала, а вы, ребята, и не думаете шевелиться! Почему я одна хлопочу о своей подруге? Почему ее муж не сказал того, что говорю я? Может, потому, что Шон британец. Слишком вежлив. Или не ощущал эту страну своей. Предоставил решать мне.

– Ладно. – Детектив Фортас словно бы делал мне огромное одолжение. – Посмотрим, что мы сможем выяснить.

В те выходные детективы объявились у Шона: могут ли они осмотреть дом? К счастью, Ники был у меня, играл с Майлзом, так что Шон впустил их. Он сказал, что обыск был неопределенным и поверхностным. Как будто они на самом деле риелторы или люди в поисках квартиры, подумывающие, не купить ли этот дом.

Детективы попросили фотографии Эмили. Шон отдал им несколько снимков. К счастью, сначала он позвонил мне, и я посоветовала не отдавать снимки, на которых есть Ники. Шон одобрил эту мысль.

Мы дали детективам полное описание Эмили – татуировка на запястье, ее волосы, ее кольцо с бриллиантами и сапфиром. Шон плакал, когда рассказывал о кольце. Я воздержалась от упоминания ее духов. Не стоит говорить о таких вещах детективам, ведущим дело об исчезновении человека. Сирень? Лилии? Итальянские монахини? Спасибо за помощь, мэм. Когда вы будете нам нужны, мы позвоним.

* * *

Наконец компания Эмили очнулась от своего глубокого кутюрного сна. Хотя меня их молчание не удивило. Рупором “Деннис Найлон Инкорпорейтед” была Эмили, и без нее никто там не знал, как и что говорить.

“Деннис Найлон” в семидесятые годы было клубным именем ее босса.

Он вышел из панковской уличной моды и поднялся до положения одного из самых шикарных и дорогих модельеров. В своем фирменном черном кожаном костюме, костюме-унисекс “от Денниса Найлона”, Деннис появился в шестичасовых новостях, чтобы сообщить, что они по мере сил сотрудничают с полицией и поддерживают усилия детективов по розыску Эмили Нельсон, их обожаемой сотрудницы и высоко ценимого друга. На Деннисе был галстук с логотипом компании, что (по мне) выглядело безвкусицей. Но, может быть, никто этого и не заметил.

Деннис сказал буквально следующее: “Выяснить, что произошло с Эмили Нельсон”. Он казался настолько уверенным в том, что с Эмили что-то произошло, что у меня мороз прошел по коже. Внизу был номер, по которому предлагалось звонить тем, кто располагает какой-либо информацией. Выглядело это как “джинса”: если хочешь заказать такой же галстук, позвони по этому телефону. И все-таки благодаря появлению Денниса на телеэкране дело привлекло к себе внимание, по крайней мере на время. По слухам, компания сделала внушительный взнос в фонд полицейского департамента, чтобы воодушевить детективов и сподвигнуть их на то, чтобы сделать все возможное и еще немного сверх того.

“Деннис Найлон Инкорпорейтед” напечатала флаеры и принялась распространять их по всему округу. Компания собрала полный автобус интернов от моды, и весь день в нашем городке роились дистрофичные молодые андрогины, все с асимметричными стрижками и в костюмах в обтяжку, с охапками флаеров, строительными степлерами для телефонных столбов и двусторонним скотчем для окон магазинов. “Вы не видели эту женщину?” Не уверена, что я ее видела, потому что гламурный портрет Эмили – при полном макияже, волосы тщательно уложены, родинка зафотошоплена – столь мало был похож на мою подругу, что и я вряд ли смогла бы ее узнать. Я видела эти фотографии везде, и это расстраивало и одновременно успокаивало меня – они служили постоянным мучительным напоминанием о нашей потере, вкупе с маленьким утешением: наконец-то хоть кто-то *хоть что-то* делает.

Наконец кто-то или что-то заставило детективов Мини и Фортаса дотащить задницы аж до отдела, где обитали гики, отслеживающие записи с камер видеонаблюдения. Те проследили маршрут Эмили до аэропорта Кеннеди, где она перед терминалом поцеловала Шона на прощание. Но не зарегистрировалась на рейс до Сан-Франциско, на который заказала билет. Ни я, ни Шон понятия не имели, что она собирается на Запад.

У Шона сложилось впечатление, что она едет в город, что Эмили заехала с ним в аэропорт на предоставляемой его фирмой машине, чтобы

составить ему компанию и попрощаться с ним. После этого, по его мысли, жена отправилась на работу. Сотрудники Денниса Найлона ничего не знали о командировке на Западное побережье.

Камера видеонаблюдения поймала ее выходящей из терминала, потом Эмили показалась в агентстве по прокату автомобилей, где арендовала полноразмерный четырехдверный седан. Эмили взяла первое, что ей предложили, – белую “киа”. Полиция допрашивала агента по прокату, но он не помнил ничего – только то, что Эмили вроде бы отказалась от GPS. Ничего необычного. Многие не хотят платить дополнительно за систему навигации, которая и так есть у них в телефоне.

Это показалось мне похожим на правду. Эмили отлично ориентируется на местности. Куда бы мы ни направлялись, хотя бы просто в городской бассейн, я сидела за рулем, а Эмили прокладывала маршрут по своему телефону. Она знала, как рассчитать время в пробке, хотя у нас в городке не бывает пробок, если только ты не едешь на железнодорожную станцию в час пик. Я никогда не ездила на станцию в час пик – а вот Эмили приходилось, пять дней в неделю.

Куда она уехала на той машине? Почему не написала и не позвонила мне?

Хорошая новость: великие детективы установили, что в компании по сдаче машин в аренду действует система безналичной оплаты *EZ-pass*, и полицейские отследили Эмили до пункта дорожной платы, находящегося в 200 милях к западу от Манхэттена, на Пенсильванской платной дороге. Плохая новость: здесь они ее потеряли. Похоже, Эмили съехала с магистрали и начала выбирать более узкие дороги, после чего выключила телефон и пропала, уйдя в мертвую зону.

Мы с Шоном попросили поднять по тревоге местную и государственную полицию в том месте, где Эмили видели в последний раз, но это уже было сделано. Если Эмили сбежала, она могла оказаться где угодно. На этих узких дорогах мертвые зоны тянутся бесконечно. Полиция хотела посмотреть, не появятся ли какие-то новые зацепки.

Мертвые зоны. От одного только этого выражения у меня мурашки ползли по коже.

* * *

Следующей неожиданностью стало то, что Эмили сняла с банковского счета две тысячи долларов наличными. Это со всей определенностью

указывало на то, что она планировала какую-то поездку.

Снять много из банкомата невозможно – по крайней мере в нашем городке. Полицейские говорили, что на записи с камеры Эмили появлялась перед окошком банкомата – одна. Несколько дней подряд. Казалось возможным (такому параноику, как я), что какой-нибудь бандит или угонщик машин подкараулил ее и пригрозил сделать что-нибудь ужасное с ней или с ее семьей, если она станет звать на помощь. Я не могла понять, почему полицейские не рассматривают такой сценарий всерьез. Они что, новости не смотрят? Невинных мам чуть не каждый день похищают с парковок перед торговыми центрами.

Шон сказал на работе, что не сможет никуда ездить, пока не найдут его жену, и предложил уйти в неоплачиваемый отпуск. Однако в конторе отнеслись с пониманием и оставили его на половинной занятости. Ему предстояло взяться за один местный проект, и он мог работать дома, приезжая из Коннектикута в Нью-Йорк лишь время от времени.

Шон *выкладывался* ради Ники. То, как он заботился о сыне, насколько полно включился в его дела, выглядело прекрасно. Он отвозил Ники в школу каждое утро и забирал его каждый день. Он то и дело совещался с миссис Керри, отчасти чтобы держать ее в курсе расследования, хотя, вероятно, она и так знала о деле все – или по крайней мере многое.

Сначала имела место некоторая публичность, спасибо Деннису Найлону (думаю, в основном ему). Пропала мама из Коннектикута! Шон, храбрый страдалец-муж, отправился на телевидение и просил каждого, кто, возможно, видел Эмили, связаться с властями. Он был невероятно убедителен, и скорее всего ему поверили. Но это всего лишь местные новости, и вот уже наша история ушла из захватывающих телесюжетов со звездным Деннисом Найлоном.

Когда полицейские обнаружили, что Эмили арендовала машину и сняла значительную сумму, дело еще больше стало казаться им историей о сбежавшей жене. Интерес СМИ мало-помалу испарялся, репортеры побежали дальше. Алиби мужа проверили. Ни одной новой зацепки, ни одной ниточки, новых данных нет, а Эмили так и не нашли.

Ники не расклеился только благодаря нам. Мы с Шоном работаем в команде. Ники и Майлз часто играют вместе. Я дала Шону контакты психотерапевта, к которому возила Майлза после смерти отца и дяди – Майлз тогда постоянно прятался от меня в людных местах; я не могла найти его, а он смеялся, когда я с ума сходила от волнения. Терапевт сказал, что многие дети играют в эту игру. Дети всегда проверяют нас. Так они учатся. Не надо думать, что это из-за смерти папы и дяди Майлза, хотя она,

конечно, оказалась крайне травматичным событием.

Доктор сказал, что мне надо спокойно попросить Майлза перестать прятаться – и он перестанет. Он сказал, что у Майлза есть совесть. Я рада была это слышать, так же, как мне нравится нынешнее ощущение: мы с Шоном вместе делаем все, чтобы по возможности облегчить ситуацию для Ники. А это не *всегда* легко.

Майлз тогда прекратил прятаться, и сейчас я говорю себе, что Ники выстоит. Мы пройдем через испытания вместе.

Мы не подпускали к Ники журналистов. Его лицо ни разу не появилось на фотографиях Эмили и Шона. Он оставался у меня в те, первые, дни, когда Шон давал интервью и встречался с детективами.

Местонахождение арендованной машины так и не определили. Шон заполнил тонну бумаг, чтобы объявить Эмили пропавшей без вести, что аннулировало соглашение о найме машины. Думаю, ему помогал юрист из его компании.

Шон и я – команда. Ники – наш проект. Мы подолгу разговариваем, когда Шон привозит Ники поиграть с Майлзом и когда встречаемся возле школы. Я поддерживаю Шона и укрепляю его дух, пусть полицейские продолжают искать Эмили. Мы оба считаем, что пока слишком рано говорить Ники, что его мать мертва – или даже предполагать это. Ники спросит, когда захочет узнать, а мы будем отвечать ему, что надежда еще есть.

До тех пор, пока ее не станет.

* * *

До исчезновения Эмили я нечасто виделась с Шоном. Был бы жив Дэвис, мы бы, возможно, дружили семьями. Приглашали бы их на обед. Но к тому времени, как я познакомилась с Эмили, Дэвис был уже два года как мертв. Шон, казалось, всегда находился на работе или в деловых поездках, так что у нас с Эмили была часто мамская дружба.

Мне теперь трудно в это поверить, но Шон мне не особенно нравился. Он казался мне снобом, мажором из высшего британского общества, будущим хозяином Вселенной. Высокий, красивый, заносчивый, самоуверенный – совершенно не мой тип. Шон работает в международном отделе по сделкам с недвижимостью в крупной мегаинвестиционной фирме на Уолл-стрит. Хотя я до сих пор не вполне понимаю, в чем состоит его работа.

Всегда так радостно обнаружить, что кто-то оказался гораздо лучше, чем ты о нем думал. Жаль, но, чтобы открыть хорошее в Шоне, мне понадобилось исчезновение Эмили.

Она всегда на него жаловалась. Говорила, что его никогда не бывает дома, что он сгрузил на нее все заботы по уходу за ребенком, не уважает ее ум, критикует ее, заставляет ее чувствовать себя капризной и безответственной, отказывается признать, как много она делает, обесценивает ее вклад в дела семьи – не только в смысле ухода за ребенком, но и в финансовом тоже. Эмили любила читать книги, Шон любил смотреть телевизор. Иногда (и Эмили говорила это только после второго бокала вина) она думала, что Шон далеко не так умен, как ей казалось. Далеко не так умен, как *ей* казалось, когда они встретились.

Она говорила, что секс с Шоном великолепен. Настолько великолепен, что меняет жизнь. Эмили говорила, что по сравнению с *таким* сексом все остальное в жизни кажется не таким уж важным. Роковой секс был тем вторым пунктом в безупречной жизни моей лучшей подруги, которому я старалась не завидовать.

Во всяком случае, говорила Эмили, Шон не изменял ей, не пил, не играл в азартные игры, не проявлял насилия, не делал ничего, что делают по-настоящему ужасные мужья. Если честно, мне нравилось, когда Эмили ворчит насчет своего брака. Я любила Дэвиса всем сердцем, всей душой. Я все еще тоскую по нему. Но наш брак не был беспроблемным. В каждом браке есть проблемы, и взаимные обязательства вкупе со стрессом от необходимости растить маленького ребенка, конечно, не улучшают дела.

Дэвис часто заставлял меня чувствовать себя дурой, даже если я была уверена или почти уверена, что он этого не хотел. Он столько знал об архитектуре и дизайне, о стольких вещах он мог *высказаться как специалист!* Я дошла до того, что в магазине боялась сказать, что мне нравится то или не нравится это – от страха перед уничижительным взглядом, который Дэвис (бессознательно, я понимаю) бросал на меня, если бывал не согласен. Что происходило почти всегда. Это весьма утомляло.

Но я столько раз писала о том, что в разговоре с вдовой, если только она не в группе поддержки (я никогда не состояла в подобной группе, хотя понимаю, почему такое множество женщин находит их полезными), ни одна замужняя женщина не захочет даже упомянуть своего мужа, а не то что пожаловаться на него. Полагаю, мои собеседницы боялись, что я от этого почувствую себя хуже, потому что у меня-то нет мужа, на которого можно пожаловаться. Как будто если я услышу, как какая-нибудь женщина жалуется на храп мужа, я затоскую по Дэвису, любви всей моей жизни.

Мне не понравился наш с Шоном самый первый – лондонский – телефонный разговор, когда Эмили не пришла за Ники. Голос у Шона был не только сонный, но и раздраженный. О, прошу прощения, ваша жена пропала без вести. Простите, что разбудила. Он, кажется, не знал, кто я такая, хотя пытался вести по-британски вежливый телефонный разговор. О, Стефани, да, конечно.

Мне казалось – Шон не помнит меня, что не очень-то лестно. Я писала у себя в блоге, сколько людей (в основном, но *не только* – мужчин) не могут отличить одну маму от другой – может, потому, что видят только детские коляски. Когда Шон сказал, что Эмили собиралась уехать по делам на пару дней, он постарался, чтобы это прозвучало так, будто я из этих чокнутых.

Шон не воспринимал отсутствие Эмили всерьез, пока не вернулся домой – а ее там не оказалось. Тогда-то он и поехал напрямик ко мне. Я писала в блоге, что, увидев его и Ники в моем доме, я окончательно поняла, что Эмили действительно исчезла.

Но о чем я *определенно не стала* писать – это что Шон оказался гораздо выше, красивее и привлекательнее, чем я помнила. Мне кажется нелояльным по отношению к Эмили даже упомянуть об этом.

Шон заявил, будто думал, что Эмили в Миннесоте, но теперь сомневается. Не говорила ли она, что собирается в Милуоки?

– Прости, я англичанин, – извинился он.

Имея в виду, что не может отличить один расположенный на Среднем Западе город, начинающийся на “М”, от другого? У меня возникло ощущение, что для него тянуть это “прости, я англичанин” – обычное дело, если он упустил что-то из виду. Его жена на Среднем Западе, в каком-то городе на “М”, но он не знает точно, в каком.

Я это все к чему: я не была расположена любить Шона. Но с тех пор, как Эмили пропала, я начала уважать его и симпатизировать ему. Так хорошо говорить с ним о Ники. Мне нравится сознавать, что Шон достаточно доверяет мне, когда спрашивает, что, *по моему мнению*, происходит с его сыном, что мы должны говорить Ники. Это комплимент, потому что означает: он восхищен тем, как я воспитываю Майлза.

Есть что-то сексуальное в состоянии совершенной гармонии и взаимопонимания с исключительно красивым одиноким папой. Сексуальности убавляет тот факт, что это не какой-то случайный папа, а муж пропавшей без вести подруги.

Если я хочу оставаться собой, если хочу и дальше думать о себе как о порядочном человеке, а не о чудовище, я должна сделать все возможное,

чтобы игнорировать, отрицать, не признавать искру *чего-то* между нами. Что тоже в своем роде сексуально, так что тут дилемма, о каком из этих двух моментов нельзя писать в блоге, если ты в своем уме.

Наверное, поэтому я и возвращаюсь мыслями к тому дню, когда Крис появился в доме моей матери. Пребывание рядом с Шоном напоминает мне о той минуте, когда мой единокровный брат вошел в мою жизнь. Меня так же трясет от влечения к неподходящему мужчине. К *очень* неподходящему мужчине. Та самая дрожь беспримесного возбуждения.

Тогда меня потянуло к парню со свадебной фотографии моих родителей. Сейчас меня тянет к мужу моей подруги. Я не заигрывала с этими мужчинами, но... Есть ли в моем влечении что-то извращенное или преступное? Или я просто плохой человек?

Привет!

Прежде всего хочу поблагодарить всех вас, где бы вы ни были, за ваши слова сочувствия, любви и поддержки. Именно в час беды, подобной этой, мы сражаемся спиной к спине и возвышаем голос, чтобы быть услышанными. Тихие мамы, которые раньше читали этот блог и щелкали мышкой по веткам обсуждений, не оставляя комментариев, теперь пишут, что молятся за меня, Шона, Ники и Майлза. В эти печальные дни было бы неэтично, непозволительно говорить, насколько выросла посещаемость моего блога за последнюю неделю.

Я сейчас ощущаю себя плохой подружкой, которая смылась, когда в ней нуждаются, о ней беспокоятся или хотят знать, что с ней происходит. Некоторое время я ничего тут не писала, хотя знаю, как вы тревожитесь. Но моя жизнь превратилась в хаос, и я пока все силы бросаю на поиски своей подружки, я работаю в команде с ее мужем, чтобы точно знать, что их малыш чувствует себя (насколько это возможно, учитывая обстоятельства) в безопасности.

Из ваших сообщений я знаю, что многие из вас следили за историей Эмили по новостям. Мы с Шоном решили, что не хотим, чтобы эта история стала темой какого-нибудь кошмарного “журналистского расследования” на телевидении. Если Ники когда-нибудь обнаружит репортаж на ютубе, для него это станет травмой. И все же мы знаем, что благодаря этим шоу иногда удастся определить местонахождение пропавших людей.

Может быть, некоторые из вас думают: я пишу сейчас об этом из-за того, о чем вы могли читать в последнее время в таблоидах или слышать в теленовостях. Я имею в виду, что новый момент (деньги!) заставил власти проявить к этому случаю больше интереса, чем они проявляли к просто истории о красивой жене и матери, которая однажды утром ушла на работу и не вернулась домой.

Как, возможно, слышали некоторые из вас, за месяц до исчезновения Эмили ее жизнь была застрахована на два миллиона долларов, с выплатой Шону.

Друзья, вы видите, что происходит? Реальная жизнь начинает походить на телешоу, состряпанное из газетного заголовка, а ты просто не считаешь этот сценарий, потому что подобное происходит слишком часто. Муж получает огромную страховку. Жена бесследно исчезает.

Еще до того, как полицейские установили факт существования страховки, они задавали Шону вопросы. Коротко. Стандартная процедура. Муж всегда главный подозреваемый, как известно любому, у кого есть телевизор. Но алиби Шона проверили очень тщательно.

Шон был в Англии, где практически каждый момент жизни фиксируется видеокамерами и записывается на CCTV. Снобский отель, в котором останавливался Шон, сначала отказывался сотрудничать, но когда подключился кто-то из посольства, они сдали запись, на которой Шон входит в свой номер и выходит из него. В ночь, когда пропала Эмили, камеры зафиксировали, как Шон пьет в баре отеля с парой риелторов, на встречу с которыми он и прилетел. Потом Шон отправился в постель. Один.

То, что история со страховкой всплыла так поздно, доказывает, насколько неэффективна система, с которой мы имеем дело; вы и так об этом знаете, если хоть раз в жизни пытались подать заявление о страховании здоровья или зарегистрировать ребенка в списках детского сада. Когда страховка наконец явилась на свет божий, копы снова (с подозрительностью) принялись всматриваться в Шона.

Дело в том, что страховка вылетела у Шона из головы, ведь он пребывал в страшном напряжении. Что, по моему мнению, *доказывает* его невиновность. Хладнокровный женоубийца оформляет страховку, а потом забывает о ней? *Серьезно?* Но полицейские рассудили с точностью до наоборот. Они уверены: это доказывает, что *он виновен*, что он лишь притворился, будто забыл о страховке, потому что правда выглядит скверно. Так что они думают? Что Шон оформил страховку и нанял кого-нибудь убить жену? Что мы с ним оба в этом замешаны?

Ничего подобного.

Может быть, теперь вы простите меня за то, что я столько

времени не писала в блог, – теперь, когда вы знаете, сколько всего произошло в моей жизни, начиная с нынешнего несчастливого, доводящего до безумия развития событий. Полиция дважды забирала и задерживала Шона, не выдвигая против него обвинения. Есть ли правосудие в этой стране? Неужели нет законов, защищающих от такого? Даже если вы знаете свои права, у вас достаточно денег на блестящего адвоката, а у Шона денег достаточно, и у вас за спиной контора с Уолл-стрит, – даже этого не хватает, чтобы пугануть наших провинциальных детективов настолько, чтобы в них проснулось хоть сколько-нибудь старого доброго здравого смысла.

Каждый раз, когда Шона забирают в полицейский участок, Ники – до сих пор храбрый солдатик – становится почти безутешным, и мне приходится ехать к ним домой, в любое время дня и ночи, забирать его и везти к себе, качать на коленях, пока он не уснет, а потом укладывать его рядом с Майлзом. Иногда я стою в дверях детской, смотрю, как мальчишки спят, слушаю их сладкое посапывание и думаю, какие ангелы наши дети, как они доверяют нам и как – попробуйте, если сможете – мы не в силах защитить их от ужасов, которые припасла для них жизнь.

Как бы то ни было, настал, кажется, подходящий момент, чтобы вернуться к ведению блога и рассказать моим читателям, что невиновный человек подвергается преследованиям. Мне трудно объяснить, почему я считаю Шона невиновным. Но я в этом уверена. Я знаю это каждой клеточкой моего тела. В эти напряженные дни, дни без Эмили, мы с Шоном действуем сообща – поддерживаем друг друга, продолжаем поиски, а самое главное – не даем пасть духом одному отважному маленькому мальчику.

Друзья, вы понимаете, что все это нелегко и для Майлза. Он знает, что мама его лучшего друга делась неизвестно куда, и поэтому (естественно!) немного капризничает. Он отказывается ночевать с Ники. Но когда он преодолевает страх сепарации, то войдет во вкус.

Несколько раз мне приходилось уезжать от дома Эмили (я до сих пор думаю о нем как о доме Эмили) – и у меня в ушах еще звучали всхлипывания моего ребенка. Но я знаю, что с Майлзом все отлично. Ему будет весело. А причина, по которой я это знаю, – близость и доверие, которые я испытываю в эти тяжелые

дни к отцу Ники. Как вы думаете, оставила бы я своего ребенка с вероятным подозреваемым в убийстве?

Никакого убийства не было. Несуществующее полицейское дело разваливается, ибо нет тела и нет свидетельств грязной игры. Сначала Эмили ехала в Пенсильванию, потом – нет. Как знать, может, она просто проснулась однажды и решила, что с нее довольно материнства, довольно модной индустрии, Коннектикута и Шона. Довольно всего этого пакета. Даже Ники. Возможно, она уехала, чтобы начать новую жизнь под вымышленным именем. Копы говорят – такое происходит постоянно.

Оказывается, я знала совсем другую Эмили! Но если Шон оказался противоположностью тому, что я о нем думала, почему Эмили не может оказаться совсем другой? С ума сойти, насколько можно ошибиться в человеке. Не знаю, что и чувствовать. Разозлиться на нее? На себя? Считать себя преданной? Одураченной? Если честно, мне просто очень грустно.

Чтобы закончить не на такой мрачной ноте, я ставлю ссылку на пост, в котором рассказывала о своей дружбе с Эмили. Я написала его, еще когда звала ее Э. Но теперь вы знаете, кого я имею в виду, хотя сама я начинаю думать, что, возможно, никогда не знала, кто она или чего я от нее ожидала. И была ли она действительно моей лучшей подругой, в конце концов.

Когда я перечитываю этот пост, мне хочется плакать.

Но я все равно поставлю ссылку на него.

С любовью,

Стефани

Что не дает нам, мамам, дружить по-настоящему? Мы негодуем на других мам, мы готовы до бесконечности говорить о наших детях, словно у нас больше нет своих собственных потребностей, надежд или желаний. Может, другие матери загоняют нас в чувство вины, если мы думаем еще о чем-то, кроме наших детей? Или мы соревнуемся с другими мамами? Как можно дружить с женщиной, которая рассказывает, что ее девятимесячный малыш ходит – а твой десятимесячный еще не начал ползать?

Скажу откровенно: сидя дома и заботясь о сыне, я чувствовала себя ужасно одинокой. Раньше мы жили в большом городе. У меня была работа в женском журнале, я писала материалы о модных веяниях в мебели и декоре. Советы по домоводству и как сэкономить время и силы, секреты хранения всего, удаление пятен – всякое такое. Теперь, когда я сама *вела* домашнее хозяйство, я не могла припомнить ни одного полезного совета.

Мой муж утверждал, что большой город – не место для маленького ребенка. Дэвису пришлось долго убеждать меня, но в конце концов я согласилась с его точкой зрения. Я думала, жить в пригороде – а по сути, в деревне – будет здорово, и так оно и оказалось. Мой муж влюбился в наш дом с первого взгляда, хотя я не видела возможностей этого места – сначала. Но меня снова переубедили, и теперь я люблю этот дом больше, чем могу выразить словами.

Сразу после переезда у меня началось сумасшедшее время. Я забыла, кто я такая. Единственное, о чем я пеклась, – это быть суперженой и супермамой. Я жила в кошмаре родом из пятидесятых годов. Малышу я готовила еду только своими руками. Я готовила тщательно продуманные ужины мужу – а он слишком уставал после работы, чтобы их есть, или уже бывал сыт, потому что славно пообедал, пока я перекусывала остатками вчерашнего ужина. И хотя я старалась быть понимающей и терпеливой, мы ссорились.

Как только мой сын подрос, я записала его на всевозможные занятия и программы. Йога для малышей. Танцы для самых маленьких. Уроки плавания. Я делала это, чтобы он развивался, развлекался и знакомился с

другими ребятами. А я сама хотела знакомиться с другими мамами, с неравнодушными женщинами, одержимыми теми же смешанными чувствами, что и я, с теми же проблемами, что и у меня, – и кому наградой было бы то же, что и мне.

Но я никак не могла сойтись с коннектикутскими мамашами. Они сплачивались и снова становились вредными девчонками, какими были в средней школе. Когда я пыталась завести разговор, они переглядывались и чуть ли не закатывали глаза. Смотрели на меня невежливо долго, а потом продолжали болтать друг с другом.

Поэтому я и начала вести этот блог – чтобы протянуть руку другим женщинам, ощущающим себя в изоляции, матерям, перегруженным требованиями материнства. Иным из вас может показаться странным, что мама, неспособная заводить друзей в реальном мире, начала вести блог, давать советы и делиться новостями с друзьями в мире виртуальном. Но ведение блога помогло мне осознать тот факт, что я не только мама – одинокая и без друзей.

Если ты вдова, то все – в том числе материнство – становится труднее. Мой муж умер. Когда я просыпаюсь утром, моя первая мысль – о нем, когда ложусь спать – о нем моя последняя мысль. Нет, не первая. Всегда бывает несколько благословенных секунд, когда я просыпаюсь и чувствую себя почти хорошо – а потом замечаю, что его сторона постели пуста.

Несколько месяцев после аварии я думала, что умру от горя. И может быть, сделала бы какую-нибудь глупость – как-нибудь необратимо навредила бы себе, – если бы мой маленький мальчик не бросил мне спасательный круг своей любви, удержав меня от гибели.

Мой брат тоже погиб, так что я и на него не могла опереться. И это было горе другого рода. Я стала экспертом по разным видам боли.

Моя мать ненамного пережила отца. И мне не хотелось повторить ее путь: умереть от разбитого сердца. Поговорить мне было не с кем. Мои городские друзья переключились на свою собственную жизнь, и иногда мне казалось, что они смотрят на меня свысока из-за того, что я вышла замуж, родила ребенка – опустилась и переехала в пригород.

Все в нашем городке знали про аварию, унесшую жизни моих мужа и брата. Я бы набрала пятьдесят фунтов, если бы съела все кастрюли и закрытые крышкой блюда, которые мне приносили сочувствующие, все пироги, которые оставляли у меня на крыльце. Однако через некоторое время проявилось нечто вроде обратного эффекта. Люди начали избегать меня, словно трагедия была заразна.

Я прошла через это. Ведение блога очень помогало, как и чудесные

комментарии, которые я получала от мам из разных уголков страны, а потом и мира: умные, смелые, объединенные одной идеей женщины. Мне писали даже вдовы, и мы изливали друг другу души онлайн. Как только справлялись мамы в доинтернетовскую эпоху?

А потом, через несколько месяцев после того, как мой сын пошел в пригготовительный класс, я встретила Э.

Шел мелкий дождь, была не по сезону теплая октябрьская пятница. Мы приехали забирать детей из школы. Я забыла зонтик и ждала под дождем – не то что другие мамы, которые не вылезут из машины, если решат, что облачко угрожает их салонной укладке. Э. кивнула мне, подзывая к себе – она стояла под дубом, ожидая своего сына. У нее был огромный зонтик, которого оказалось больше чем достаточно, чтобы мы обе не вымокли. Это был особенный зонтик – прозрачный пластик поверх слоя какой-то жидкости, в которой плавали счастливые мультяшные уточки.

Я и раньше видела ее стоящей под дубом. Я заметила ее потому, что она всегда выглядела более естественной и реальной, чем ожидаешь от дорого одетой женщины.

Она сказала, что ее зовут Э., а потом сказала, что она мама Н. Ее сын учится вместе с моим, они приятели. Так что мы сразу оказались заодно. Мальчики постарались.

В отличие от мамаш с бегаящими глазами Э. смотрела прямо на меня. И я почувствовала, что она *видит* меня. Я сказала:

– Может, мне стоит написать в блоге о том, что я вечно забываю взять зонтик.

Видно было, что ее заинтересовало, что я веду блог. Она ответила:

– Возьмите вот этот. Держите. Это эксклюзив. Пилотная модель. Мой босс заказал его в филиале компании, потом ему не понравилось, и он отменил заказ.

– Не могу, – сказала я, – тем более если это единственный экземпляр.

– Прошу вас, возьмите. Слушайте... вы не заняты? Может, поедem ко мне? Это совсем близко. Мальчики могут поиграть. Я сварю им горячий шоколад. А мы выпьем по бокалу вина. Моего мужа не будет дома еще пару часов.

Я на своей машине последовала за Э. к ее дому: несколько миль от школы. Дом Э. выглядел как журнальная картинка, хотя был гораздо более стильным и элегантным, чем дома из журнала, в котором я работала. Большой старый георгианский особняк, величественный, полный отлично отреставрированной мебели середины века. На стенах висели рисунки и картины известных художников.

На каминной полке стояла фотография двух девочек-близняшек. Не буду говорить, кто автор, потому что не называю в этом блоге имен, известных всем и каждому. Мне показалось, что делать такой снимок центром гостиной – странный выбор. Но Э. гордилась фотографией; ее гостиная была на порядок интереснее всего, что я видела в нашем городке. Для дома, в котором живет маленький ребенок, это место было исключительно опрятным, почти как декорация. Мне стало легче, когда я заметила, что в комнате Ники такой же бардак, как и у моего сына.

Э. сказала, что ее уборщица М. отвечает за то, чтобы содержать дом в идеальном порядке. Э. сказала: не знаю, что бы я без нее делала.

Вещи, которые выбрала Э. для украшения своего дома, понравились бы моему мужу. Каждый нож, каждая вилка, каждый стакан, каждая подставка под тарелку и каждая салфетка были выбраны вдумчиво и тщательно. Я восхищаюсь такими людьми. Как они точно знают, что купить и как сделать свой дом совершенным. У нас такой выбор делал мой муж, я с радостью предоставила ему это. А моя мать надела бы пластиковые чехлы на кресла, если бы мы с папой не задразнили ее.

Мальчики ушли играть. Мы с Э. открыли бутылку вина и начали разговор, который продолжается по сей день.

Э. переехала сюда год назад. Ее муж британец, работает на Уолл-стрит. Они с мужем и сыном всегда жили в Верхнем Ист-Сайде. Э. не выносила других мамаш, дни совместных игр, постоянную гонку – у кого больше денег, у кого дороже одежда, кто провел отпуск на эксклюзивном лыжном курорте, а кто – на Карибских островах. Они с мужем надеялись, что жизнь в сельской местности будет не такой напряженной для них и более здоровой для их сына. И они были правы. Я думаю.

Когда Э. спросила, чем занимается мой муж, и увидела выражение моего лица, она сказала – до того, как я успела произнести хоть слово – о, прости! Она по моему лицу прочитала, что произошла какая-то трагедия, но она переехала сюда совсем недавно и не слышала об аварии. И я подумала, что вольна сама решать, когда, где и что я хочу сказать о катастрофе.

Я рассказала ей все только перед Днем благодарения. Мы с Э. смотрели, как ребята вырезают картонных индеек и наклеивают на них бумажные перья, и я рассказывала ей свою трагическую историю. Э. расплакалась над моей потерей – это были слезы сострадания и глубокой печали. Она сказала, что хотела бы пригласить меня на День благодарения, но они решили воспользоваться каникулами сына, чтобы навестить мать мужа в Англии.

– Ничего, – сказала я, – мы с Майлзом еще будем здесь, когда вы вернетесь.

С тех пор так и пошло. Я восхищалась Э. – тем, как много она работает, тем, что она сказочная мать и старается быть хорошей женой и хорошим другом – и тем, что она делает это изящно, чарующе неотразимо. И я знала, что она восхищается моим блогом. У меня не было друзей с начальной школы. Лишь у немногих – и какие же это счастливицы – есть дар дружбы, и оказалось, что у нас обоих он есть. Мы подхватываем друг за другом фразы и смеемся одним и тем же шуткам. Нам нравятся одни и те же фильмы с Фредом Астером и Джинджер Роджерс. Я читаю, или пытаюсь читать, ее любимые детективы – если они не слишком страшные. Вся моя жизнь, кажется, стала ярче. Я с большей терпимостью отношусь к себе и сыну, когда знаю, что смогу разделить ежедневные радости и горести с другим взрослым.

На первый взгляд мы очень разные. Э. стильная, с дорогой стрижкой. Я стригусь у чудесной молодой женщины в городке (раньше она работала в Нью-Йорке), но иногда между визитами в парикмахерскую проходит слишком много времени, и мои волосы выглядят так, будто я стригла их сама. Э. одевается в дизайнерские вещи, даже по выходным. Я, в свою очередь, заказываю вещи, в которых уютно – длинные юбки и туники – через интернет. Хотя под внешними различиями, на гораздо более глубоком уровне, мы с Э. очень похожи.

Естественно, она читает мой блог и не устает восхвалять меня за то, что и как я пишу. За смелость и щедрость делиться тем, какое захватывающее приключение – материнство. А я говорю ей вещи, каких не говорила даже своему мужу. Какое великолепное чувство: дать выход чему-то, что ты так долго держала в себе. Знать, что есть кто-то, кто поймет и не осудит.

Дружба с таким человеком, как Э., вернула мне веру в наши сверхвозможности: в способность мам быть по-настоящему вместе. Мы можем быть друзьями. Настоящими друзьями.

И я хочу посвятить этот блог своей лучшей подруге, Э.

Э., это тебе.

С любовью, Стефани

Ставя ссылку на пост о том, как подружилась с Эмили, я старалась не перечитывать его. Но не смогла удержаться. И, как я и боялась, это чтение довело меня до слез.

Я вспомнила одну незначительную деталь, на которую я – тогда – не обратила внимания. Эмили говорила о зонтике, который она мне подарила – зонтике с уточками, который я сейчас убрала в сарай, потому что воспоминания о первых днях дружбы причиняют мне боль, – что он существует в единственном экземпляре. Но когда я в тот день приехала к ней, то заметила в передней стойку для зонтиков, в которой было с дюжину таких, с уточками. Стойка выглядела почти как произведение искусства. Конечно, тогда – когда мы только что познакомились, я не спросила у Эмили, что это значит. А потом я забыла об этих зонтиках. Но сейчас ломаю над ними голову. Может, я не поняла ее тогда, неверно услышала? Лгала ли Эмили насчет того зонтика? Но зачем лгать, если правда выяснится, как только я переступлю порог ее дома?

В любом случае зонтики – это последнее, что заботило меня. Читая пост, я чувствовала себя чудовищно виноватой. Потому что начинала испытывать чувства – уже начала – к мужу Эмили.

Бывает, ты почти уверена, что у тебя будет секс с таким-то мужчиной. Все вокруг отягощено желанием. Воздух вокруг становится густым, раскаленным, как жаркое марево летнего дня. Особенно если речь о мужчине, с которым, по множеству веских причин, секса не предполагается.

Может быть, проблема моего брака заключалась в том, что у нас с Дэвисом не было этого предвкушения, постепенного разжигания желания. Когда-нибудь я расскажу Майлзу, почему не надо заниматься сексом на первом свидании. Как это сделали его мама и папа. Хотя в подробности углубляться не стану.

Мое первое свидание с Дэвисом даже не было свиданием. Предполагалось, что это интервью. Мы встретились в кофейне в Трайбеке, возле студии Дэвиса. Его фирма называлась “Дэвис Кук Уорд”, по его имени, все три были его. Архитектурно-дизайнерская карьера Дэвиса складывалась исключительно удачно. Он проектировал дома для богатых и, шутки ради, доступную садовую мебель из вторичных материалов. О его

деревянной мебели и собирался написать журнал, в котором я работала. Мы выпили кофе, потом пообедали, потом поехали к нему в лофт, где и остались до следующего утра, когда мне надо было возвращаться к себе в квартиру в Ист-Виллидж, чтобы переодеться и отправляться в офис.

Моя связь с Дэвисом была удобной. Забавной. Простой. У меня никогда не было ощущения, что я умру без него. Может быть, потому, что он был у меня сразу. Долгое, медленное, восхитительное ожидание закончилось, не начавшись.

А может быть, моя проблема была в безопасности этих отношений. Может быть, мне нужны были дрожь запретного, табу, напряжение от того, что я делаю что-то, чего делать нельзя.

* * *

Однажды вечером Шон приехал забрать Ники и остался на ужин. Пока мы ужинали, разразилась яростная гроза. Я предложила Шону провести ночь в гостевой комнате, чтобы не ехать домой в такую непогоду. И он согласился.

Мы с Шоном проговорили допоздна, пока глаза не начали слипаться. Мы обменялись тяжеловесными, хотя и целомудренными поцелуями в щеку. Он ушел в свою комнату, я в свою. Как только я легла, на меня напала бессонница. Думать о том, что Шон там, в темноте, в моем доме, было почти как секс. Я мастурбировала, думая о нем. И задавалась вопросом: а вдруг он тоже мастурбирует, думая обо мне?

Одна только мысль о том, что нас разделяет пара комнат, была как секс по телефону без телефона. Мне потребовалась вся отпущенная мне сила воли, чтобы не пойти в комнату к Шону. Я продолжала твердить себе, что ничего не будет, что я не из тех, кто спит с мужем пропавшей без вести лучшей подруги.

* * *

Я понимала: даже если все останется в тайне, мы будем чувствовать такую вину, что, как только увидим полицейских, они сразу все поймут и заподозрят, что мы виновны в чем-нибудь еще. Они могут даже заново открыть дело против Шона. Я признавала, что это смешно, но тем не менее...

Но тем не менее желание разлито в воздухе. Все пропитано им, даже при том, что я знаю, что мы с Шоном оба думаем: лучшая подруга твоей жены, муж твоей лучшей подруги. Она любит нас, доверяет нам. Что мы за люди? Но то, что мы оба чувствуем так и понимаем, как относятся к нам другие, еще больше подогревает – и смущает.

Теперь Шон с Ники часто приезжают на ужин и остаются допоздна. Ники засыпает в детской, Шон несет его в машину и отвозит домой. Мы с Шоном подолгу пьем бренди и разговариваем; и несмотря на сексуальное напряжение или, может быть, *благодаря* ему, Шон начал открываться. Он рассказал мне о своем паршивом детстве, о матери-алкоголичке из высшего британского общества, которая вышла замуж за его отца, профессора колледжа (когда Шону было двенадцать, отец оставил их ради коллеги), и которая опустила по всем пунктам, за исключением своих социальных амбиций и иллюзий насчет себя самой.

Я много говорю о Дэвисе и Майлзе. И не упоминаю о своем блоге. Интересно: я так хотела, чтобы Эмили уважала мой блог и восхищалась им, – и не хочу, чтобы Шон даже заглядывал в него. Я горжусь тем, что пишу. Но я уклонилась от темы. Кажется, я не хочу, чтобы Шон видел меня еще одной сверхделовой мамашей с ноутбуком. Он высмеивает матерей, которые демонстрируют такую отчасти агрессивную компетентность и всегда снаряжают своих малышей по последнему слову техники. Он зовет их “Мама-Кэп”. Мне не хочется, чтобы он смотрел на меня как еще на одну Маму-Кэп. Может быть, меня беспокоит, что он будет сравнивать меня – не в мою пользу – с Эмили и ее гламурно-модной карьерой.

Мы много говорим об Эмили. Шон рассказал, как они познакомились, что – как странно, думаю я теперь – никогда не всплывало, когда Эмили рассказывала о своей жизни. Обычно люди обмениваются такими историями в самом начале дружбы. Ее модный дом и его инвестиционная фирма вместе вели вечер в пользу организации, помогающей женщинам Африки получать чистую воду. Ужин проходил в Музее естественной истории, что – с цветами, свечами и декоративной подсветкой – было ужасно романтично.

Эмили представила человека, который представил человека, который представил ее босса, Денниса Найлона. И когда Шон увидел ее на подиуме, в простом, но впечатляющем черном вечернем платье, увидел – на гигантских экранах, развешанных по всему залу – слезы у нее на глазах, когда она говорила о благотворительности и тяжелой жизни женщин, ради помощи которым они собрались, то решил, там и тогда, что женится на ней.

Меня это впечатлило сильнейшим образом. Я знаю, как трогательны

могут быть слезы Эмили. Я видела, как она плачет обо мне, о моем муже и моем брате. В изложении Шона история их встречи и своего ухода прозвучала как одна из тех красивых историй, которые я хотела бы рассказывать о *своей собственной* жизни, о своем браке.

Разговоры об Эмили помогают нам обоим. Они позволяют надеяться, что она все еще жива и ее найдут. А еще они ослабляют напряжение между нами, словно Эмили рядом и напоминает нам, что мы любим ее – а не друг друга.

Однажды вечером Шон сказал, что есть кое-что, чего я, возможно, не знаю об Эмили. Ее тайна. Я задержала дыхание, потому что все еще верила – хотя теперь уже было ясно, что я ошибалась, – что знаю о ней все. Или почти все.

Оказалось, что в детстве ее растлил родной дедушка. Ее родители так этого и не признали, что отчасти обусловило ее разлад с ними. Когда Эмили было двадцать, у нее (возможно, как результат) возникли проблемы с алкоголем, на фоне короткого романа с болеутоляющими и ксанаксом, и она провела месяц в реабилитационной клинике. Но с тех пор она не прикасалась к веществам.

Я была потрясена – не только тем, что поведал мне Шон, но и тем, что я об этом не знала. Не это ли она имела в виду, когда говорила о “безбашенных” днях, рассказывая о татуировке? Когда мы с ней делились своими секретами, эти травматичные моменты ни разу не всплыли. Я доверила ей тайны, о которых не говорила никому и никогда. Почему Эмили не доверилась мне?

Ничто никогда не свидетельствовало о проблемах, которые описывал Шон. По мне, Эмили всегда пила очень разумно. Даже у людей, победивших свою зависимость от алкоголя, навсегда остаются проблемы с выпивкой. У Эмили их не было. Однажды, это случилось у нее дома, в пятницу после обеда, я почти принялась за третий бокал вина, и Эмили мягко напомнила мне, что мне предстоит везти Майлза домой.

Но с каждым днем становилось все очевиднее, что, если только ее не ранили или не убили, она покинула нас, имея какую-то свою цель. Эмили оказалась не тем человеком, которого знал Шон. Не тем человеком, которого знала я.

Куда она ехала на взятой в аренду машине, направляющейся на запад? С кем собиралась встретиться? С кем-то из ее прошлого? С кем-то, кого встретила недавно? Какая-то темная тайна, которую ей надо разрешить, какое-то незавершенное дело?

Я читаю роман Патриции Хайсмит, который Эмили не дочитала перед

тем, как исчезнуть. Это роман о человеке, который пытается убить своего зятя в Риме и Венеции, потому что его дочь покончила с собой и он обвиняет в этом зятя. Никто не знает, почему молодая женщина лишила себя жизни, хотя ее муж высказывает некоторые предположения – бессмысленные. Что-то насчет ее любви к сексу или ненависти к сексу и того, что она слишком романтична, чтобы жить в реальном мире. Я плохо формулирую, но в книге были моменты, когда даже я, знающая о невинности скорбящего мужа, не осуждала тестя за пестование затаенного гнева. Я задавала себе вопрос, не является ли эта книга посланием от Эмили, намеком, что она планирует убить себя, и никто даже не будет знать, почему.

В таком случае мы можем только ждать, когда найдут тело. В романе Хайсмит убийца-тесть все время ждет, что тело зятя выбросит на берег канала. Молодая жена покончила с собой в ванне. Были тело и кровь – никто не задавал вопросов “что произошло”. Но в случае с Эмили одни загадки вели к другим, еще более многочисленным, и вопросы громоздились на вопросы.

* * *

Я все время думаю о Шоне. Я крашусь и надеваю самые свои сексуальные вещи (стараюсь, чтобы это не слишком бросалось в глаза), когда знаю, что он зайдет за Ники. Я всегда предлагаю забрать Ники из школы, в теории – чтобы Шон мог поработать, но на самом деле – чтобы у меня был предлог увидеть его. Мне так нравятся его обаяние, его внимание, его легкий естественный смех. У меня всегда была слабость к мужчинам, которые красиво улыбаются.

Шон начал чаще оставаться на ужин. Я узнала, какая еда ему нравится. Главным образом стейки и жаркое. Как-никак он британец. Я научилась готовить мясо так, как ему нравится. Хорошо прожаривать. Майлз был на седьмом небе, когда я прекратила пичкать его вегетарианской едой.

Когда я ела красное мясо – впервые с тех пор, как погибли Крис и Дэвис, – то поразила (и немного разочаровалась в себе), насколько до сих пор люблю этот насыщенный солоноватый сочный вкус с оттенком крови. И теперь этот восхитительный вкус ассоциируется у меня с пребыванием рядом с Шоном. Мы как вампиры из телесериалов, когда бессмертные, с клыками и безупречными телами, они движутся перед камерой через весь экран, чтобы заняться сексом.

Я прекратила есть мясо по личным и этическим причинам, но я едва ли могу ставить себе в заслугу этичность по отношению к животным, когда я так неэтично веду себя по отношению к людям: хочу переспать с мужем моей лучшей подруги.

Я бы никогда не смогла написать об этом в блоге. Никогда. Мама меня не простят. Им нужно думать обо мне как о любящей матери, которая никогда не причинит вред живому ради себя самой, но которая не столь жестока, чтобы не готовить бургеры, если детки их так любят. Некоторые разочаруются, если я перестану быть вегетарианкой. И они никогда в жизни не простят мне, если однажды вечером я лягу спать, полная сексуальных грез о муже моей подруги. Они поймут, какая я мерзкая личность, и извергнут огненную бурю яростных, полных ненависти постов, которые я заслужила. И когда они выпустят в меня весь заряд своего гнева, то прекратят читать мой блог.

* * *

За ужином мы с Шоном часто пьем вино. Я начала покупать хорошее вино – лучшее, какое могу себе позволить, потому что вино придает всему элегантность и расслабленность. Если бы я когда-либо усомнилась в словах Шона о том, что у Эмили имелись проблемы с алкоголем, то все, что мне надо было бы сделать, – это наблюдать, как именно он смотрит на меня каждый раз, когда я пью. Я отпиваю понемногу и стараюсь, чтобы мой второй бокал оставался недопитым. Неужели я бессознательно хочу дать ему понять, что жить со мной лучше, чем с Эмили?

Обычно Шон остается, чтобы помочь мне убрать. В кухне душно и жарко, окна запотели, скрыв нас от внешнего мира, создав приватное пространство, где мы чувствуем себя в безопасности и одни: выключены и защищены от всех и от всего. Я и представить себе не могла, насколько эротичным может быть мытье посуды.

Иногда напряжение почти зашкаливает. В те вечера, когда Шон забирает Ники до ужина и везет домой – Шон говорит, что учится готовить, но я подозреваю, что они просто прихватывают пиццу по дороге, – я рада взять передышку. Какое облегчение, когда мы с Майлзом вдвоем ужинаем в мире и спокойствии.

Майлзу, кажется, нравится его новая жизнь. Он обожает проводить время с папой Ники, и, я думаю, ему полезно, когда после долгого перерыва мужчина – отцовская фигура, даже если это отец его друга –

рядом, в доме.

Когда Майлз был совсем маленьким, я постоянно смотрела ему в глазки, но нельзя делать то же самое с пятилеткой. Так что я теперь смотрю на Майлза, когда он спит, и замечаю (как все говорят), насколько он похож на меня. Но никто не говорит, что он в миллион раз красивее меня.

* * *

И вот мое влечение к Шону стало еще одной тайной, о которой я не могу никому рассказать. Иногда, когда я скучаю по Эмили, мне кажется, что я могла бы рассказать *ей*. А потом понимаю: она была бы последним человеком, которому я стала бы рассказывать, что схожу с ума по ее мужу.

Мои одиночество и отчаяние только усиливаются, когда я смотрю на Шона. И когда я смотрю на Эмили. Порочный круг, что называется. Хотя правда в том, что, чем больше я жажду видеть Шона, тем больше увядает мое желание увидеть Эмили.

Однажды, когда Шон оставил свой айпод у меня на кухне, я проверила его плей-лист и купила диски с его любимой музыкой – в основном Бах, *The White Stripes* и олдскульные британские группы вроде *The Clash* – хотя сама я склоняюсь к Ани Дифранко и Уитни Хьюстон. Когда Шон рядом, я ставлю его музыку вместо своей. Когда мальчишки спят, мы приклеиваемся к телесериалам вроде “Во все тяжкие”. Шон уже смотрел все пять сезонов, но хочет, чтобы я посмотрела их с ним. До встречи с Шоном я сочла бы, что в них чересчур много насилия, но я только рада, что есть что-то, что ему интересно и что он хочет разделить со мной.

Шон рассказывал о своем детстве в Великобритании, о своем представлении о США, выросшем из фильмов с Чарльзом Бронсоном и сериалов вроде “Шоу 70-х”. Теперь он спрашивает себя, остались ли еще в других странах ребята, которые подобно ему думают, что США – это до сих пор Дикий Запад, кишачий школьными учителями, которые фасуют метамфетамин в автофургонах и убивают мексиканских наркобаронов. Я смотрю на него не отрываясь, с пристальным интересом. Я не притворяюсь. Мне кажется, ничего интереснее я ни от кого не слышала.

Когда Шон сказал, что уже смотрел те или иные серии, я постаралась не представлять себе, как он смотрел их с Эмили. Я стараюсь не думать, что Шон говорит мне то же самое, что говорил ей. Я стараюсь не спрашивать себя, казались ли ей слова Шона такими же интересными, как мне. Эмили читала книги, Шон смотрел телевизор. Я стараюсь не

вспоминать, как она жаловалась, что с Шоном она чувствует себя дурой. Я пытаюсь сосредоточиться на факте: он хочет, чтобы я смотрела эти фильмы. Я начала думать, что он интересуется мной больше, чем просто другом, или подругой своей жены, или мамой лучшего друга его сына.

Иногда я стараюсь не думать об Эмили, а иногда – не думать ни о ком, кроме Эмили, словно мысли о ней могут оказаться магическими. В один прекрасный день она просто появится, и все вернется на круги своя. За исключением того, что я, возможно, влюбилась в ее мужа.

Все это меня не украшает, но странным образом делает меня счастливее. Я словно гуляю по своему собственному облачку или плаваю в собственном маленьком бассейне тепла и света, хотя надвигается зима и погода стала отвратительной.

Не знаю, что хуже. Предательство, я думаю. А может быть, самое постыдное – то, что я превратила своего сына в маленького шпиона. Когда Майлз возвращается от Ники, я спрашиваю, как бы мимоходом, не говорил ли чего папа Ники обо мне. Элисон еще работает у них? Она дружит с папой Ники? Шон много разговаривает по телефону?

Майлз говорит, что никогда не видел Элисон. Вряд ли Элисон все еще нянчит Ники, потому что папа Ники все время дома, а мама ушла.

Бедный Майлз.

Однажды вечером, укладывая его спать, я сказала:

– Милый, хочешь, поговорим, что мама Ники ушла? Я хочу сказать, что ты чувствуешь...

– Нет, спасибо, – ответил Майлз. – Мне от этого просто грустно. Всем грустно. Особенно Ники.

Слезы навернулись мне на глаза, и я порадовалась, что в слабом свете ночника Майлз видит меня не настолько хорошо, чтобы это заметить. Я сказала:

– Нам всем *очень-очень* грустно. Но грусть – это часть жизни. Иногда ее не избежать.

– Я знаю, – сказал мой прекрасный мудрый сын.

А потом я увидела, что он крепко уснул.

* * *

Однажды вечером, когда мы с Майлзом ужинали вдвоем, Майлз сказал:

– Вчера вечером, когда я остался у Ники, его папа говорил про тебя.

– И что он сказал? – Я постаралась, чтобы мой голос не дрожал.
– Он сказал: мне повезло, что у меня такая нежная великодушная мама.

– Это все? Папа Ники говорил еще что-нибудь?

– Только это.

Немного же сказал папа Ники. “Нежная и великодушная” – это комплимент, но, кажется, не то, что я хотела услышать и что сделало бы меня счастливой. Однако Шон *хотел* говорить обо мне, он говорил обо мне с моим сыном. Он думал обо мне, когда меня не было рядом.

Я чувствую себя так, словно предаю кого-то. Эмили в первую очередь, но и себя тоже.

У нас с Шоном даже ничего еще не было! Но я уже чувствовала себя виновной. Это ли не признак того, что у меня есть совесть? Я писала в блоге, как женщин вообще и мам в частности заставляют чувствовать себя виноватыми, но сейчас это происходит со мной. И раньше бывали случаи, когда нам *следовало* чувствовать себя виновными. *Мне следовало*, во всяком случае.

Я чувствовала себя виноватой еще и потому, что никогда не ощущала этого сумасшедшего, страстного, крышесносного желания по отношению к мужу. Секс с Дэвисом был хорошим. Он не был великолепным. Он был тем, что мне требовалось. Дэвис был тем, что мне требовалось, – приятным парнем. Я переживала не лучшие времена. Хорошему парню вроде Дэвиса необязательно знать о моих прошлых проблемах, и я никогда не испытывала потребности рассказывать ему о них. С ним было удобно. Я часто думала: это как прийти домой. Вот так предположительно и должно ощущаться возвращение домой. И жизнь с Дэвисом отвечала на множество сложнейших вопросов о моем будущем. Ну, я так думала в то время.

Я забеременела Майлзом случайно. Но так у всех, правда? Думаю, это произошло после свадьбы, которая оказалась гораздо романтичнее, чем наша.

Мы с Дэвисом зарегистрировали брак в здании городского совета, в обеденный перерыв Дэвиса. Его ассистенты, Ивэн и Анита, были свидетелями, а потом мы отправились обедать в лучшую пельменную китайского квартала. Дэвис соображал в подобных вещах: где водятся лучшие пельмени.

Мы были очень довольны собой и тем, как стильно и клево мы поженились – так импровизированно и небрежно, словно это ничего не значит. Просто еще один день. А очень скоро после этого Ивэн и Анита устроили грандиозную шикарную свадьбу в округе Датчесс. С беседкой,

увитой белыми розами, на холмистом лугу, спускающемся к реке Гудзон.

Свадьба была столь великолепна, что у меня появилось чувство, будто меня одурачили. Будто мы сами себя одурачили, не придав значения чему-то, чему стоило бы придать значение. Интересно, чувствовал ли Дэвис то же самое? Но даже если у него и были похожие сожаления, он высмеивал меня, если я его спрашивала. Я против воли завистливо поглядывала на стол, заваленный свадебными подарками. Мы с Дэвисом только и получили, что чек на тысячу долларов от матери Дэвиса. Хотя если бы нам надарили столько всего, Дэвис настоял бы на том, чтобы вернуть подарки. Он захотел бы выбрать вещи, больше соответствующие его вкусу.

Мы оба напились на свадьбе, и у нас был лучший секс за все время нашего знакомства. Я почти уверена, что мы зачали Майлза в ту ночь – больше чтобы доказать, что мы на шаг впереди новоиспеченной четы, чем потому, что хотели ребенка.

Как же я ошибалась, не желая ребенка всей душой! Я влюбилась в Майлза, как только он появился на свет. Дэвис тоже. Как будто мы все втроем до безумия полюбили друг друга.

Вскоре после этого Дэвис перевез нас в Коннектикут и работал в основном дома, кроме тех случаев, когда у него бывали встречи в Нью-Йорке или когда он выезжал на объекты в другой точке страны. Он отремонтировал наш дом и спроектировал великолепную, полную света пристройку. Дом был почти закончен – весь, за исключением чердака в старой части, – когда Дэвис и мой брат погибли в автокатастрофе.

Шон совсем не такой, как Дэвис. Шон темный и высокий, сильный и мускулистый. Дэвис был светловолосой жердью. Но иногда, когда я вхожу на кухню, а Шон стоит у окна, долю секунды мне кажется, что это Дэвис. И я счастлива его видеть. А потом, осознав, что это Шон, я становлюсь еще счастливее. Нравится вам это или нет, но таковы факты.

Разумеется, есть и некоторые... сомнения. Сомнения насчет Шона, сомнения, которые я бы никогда не доверила другому человеческому существу. Мысли о том, кто он, что ему известно об исчезновении Эмили – и знает ли он что-нибудь, чего не говорит.

Я спрашиваю себя, бывают ли у влюбленных женщин сомнения. У меня никогда не было сомнений насчет Дэвиса, я была влюблена в него или говорила себе, что влюблена. Я знаю, что иные женщины влюбляются в осужденных убийц, но я не из таких. У меня есть сын, которого надо защищать. Я не дура. И совершенно разумно спрашивать себя, имеется ли хоть малейшая вероятность того, что Шон имеет отношение к исчезновению Эмили.

Я держу лицо в блоге, перед полицией, перед всем миром, но я имею гордость быть не настолько “влюбленной женщиной”, чтобы не присматриваться к Шону повнимательнее; я позволяю себе спрашивать, не выглядят ли иные мелочи, которые он делает бессознательно... подозрительными. Когда мы говорим об Эмили, я изучаю его лицо, ища признаки раздражения, негодования или вины – чего-то, что подкрепит мои сомнения. Но даже когда он рассказывал мне о ее проблемах – алкоголизме, таблеточной зависимости, напряженных отношениях с родителями, – в его лице и голосе не было ничего, кроме сожаления о том, что она ушла.

То, что моя бдительность выдала красный (ладно, оранжевый) уровень известию о том, что в случае смерти Эмили Шон получит по страховке два миллиона долларов, – это просто здравый смысл. Но едва закончив телефонный разговор со страховой компанией, Шон ответил на все мои вопросы. Не похоже было, что он тянет время, чтобы сочинить какую-нибудь правдоподобную историю. Естественность и простота, с какими он изложил ситуацию, выглядели вполне убедительно. Его компания предложила опцию страхования жизни служащему и его супруге за дополнительные несколько долларов в месяц, удерживаемые ежемесячно из зарплаты (весьма приличной) Шона. Удерживаемая сумма была слишком мала, чтобы иметь хоть какое-то значение. Так что он поставил “галочку” в графе “максимум” и тут же забыл про все это дело.

Я не верю, что Шон сделал что-то плохое. Я продолжаю искать что-то, что выбивалось бы из общего рисунка, детали, кажущиеся бессмысленными. Но ничто не указывает, что он лжет или что-то скрывает. А как человек, которому случалось лгать и скрывать кое-что, я иногда лью себе мыслью, что неплохо умею определять признаки и симптомы.

В любом случае точное знание здесь ни при чем. В конце концов, тут ничего нельзя сказать наверняка. Невозможно объяснить, почему ты уверена в том или этом. Но ты уверена. Ты это ощущаешь солнечным сплетением. Я знаю, что Шон невиновен, настолько, насколько я когда-либо вообще что-либо знала. Вообще.

Привет!

Глядя на мою жизнь со стороны, можно подумать, что она очень похожа на мою жизнь до исчезновения Эмили. Минус наша дружба, разумеется, но множество элементов остались на месте. Мы с Майлзом, наш дом, его школа, этот блог. Наверное, вы уловили намек на то, что Ники и его папа стали занимать больше места в нашей жизни. Но ведь это естественно, учитывая, через что они сейчас проходят. Через что *мы* сейчас проходим.

Я еще раз хочу поблагодарить вас за ваши любовь и поддержку. Они очень много для меня значат. Судя по вашим сообщениям (и зная, как хорошо может быть развита интуиция у мам), могу сказать: вы знаете, что вся эта видимость нормальной жизни – не более чем пластырь на зияющей ране. Наши жизни изорваны, и склеить их невозможно. Изорваны исчезновением матери, жены, друга. Мы продолжаем скучать по ней и жить в надежде, что она жива.

Так что можно сказать, что мы в режиме ожидания, мы зависли в воздушном пространстве и ждем кого-то, кто решит, куда нам лететь и пообещает безопасное, хоть и не без турбулентности, приземление.

С Ники теперь нелегко. Он отказывается есть что-либо, кроме гуакамоле и чипсов, которые Эмили готовила ему, хотя и не при мне. Иногда сердито смотрит на меня. Говорит, что я не его мама, что он хочет свою маму. И хотя я все понимаю, это напрягает. Бедный малыш.

Все, что я могу, – это быть с ним и по мере сил помогать ему и его папе. Я могу только ценить время, когда я с Майлзом, и быть благодарной за драгоценный дар жизни, которую могут отнять в любой момент.

Продолжайте желать нам хорошего. Направляйте лучи своей любви на Ники. Не теряйте надежды и молитесь за Эмили, где бы она ни была.

Говоря бессмертными словами диккенсовского Малютки
Тима, да осенит нас Господь своею милостью!

С любовью,

Стефани

Однажды после обеда Шон позвонил и сказал:

– Слава богу, Стефани, ты дома. Я еду. *Прямо сейчас.*

Что-то в том, как он сказал “прямо сейчас”, заставило мое сердце гулко забиться. О’кей, вот и оно. Он хочет меня так же, как я его. Я это не придумала. Сейчас он скажет мне: я хочу быть с тобой.

– У меня новости, – объявил Шон.

По его голосу я поняла, что новости эти недобрые, и устыдилась торопливого вывода, к которому так поспешно пришла.

– Что за новости?

– Ужасные.

В окно я смотрела, как он выходит из машины – движения медленные, как у человека, придавленного тяжким бременем. Казалось, Шон постарел не на один год за те несколько часов, что я его не видела. Открыв дверь, я увидела, что глаза у него воспаленные, красные, а лицо пепельно-серое. Я бросилась обнять его, но это были не пугливые, медлительные, внушенные желанием объятия, как когда мы прощались после наших совместных вечеров. Это были объятия сопереживания, дружбы и – уже – скорби. Каким-то образом я поняла, что сейчас услышу.

– Ничего не говори, – сказала я. – Проходи. Садись. Давай я заварю тебе чай.

Шон сел на диван, а я пошла на кухню. Меня трясло, и я плеснула кипятком себе на запястье, но настолько распереживалась, что больно не было – только потом.

Шон отпил чая, покачал головой, поставил чашку и сказал:

– Сегодня звонили из полиции. Какие-то рыбаки из Северного Мичигана нашли сильно разложившееся тело. Его вынесло на берег недалеко от семейного домика Эмили. Видимо, тело в таком жутком состоянии, что они даже не попросили меня приехать на опознание. Сказали – нет смысла. Попросили прислать с фэдэксским курьером зубную щетку и расческу Эмили – им придется опираться на тесты ДНК...

Шон зарыдал. В голосе звучали слезы, когда он выговорил:

– Я не думал, что будет так. Я был уверен, что она жива. Я был абсолютно уверен, что она собирается вернуться домой.

Что он имел в виду? Про что он *не думал*, что так не будет? Что он

такого знал, о чем не говорил? Или он просто хотел сказать – я не думал, что Эмили умрет так трагически, такой молодой?

Полицейские считали, что Эмили утонула вскоре после своего исчезновения, хотя точную дату определить затруднялись. Да, и какие-то бродяги-туристы обнаружили арендованную машину в миле от домика в лесу. Никаких признаков борьбы. Она была жива, когда тонула. В домике обнаружили только два набора отпечатков пальцев. Один, по предположению полиции, принадлежал Эмили. Другой – Шону, что было вполне объяснимо: он провел там свой день рождения. (Копы сняли у него отпечатки пальцев вскоре после того, как исчезла Эмили, когда в первый раз вызвали его на допрос.)

Ни Шон, ни я не могли выразить словами, что чувствуем. У меня в ушах продолжал звучать голос Эмили, просящей приглядеть за Ники, пока их с Шоном не будет дома. Голос, просящий меня оказать простую услугу. Я понятия не имела, что думает Шон. Может, он вспоминал тот жаркий украденный уик-энд. Я сказала:

– Может быть, это не она... Может быть, это все чудовищная ошибка.

– Кольцо, – сказал Шон. – Они нашли кольцо. Кольцо моей матери, с сапфиром и бриллиантами. Оно осталось у нее на пальце, каким-то образом зацепилось...

И тут мы оба начали плакать. Обняли друг друга и зарыдали. Поодиночке и вместе.

Мамы, привет!

У меня очень грустная новость. Полицейские Скво-Лейк штата Мичиган (где находится домик Эмили) обнаружили тело – как предполагают, Эмили. Из-за отсутствия видимых повреждений, признаков борьбы или насилия и потому что причиной смерти послужило утопление, полиция собирается объявить ее смерть самоубийством или несчастным случаем. Никто никогда не узнает, о чем думала Эмили, входя в озеро. Может, она слишком далеко заплывала, может...

Муж Эмили Шон уехал встретиться с полицией и чтобы привезти Эмили домой. Вероятно, из полиции звонили в Детройт, матери Эмили, но ее сиделка сказала, что лучше подождать, пока у старушки наступит один из ее “хороших дней”, чтобы сообщить ей плохую новость.

Мы часто забываем боль родов – и так же забывается боль горя и колоссальный объем *работы*, сопряженной со смертью. Но я прошла через эту боль: сначала мать, потом Дэвис и Крис. Крис помог мне пережить смерть матери. Он был рядом, он поддерживал меня. Но в основном я делала эту работу сама.

Сейчас я вспоминаю, какой была та молодая женщина и молодая мама, которой хватило сил и ресурсов сделать необходимое: позвонить кому нужно, подписать документы, принять решение о залежах личных вещей, которые человек накапливает за свою жизнь, пусть даже короткую. У меня здесь, в Коннектикуте, все еще хранятся вещи Дэвиса, кое-какие вещи Криса и куча маминого барахла в сарае.

Что делать с вещами Эмили? Слишком быстро приходится решать. А как же Ники? Мы с Шоном договорились, что Шон обо всем скажет сыну после завтрака в воскресенье, перед тем как отвезти его к Майлзу.

Если Ники захочет в этот день остаться дома с папой – отлично. А если он захочет, чтобы его отвлекли... Пусть поиграет

с моим сыном, которого неподдельно печалит то, через что проходит его друг. В конце концов, Майлз прошел через смерть отца, даже если был тогда слишком мал, чтобы ее помнить. Мы с Шоном верим, что Майлз сумеет приободрить Ники. Хотя Майлзу всего пять, он тот, кто он есть. Хороший маленький человек.

Вскоре после того, как нам сообщили о смерти Эмили, Ники спрятался в шкафу, среди маминой одежды – мы с Шоном еле нашли его. Когда Шон обсудил это с психотерапевтом Ники, тот предложил нам понемногу убирать вещи Эмили из дома. (Надеюсь, вы простите мне излишнюю откровенность.) И если сделать надо было именно это, я предложила найти склад.

Шон был непреклонен. Он отказался избавиться хоть от одной вещи Эмили. Однажды, когда мы обсуждали это, он разнервничался и сказал: “Когда она вернется...”, а потом резко оборвал себя. Так я поняла, что он все еще отказывается принять факт ее смерти.

Я была только рада, что мне не придется брать на себя ужасный труд заниматься имуществом покойной. А отдавать полный шкаф Денниса Найлона в Армию спасения мне показалось неправильным. Я сама точно уж не смогла бы носить эту одежду. Помимо того, что я вешу фунтов на пятнадцать больше Эмили, а ростом немного ниже, ее одежда не в моем стиле. У меня было бы ощущение, что я явилась на маскарад – хрупкая мама-домоседка нарядилась карьеристкой, одетой в откутюр. К тому же какая-то часть тебя всегда думает: а что, если этот человек *не* умер? А если Эмили вернется и придет в ярость из-за того, что мы раздали всю ее чудесную одежду? Такие мысли вполне обычны, когда люди уходят, оставляя дверь незакрытой. Без сердечного прощания на смертном одре, без должных похорон.

Все это ужасно печально. Каждый раз, думая о своей подруге, я безутешно плачу. Шон, твердый и мужественный, старается не расклеиваться. Особенно перед Ники.

Неважно, к какому заключению пришли или не пришли власти. Мы глубоко убеждены, что смерть Эмили была несчастным случаем. Мы с Шоном не верим, что Эмили хотела покончить с собой. Мы знали ее. Она любила жизнь. Она любила своего мужа и своего сына. Она любила меня. Она никогда не

приняла бы решение покинуть нас.

Конечно, ей нужна была передышка. Груз работы, брака и материнства так тяжело давил на нее, что, несмотря на выигранные в тяжелой борьбе годы (десятилетия!) воздержания, ее прежние демоны – проблемы с наркотиками, которые она так доблестно преодолела – явились снова. Эмили припасла таблеток, купила выпивку и отправилась в семейный домик, чтобы развеяться и провести пару дней в одиночестве. Такого я от нее не ожидала, но такое, тем не менее, возможно.

Полезла купаться. Заплыла слишком далеко. Не рассчитала сил. И утонула.

По словам Шона, Эмили была неплохим пловцом, но не более. А токсикологические отчеты показали наличие алкоголя, а также рецептурных болеутоляющих и транквилизаторов. Достаточно, чтобы ослабить способность человека оценивать возможные риски. Чтобы серьезно подкосить здравомыслие Эмили, которое было в ней одной из моих любимых черт.

Я молюсь, чтобы вы все поняли и не осуждали. Все мы слабы. Все мы можем немного сойти с ума и сделать что-то, чего не должны бы. Это могло случиться с любой из нас.

А это – один из тех трагических случаев, когда человек не навредил никому, кроме себя.

И нас. Мужа, сына и лучшей подруги.

Так будьте, прошу вас, снисходительны. Позвольте мне оплакать моего друга. Я знаю, что ваши любовь и молитвы – с нами. Заранее спасибо вам за сердечные слова поддержки и соболезнования.

С любовью,

Стефани

Не помню, кто из нас – Шон или я – первым произнес это вслух. Несмотря на полицейский отчет, мы не считали, что Эмили покончила с собой. Я всей душой верила, что это не так, да и Шон, по-моему, тоже. А когда Ники подрастет и начнет кое-что понимать, пусть лучше думает, что Эмили погибла из-за несчастного случая, что она не самоубийца.

А если это несчастный случай, в чем мы были уверены, страховая компания должна выплатить Шону и Ники два миллиона долларов, которые она не платила бы, окажись смерть Эмили самоубийством, совершенным менее чем через два года после выдачи страхового полиса. Я нашла эту информацию в интернете и сказала Шону, но поняла, что он и так знает.

У меня возникло множество вопросов насчет Эмили. Они возникли бы у любого. И один из этих вопросов был связан с тем романом Патриции Хайсмит: красивая молодая женщина покончила с собой по причине, которую никто так и не выяснил.

Шону, мне, Ники с Майлзом было важно, по какой причине погибла Эмили и как. Но это детали. Самым главным было то, что Эмили ушла. И не вернулась.

Шон и Ники развеяли ее прах в рощице за домом. Вряд ли Ники понимал, что они делают. А Шон не облегчил ему понимания, сообщив, что они развеивают дух его мамы по ветру. Шон потом сказал мне, что Ники все спрашивал: “А где дух мамы? Где мама? И ветра никакого нет”.

Шон прочитал об этом ритуале на буддистском сайте. Я подумала, что ритуал действительно красивый, да и неожиданный для красивого, гипермаскулинного британского парня, который работает на Уолл-стрит. Наверное, подумала я, такая скрытая чувствительность была одной из черт, которые Эмили в нем любила. И эту черту полюбила в нем я.

Шон спросил, не хотим ли мы с Майлзом присутствовать, когда они станут развеивать прах Эмили. Мне бы хотелось, больше всего на свете, но я чувствовала, что для Ники будет лучше, если мы не придем. Может, я суеверная. А может, мне показалось неправильным присутствовать при развеивании праха женщины, в мужа которой я, кажется, влюблена.

Шон показал мне копию отчета о вскрытии. Велел обратить внимание на “результаты исследования”, где описывалось серьезное повреждение печени, предположительно от длительного злоупотребления алкоголем и

опиатами. Не только рубцы, но и совсем недавние повреждения. Вероятно, это подтверждало вердикт coronera, но полицейские все-таки не могли ничего сказать наверняка.

Я сказала, что такое невозможно. Если бы Эмили пила запоем и кололась, один из нас наверняка был бы в курсе. Но Шон утверждал, что это более чем возможно. Когда он учился в университете, четверо его самых блестящих соучеников были тяжелыми торчками. Двое из них кончили курс лучшими в группе, с высшими баллами. И никто ни о чем не знал.

– Ты знал, – указала я.

– Я жил с ними в одной комнате. Меня, наверное, тянет к людям такого сорта.

Меня покорило, когда я услышала об Эмили как о “людях такого сорта”. Но человеком какого сорта она была? Как можно знать человека так же хорошо, как (мне казалось) я знала Эмили, – и не знать про него главного? Иные добиваются успеха несмотря ни на что и вполне эффективно живут и работают, не отказываясь от своих привычек. Эмили выдерживала все. Профессиональные обязанности, ребенка, семью. Хорошо устроенную и даже (с виду) шикарную жизнь.

Я вспоминала каждую нашу с Эмили беседу, каждый день, проведенный с ней вместе. Чего я не разглядела в ней? Что она пыталась сказать мне – а я оказалась неспособна услышать?

Каким лучшим другом я была?

* * *

Первый же наш с Шоном секс напомнил мне, чего мне не хватало. Беспримесного, сумасшедшего наслаждения. Одна рука Шона обхватила мою грудь, пальцы другой поползли вверх по моему бедру. Он перевернул меня, чтобы целовать затылок и ниже, потом снова перевернул на спину, сунул голову мне между ног. Меня потрясло, насколько он хорош в постели, но чему я удивлялась? Наша кожа, наши тела – все ощущалось до последнего сантиметра, ничего не существовало, кроме напора ощущений – страсть и, да, любовь – кого-то, кто способен заставить тебя чувствовать подобное. Отчаянное желание кончить и отчаянное желание, чтобы этот секс длился до бесконечности.

Все это время я думала только о том, как мне хорошо. Но потом оно ко мне вернулось – все, что я забыла или выбросила из головы, когда жила с

Дэвисом. Я осознала, на что согласилась, без чего собралась жить, от чего отказалась в обмен на удобный брак, респектабельное вдовство и жизнь, в которой я ставила потребности Майлза выше своих. Теперь я уже не хотела снова жить без этого удовольствия и радости. У меня есть потребности, у моего тела есть потребности, и не все они связаны с Майлзом. Секс с Шоном словно заставил меня вспомнить, что я человек.

Я постаралась забыть слова Эмили о том, что секс всегда был лучшей частью ее брака. Что по сравнению с ним все казалось менее важным. Что она могла мириться с отсутствием Шона, с его трудоголизмом, с изощренными оскорблениями, с его неспособностью ценить ее – лишь бы только он приходил домой и (ее словечко) трахал ее.

А больше всего я пыталась не думать, что почувствовала бы Эмили, если бы все узнала.

* * *

Станным образом наш роман начался из-за очередного срыва Ники.

Ники стал устраивать истерики, со слезами и визгом. На первый взгляд – на ровном месте. Но, конечно, не было никакого “на ровном месте”. У него умерла мама. И его слезы разбивали мне сердце.

Шон возил Ники к психотерапевту, который смотрел Майлза после смерти Дэвиса. Доктор Фельдман был таким же утешающе-целительным, как раньше. Но он не мог предложить ничего конкретного, кроме как быть терпеливыми и выжидать. Он сказал нам, что хотел бы видеть Ники раз в неделю, но Ники оказался ходить на осмотры, и доктор сказал, что лучше не форсировать события.

В ночь, когда мы с Шоном впервые занялись любовью, мы ужинали вместе у нас дома. Мы с Шоном и Майлзом ели стейки. Ники играл со своими гуакамоле и чипсами, сердито зачерпывая пюре из авокадо и запихивая чипсы в рот. Густая зеленая жижа капала у него с подбородка.

Внезапно Ники оттолкнул свою тарелку на середину стола и уставился на блюдо со стейками – порезанными, в лужице сока с примесью крови. Он сказал:

– Это моя мама. Это она. Ты убила ее и зажарила, – он свирепо глянул на меня, – и вы едите ее. Как в том фильме, я смотрел.

Меня больно резанули слова Ники, особенно после того, сколько я сделала для него, как я заботилась о нем. Я напомнила себе, что он маленький мальчик, потерявший маму, мальчик, страдающий от

невообразимой боли. И действительно, это не имело отношения ко мне... или к моим (все еще подавляемым) чувствам к его папе.

– Какой фильм? – поинтересовался Шон.

Он не посмотрел на меня, чтобы увидеть, как я среагирую на обвинения Ники. В обычных обстоятельствах это бы меня тоже резануло. Но то, сколько внимания Шон уделял Ники, свидетельствовало о том, как глубоко – и инстинктивно – он беспокоится о своем сыне, и это заставило меня любить и уважать Шона еще больше.

– Мы с Майлзом смотрели кино по телевизору. Залезли в комнату и смотрели, пока его мама спала, – вызывающе объявил Ники, провоцируя меня возразить ему.

Мы с Шоном переглянулись, улыбаясь слегка, но обеспокоенно. Как будто эпизод с просмотром (предположительно запрещенного) фильма стер эпизод, в котором я убила и зажарила маму Ники.

– Что, попался? – сказала я Майлзу.

Майлз засмеялся.

Тогда Ники бросился на пол и завизжал, было похоже на припадок. Слава богу, у нас нет соседей. А если бы это происходило в городской квартире? Бедный Ники!

Сначала Шон держал его, потом я сменила его, пытаюсь успокоить Ники. Но Ники не желал, чтобы я к нему прикасалась, он вывернулся из моих рук и кинулся к папе. Мы с Шоном не теряли терпения. Ни на секунду. Мы не сдавались. Как будто Ники был нашим общим ребенком, нашим сыном, и мы помогали друг другу сделать все, что в наших родительских силах. Я гладила руку Ники, Шон гладил его по головке, а Майлз пытался держать его за руку, при том что Ники порывался стукнуть отца кулачком в плечо.

– Милый, – сказала я Майлзу, – оставь Ники. Ему грустно.

Майлзу не следовало видеть все это, но выпроводить его из комнаты было как будто неправильно. И я разрешила ему посмотреть мультфильмы на моем айпэде, что стараюсь делать пореже.

Это оказалось выходом. Не бог весть каким, но выходом. Даже Ники немного успокоился. Когда я усадила Майлза в удобное кресло, старое кресло его папы, которое все еще стоит у меня, и включила ему мультики, я почувствовала, что Шон смотрит на меня и ему нравится то, что он видит. Меня странным образом возбуждало понимание того, что он восхищен моими мамскими умениями, но дело в том, что – учитывая мои чувства к Шону, и неважно, что я старалась их преодолеть, – меня возбуждало бы что угодно.

Ники выдохся и отключился на руках у Шона. Шон какое-то время держал его спящего, а потом отнес в детскую, уложил на низкую кровать и ласково подоткнул одеяло.

– Пора спать, – сказала я Майлзу.

– Еще полчаса.

– Спать. Мы устали. У Ники тяжелые времена.

– У нас у всех тяжелые времена, – заметил Майлз.

Мы с Шоном переглянулись, что означало: Майлз такой чудный ребенок!

Майлз был прав. Мы все устали, всем было тяжело. Истерика Ники расплавила все наши защитные слои, оставила нас нагими и беззащитными.

Я уложила Майлза в кровать и убедилась, что с мальчиками все в порядке. Потом мы с Шоном рухнули на диван, и Шон включил очередную серию “Во все тяжкие”. Мы перестали смотреть сериал после известия о смерти Эмили – категорически не хотелось насилия и мрака, – но недавно начали снова.

На наше счастье, это оказалась самая насыщенная сексом серия – наверное, романтическая линия сериала. Джесс Пинкман и его подружка влюбляются друг в друга. Почти романтическая комедия среди фасовки амфетамина, крови и убийств, только вот подружка Пинкмана – торчок.

Я сидела рядом с Шоном. Он приобнял меня. Я склонила голову ему на плечо.

Мы трепетали. Мы оба ощущали этот трепет, еще неясный, каждого из нас пробирала дрожь.

Мы начали целоваться. Он поцеловал меня в шею, потом поцеловал плечи, потом задрал мне футболку и стал целовать грудь.

Так вот все и началось.

* * *

На столько вопросов нам надо было бы ответить, столько вопросов задать. Но в те первые недели мы были так счастливы делать то, о чем мы (я, во всяком случае) так долго мечтали, что мы не задавали никаких вопросов, не связанных с сексом, и чувствовали себя прекрасно.

Мы соблюдали осторожность. Мальчики ни о чем не знали. Мы договорились, что делаем это, только когда мальчики в школе. Шон оставался ночевать реже, чем раньше. Знать, что он в доме, и не быть с

ним, было пыткой.

У нас не было названия или слова для того, что мы делали. Мы не спрашивали, будет ли это последний раз или что дальше. Мы не спрашивали: а что Эмили? Не предаем ли мы ее память? Мы едва разговаривали. Несмотря на то, что в доме было пусто, мы старались не шуметь.

Волновало ли меня, что Шон думает об Эмили, когда он со мной? Нет, не волновало. Он не мог думать об Эмили. Я бы знала. Никто не идеален.

* * *

Теперь, ночью, одна в своей кровати, я не могу хорошо спать. Как только я ложусь, на меня наваливается такая тяжелая дрема, словно я под кайфом, но часа через три-четыре я просыпаюсь и лежу без сна, пока не рассветет и не придет пора поднимать Майлза (или Майлза и Ники) в школу.

В настоящем моменте есть что-то экстатическое – в моем романе с Шоном. Ну а будущее? Можем ли мы, все четверо, жить вместе, как семья?

Шон сможет вернуться в офис. Я стану возить мальчиков в школу и забирать их каждый день. Ники преодолит свое горе. Все преодолевают, рано или поздно. Даже если боль не забывают, ее не ощущают каждую минуту.

Иногда я думаю, что это греховно и неправильно. Я подвергаю себя пытке. Я думаю: нам с Шоном надо остановиться. Но я точно знаю, что у меня плохо получается не делать то, что я хочу делать, особенно если это что-то подразумевает секс. К тому же кому от этого плохо?

Бог знает, что чувствует Шон. Ощущает ли он вину за то, что занимается любовью с лучшей подругой жены так скоро после смерти жены? Думает ли он: черт возьми, Эмили умерла. Она больше не знает, что я делаю, и ей это все равно. Или он делает это, чтобы вернуться к Эмили? Спрашивает себя, не покончила ли она с собой? Я много читала о самоубийстве и знаю, как часто оставшиеся в живых злятся на самоубийцу, приходят в ярость – и не могут ни принять, ни даже понять этого.

Мне тошно было бы думать, что Шон спит со мной потому, что злится на Эмили. Когда эта мысль прокрадывается ко мне в сознание, я изгоняю ее. В конце концов, нас ведь влекло друг к другу еще до того, как мы узнали о смерти Эмили.

И после этого я ощущаю себя виноватой еще больше.

16

Блог Стефани

Черновик поста (не опубликован)

Призрак Эмили преследует Шона, из его дома он перебрался в мой. Эмили здесь везде, она смотрит и слушает. Она знает, когда мы встречаемся за завтраком в закусочной, проводя ночь каждый у себя дома.

Мы сосредоточены на Ники. Этого хотела бы Эмили, хотя вы могли бы спросить: если кто-то настолько печется о своем ребенке, то зачем, приняв горсть таблеток, запивает их спиртным и отправляется поплавать в озере?

Майлз знал, что Ники и его папа собрались развеять прах мамы Ники. Ники, кажется, ничего не понял, зато понял Майлз. Может быть, потому что у него уже был опыт столкновения со смертью. Он сказал, что мы с ним на нашем заднем дворе должны устроить минуту молчания, когда Ники и его папа будут отпускать дух мамы Ники в рощу.

Мы с Майлзом долго стояли, склонив головы и закрыв глаза. Я нагнулась к Майлзу, чтобы мы смогли обняться.

Все мамы знают, как это странно – когда наши дети растут. Еще вчера Майлз был грудным малышом у меня на руках. Сейчас он все еще ребенок. Но он уже маленький мужчина, на которого я могу опереться. Я никогда не стану возлагать на него подобное бремя, но он – моя маленькая скала. У нас есть опыт разделенного горя. Мы выучили, что горе проходит. Может быть, Майлз говорил Ники об этом, может быть, это сделало их дружбу крепче.

Несколько месяцев после гибели мужа и брата я плакала каждый день. Иногда я плакала весь день напролет. Помню, как смотрела на прохожих и думала: вот, они страдают, а я этого не вижу, так же, как они не осознают, в какой агонии корчусь я. Если бы изобрели такую разновидность люминола – средства, при помощи которого в детективах обнаруживают следы крови, – чтобы обнаружить следы горя, половина прохожих на улице светились бы, как рождественские елки.

Я не помню, когда постоянное горевание пошло на спад. Но оно пошло на спад. Я не помню, как пережила свой первый день без слез. Не помню первого утра, когда проснулась без желания тут же заснуть снова. Забывание милосердно.

Мне не хватает моих мужа и брата, а теперь – и моей лучшей подруги. Иногда боль так остра, что я сама слышу свои стоны. Я слышу себя и думаю, что, может быть, сейчас кто-нибудь еще озвучивает сердечную боль. Но я больше не боюсь, что не смогу

пережить эту боль.

У меня есть Майлз, и он всё для меня. Я научилась отставлять себя в сторону и жить для своего сына. Но это не означает, что я забыла или не помню каждую секунду того дня, когда погибли мои муж и брат. Каждая минута того дня отпечаталась у меня в мозгу.

Мои муж и брат недолюбливали друг друга, хоть и делали вид, что это не так. Они оба были гордыми, порядочными и добрыми, и им обоим было важно сохранять видимость хороших отношений. Но это оказалось невозможно. Оба были альфа-самцами: Крис – в стиле уличного мачо, Дэвис – с упорством человека из старинной привилегированной семьи.

Когда мы жили в городе, у Дэвиса был заказ на ремонт в Форт-Грин; субподрядчиком он нанял Криса, который стал строителем. Напряжение между ними несколько ослабло, когда мы с Дэвисом переехали в Коннектикут и они с Крисом перестали работать вместе. Моему брату предстояло приезжать раз в месяц или около того. Майлз обожал своего дядю. У Криса и Майлза были особые имена друг для друга, и нам с Дэвисом их знать не полагалось.

Жаль, что Дэвис и Крис не нашли общего языка. У них было гораздо больше общего, чем казалось на первый взгляд. Оба любили бокс и бейсбол. Много знали о машинах. Оба заботились обо мне, хотя в этом и заключалась бóльшая часть проблемы.

Однажды после обеда, летом, мы все вместе сидели на передней веранде нашего дома в Коннектикуте и пили лимонад. Эффектная винтажная машина ехала по дороге.

Дэвис сказал, что это “гудзон” такого-то года, а Крис сказал – нет, это “паккард” другого года. Оба были свято уверены в своей правоте, дискуссия стала горячей. В конце концов мои парни заключили пари. Они собирались устроить барбекю. Оба с ума сходили по грилю, хотя ни тот, ни другой не ориентировались в кухне или возле духовки.

– Ладно, – сказал Дэвис, – идет. Давай посмотрим в энциклопедии винтажных автомобилей. А потом поедem в мясной магазин. Проигравший заплатит за ребрышки и стейки. Если мы оба ошиблись, то расходы поровну.

– Договорились, – согласился Крис. – Я думаю – “портерхауз”. Вот насколько я уверен.

– Принеси папину книжку, дружище, – попросил Дэвис Майлза.

Я терпеть не могла, когда он называл нашего сына “дружище”. Крис вызвался пойти с Майлзом – тот был слишком мал, чтобы тащить тяжелый том. Его папа подшучивал над ним, поднимет ли он книжку.

Все трое моих парней склонились над книгой, ища загадочную машину. Майлз так взбудоражился! Можно было подумать, что он умеет читать, хотя ему было всего два года. Наконец Крис объявил:

– Ага! Ну вот!

Крис оказался прав. Дэвис – нет.

– Ты выиграл, чувак. С меня стейки, – сказал мой муж. – Давай купим что-нибудь особенное.

Он поцеловал меня, такое обычное прикосновение, и пошел за ключами.

Неужели это были последние слова, которые я от него услышала? *С меня стейки? Давай купим что-нибудь особенное?*

Дэвис сел за руль “камаро” шестьдесят шестого года, которую водил шутки ради летом. Крис сидел рядом с ним на пассажирском сиденье.

Знаю, какие последние слова они слышали от меня. Именно эти слова я всегда говорила, когда члены моей семьи куда-нибудь ехали. Я не могла не сказать эти слова тем, кто уезжал: *“Люблю вас. Осторожнее за рулем”*.

По сей день я, едва проснувшись, благодарю Господа за то, что решительно воспротивилась тому, чтобы Майлз ехал с ними. Ему хотелось побыть большим мальчиком, хотелось прокатиться с папой и дядей. Но малышу надо было поспать, если он собирался протянуть до ужина. И я подумала, что ребятам будет веселее, если им не придется хлопотать с ребенком, пристегивать и отстегивать его с детского кресла, если они обойдутся без тех развлечений, которым я предавалась всю неделю.

Позже полицейские скажут, что грузовик несся по шоссе номер двести восемь слишком близко к их полосе. Дэвис резко взял в сторону, чтобы разъехаться с ним, потерял управление, и они врезались в дерево. Лобовое столкновение.

Вот так вдруг.

Дорожите каждым моментом, который вы проводите с

любимыми. Потому что мы никогда не знаем, что случится через несколько мгновений.

Я сейчас опустила глаза и увидела слезы на клавиатуре. Кажется, процесс выздоровления идет не так быстро, как я думала. Как мне хотелось думать.

Спасибо, милые мамы, что слушаете и отвечаете.

С любовью,

Стефани

На самом деле случилось совсем не это. Точнее, не совсем это. Мои муж с братом ехали на машине. Они собирались купить кое-что для барбекю. Машина врезалась в дерево, и оба погибли на месте. Рассказ был о том, что случилось, но не о том, как это случилось.

Они не недолюбливали друг друга. Они друг друга ненавидели. Они всегда ненавидели друг друга.

Трудно представить себе двух людей, которые отличались бы друг от друга больше, чем мои муж и брат. Крис был приземленным, а Дэвис витал в облаках. У них было настолько разное чувство юмора, что Крис мог сказать что-то, что он считал шуткой, а Дэвис воспринимал это как оскорбление – и наоборот. Без меня, связующего звена, они бы и пяти минут не провели в одной комнате. У них было только одно общее: я. И Майлз, полагаю. Преданный отец. Души не чающий в племяннике дядька.

Вечно вспыхивали ссоры – отвратительные, мелочные. Не помню, с чего все началось в тот день. Они часто спорили по поводу марки, года и модели какой-нибудь винтажной машины, которую видели. Может быть, причиной этой ссоры стала машина. Едва ли это имело значение. Эти двое разогревались от нуля до шестидесяти за десять секунд. Быстрее, чем “мазерати”.

Было громко, отвратительно. Быстро. Оба вытряхнули все старье. Один обвинял второго в том, что считает себя всезнающим, второй обозвал первого мошенником. Один сказал, что ему до смерти надоело дерьмо второго, второй ответил... Не знаю. Они ссорились как братья, хотя на самом деле были зятем и шурином. Если бы Каин и Авель были связаны через жену, а не кровно, все могло бы получиться еще хуже, хотя куда уж хуже.

Так продолжалось долго, и я точно знала, что будет дальше. Например, один из них гордо удалится, после чего наступит несколько минут тишины. Потом другой последует за ним, словно им надо договорить до конца. И они начнут кричать снова. А еще могло быть так тихо, что я ощущала напряжение по всему дому. От этого мне хотелось вопить.

Майлз слышал каждое слово. Не думаю, что он много понял. Но он уловил интонацию. Его папа и его дядя сошли с ума. Майлз расплакался.

Я написала в блоге, что двое парней решили купить мяса для барбекю.

Но опять-таки это не вполне правда. Это я предложила им съездить в мясную лавку. Никогда себе этого не прощу, всю оставшуюся жизнь. Я сказала:

– Почему бы вам не прокатиться? Остыньте. Съездите в “Смокхауз”, купите что-нибудь вкусное к ужину.

“Смокхауз”! Парни встрепенулись.

“Смокхауз” мы просто обожали. Старомодная немецкая мясная лавка. Там делали собственные колбаски, и там было лучшее мясо. Приветливые молодые немки-блондинки ждут вас и независимо от того, что вы закажете, говорят “прошу!”. Мы с Дэвисом обожали это место. Даже когда я пыталась свести мясоедение на нет, я срывалась, ехала туда и покупала горячий домашний сэндвич с ливерной колбасой на большой мягкой булочке.

Выступать посредником в попытке привести мужа и брата к согласию было все равно что разнимать дерущихся собак. После излитых друг на друга потоков матерщины и сердитого рычания Дэвис и Крис в конце концов успокоились (как всегда бывало), и до рукоприкладства не дошло. Они никогда не дрались. Но двое мужчин, которых я любила больше всего на свете, не выносили друг друга, и их не заботило чужое мнение. Они хотели, чтобы я все знала. Они не хотели, чтобы я об этом забывала.

Оба обрадовались возможности выбраться из дома, даже в обществе друг друга. Для обоих это была безопасная, простая возможность закончить ссору, сохранив лицо.

Дэвис схватил ключи и торопливо чмокнул меня на прощанье.

– Осторожнее за рулем, – сказала я. – Люблю вас.

– До скорого, – сказал брат.

Они все не возвращались. Не возвращались. И не возвращались. *Где они?* Они не отвечали на мои сообщения и звонки. Может, заехали выпить? Майлз поспал, проснулся в дурном настроении. Голодный. Где его папа, где дядя? Где ужин?

Когда на пороге появился полицейский, моей первой мыслью было, что муж с братом поехали в город, там ссора началась по новой, и их арестовали. Как нам с Майлзом вызволить их из тюрьмы?

Мне понадобилась целая вечность, чтобы понять, что говорит коп.

Полицейскому, вероятно, было не в новинку иметь дело с людьми в состоянии шока, но он все же странно посмотрел на меня, когда я сказала:

– В машине было мясо? Они хоть заехали в “Смокхауз”?

– Мясо?

Именно в ту минуту я и стала вегетарианкой.

Коп спросил, есть ли кто-нибудь – член семьи, близкий друг, – кому я могу позвонить. Офицер Такая-то или Сякая-то (не помню имени) может побыть со мной, пока не приедет кто-нибудь из родни. Он указал на машину на подъездной дорожке. В машине на пассажирском сиденье сидела женщина в полицейской фуражке.

Я держала на руках Майлза, тот начал плакать. Офицер с жалостью взглянул на него. Бедный пацан, только что потерял папу. Я сказала:

– Нет, спасибо, поезжайте. Все в порядке. Я позвоню своей матери.

Ничто не было в порядке, и моя мать пять лет как умерла. Мне просто хотелось, чтобы они убралась из моего дома.

То, что именно я отправила ребят за мясом для барбекю, было бы слишком для кого угодно, чтобы жить с этим – и оставаться в своем уме.

После отбытия полицейских я долго пыталась успокоить Майлза, который плакал до икоты, хоть и не понимал, что произошло. Я была так занята с ним, что мне некогда было сходить в туалет. Мамы маленьких детей учатся откладывать или игнорировать свои базовые потребности.

Мы с Майлзом легли в мою кровать. Майлз задремал, и я выскользнула в ванную, оставив дверь открытой, чтобы услышать, если он проснется.

К зеркалу в ванной был приклеен пластырями лист бумаги. Пластыри сидели вкривь и вкось, и все выглядело каким-то психозом. Примерно так серийные убийцы из криминальных передач декорируют свои логова.

Это был почерк Дэвиса – за исключением того, что Дэвис обычно писал, как и все, что он делал, аккуратно и опрятно. А эту записку Дэвис мог бы написать, если бы принял наркотики. Торопливо. Не заботясь. Зло. Небрежно. Мне пришлось прочитать ее несколько раз – не только потому, что ее трудно было расшифровать, но и потому, что я все еще пребывала в состоянии шока.

Записка гласила: *“Меня тошнит от всего этого вранья”*.

На раковине была фотография: мы с Крисом болтаем на заднем дворе. Улыбаемся. Дэвис согнул фотографию посередине, и неровный разрыв отделил меня от моего единокровного брата.

Я поняла, что это записка самоубийцы или что кто-нибудь может истолковать ее именно так. Я сожгла записку в кухонной раковине. Я не хотела, чтобы кто-нибудь думал, что Дэвис покончил с собой. С практической точки зрения, нам надо было решить вопрос со страховкой. От него зависело, как мы с Майлзом отныне будем жить. Майлзу не нужно знать. Маме Дэвиса не нужно знать. Я не хотела, чтобы кто-нибудь знал, мне это было не нужно.

Видимо, на какой-то миг я вырубилась. Следующее, что я помню, – это

что я сижу на полу в ванной. И ударилась головой о край раковины.

Прижимая тряпку ко лбу, чтобы остановить кровь, я услышала, как Майлз плачет в спальне. Увидев меня с окровавленным лицом, он зашелся в крике.

Я подумала: плачь, мой дорогой мальчик, плачь. У тебя есть повод бояться.

Твоя мать – чудовище.

Я понимала, что имел в виду Дэвис. Понимала, что он имел в виду, говоря о вранье.

Мы с Крисом любили друг друга с того самого дня, как он вошел в дом моей матери. Не было минуты, когда мы не знали бы, что делаем что-то неправильное, и не было минуты, когда мы не думали бы, что наша любовная связь predetermined судьбой. Или когда мы по-настоящему верили бы, что она приближается к концу. Мы клялись, обещали друг другу остановиться. Потом Крис звонил или заезжал, и все начиналось сначала.

Когда я поступила в колледж, Крис покинул Мэдисон и снял квартиру недалеко от моего общежития. Он был плотник, и плотник хороший, так что без труда мог найти работу где угодно. После занятий я отправлялась к нему и ждала, когда он вернется домой. Мы проводили остаток дня и ранний вечер в его постели – просто матрас на полу холодной комнаты; зимнее солнце Новой Англии садилось рано, и свет становился сначала угольно-черным, потом синим. Мы были счастливы вместе, обнаженная кожа на обнаженной коже. Мы были друг для друга и наркотиком, и дилерами.

Кто-нибудь спросит, почему мы не могли расстаться и вести себя благопристойно, почему не могли покончить с этим и двигаться дальше. Им я могу ответить лишь, что с ними, значит, никогда не происходило ничего подобного. Наша связь длилась – с перерывами – многие годы. Совершенное безумие. Была пара месяцев, когда я возбуждалась, только поглядев на свадебное фото мамы и папы. Насколько это ненормально? Избавят от этого в какой-нибудь группе “12 шагов”? Может, есть такая группа – для переживших все, что случилось в моей жизни. А не что мне надо было бы сделать.

Мы с Крисом были согласны: это неправильно. Нездорово. Мы делаем плохо людям, делаем плохо самим себе. Мы обрывали нашу связь – и держались, сколько могли.

Когда я встретила Дэвиса, у нас с Крисом как раз длился период, когда мы по-настоящему сдерживали наше обещание. Дэвис был приятный парень – пока не начнешь противоречить ему насчет цвета краски или куда поставить диван. Каким надежным, благоразумным и великодушным он был! Он заботился о планете, о будущем. Он хотел семью, дом. Он был

таким горячим, таким искренним. Казалось, Дэвис жил в ярком сияющем мире, где люди совершают правильные поступки и не занимаются любовью со своими сводными братьями.

Я даже могла представить себе – *почти* представить, – как Дэвис прощает меня, если я расскажу ему правду о Крисе. Если предположить, что наша связь закончилась. Но я не рассказала Дэвису. И связь не закончилась.

Было бы подозрительно не познакомить его со сводным братом. И Дэвис знал историю – *часть* истории – о том, как мы с мамой узнали про папину другую семью.

* * *

Я решила, что их первая встреча должна произойти в общественном месте; это всегда рекомендуют, если есть опасение, что возникнет конфликт. Не знаю, с чего я решила, что конфликт должен возникнуть. Весь конфликт был у меня в голове.

Мы отправились ужинать в старомодный итало-американский ресторан в Бруклине – Дэвис его любил, потому что там было аутентично. Там ничего не менялось со времен Христофора Колумба.

Крис привел подружку – высокую, светловолосую, как все женщины, с которыми он тогда встречался. Кажется, ее звали Челси. Эта девушка была моей полной противоположностью. Может, Крис хотел продемонстрировать мне, что покончил со мной. Но он был таким отстраненным и холодным с этой девочкой, что не обманул меня. Я знала, как Крис ведет себя, когда он на взводе. Когда ему *не все равно*. Я не ревновала ни единой секунды, хотя ему хотелось, чтобы я ревновала.

Дэвис был не из тех, кто способен вообразить, что его жена, женщина, которую он, по его мнению, знал и любил, сношается со своим сводным братом. И ничто в тот вечер не возбудило ничьих подозрений. Мы с Крисом наловчились шифроваться.

И все-таки Крис и Дэвис вступили в идиотский спор о – ну и ну! – о Фрэнке Ллойде Райте. Дэвис разливался насчет того, каким гением был Райт. Крис сказал:

– Конечно, гений. Но настоящий гений заботится о том, чтобы у его клиентов не протекала крыша. А Райт говорил им – поставьте под протечку ведро или передвиньте мебель.

Насчет этого я с Крисом была согласна. Представляю, на что похожа

жизнь в великолепном доме с протекающей крышей. Но брать сторону брата и противостоять своему мужу было бы неразумно.

Каким легким мог бы стать дружеский разговор на общую для них тему! Оба знали о Райте, у обоих были стойкие убеждения на его счет. Оба разбирались в архитектуре и строительстве, хоть и под разными углами.

Я поискала взглядом официанта. Еще вина! И где, черт возьми, наша паста?

Наконец Крис сказал:

– Что, если мы согласимся не соглашаться?

– Великолепно! – Я бросила благодарный взгляд на брата.

Позже, дома, Дэвис сказал:

– Если бы он не был твой брат, я сказал бы, что он просто засранец.

– Он мой брат, – ответила я. – Так что фильтруй базар.

Мы рассмеялись, и я подумала: я избежала аварии. На этот раз.

Однажды ночью, когда Дэвис был в Техасе, инспектировал место для будущего музея, за право проектировать который боролся его офис, явился Крис – без приглашения. Клянусь, я ему не звонила, так что это было что-то вроде шестого чувства: интуиция подсказала ему, что я одна.

Крис вошел в дом. Мы посмотрели друг на друга. Он обнял меня в знак приветствия. Объятие перешло в поцелуй. И снова все *началось*.

Моя интрижка с Крисом закончилась, когда мы с Дэвисом забеременели Майлзом, и мы снова взялись за старое лишь однажды (и ненадолго) после рождения Майлза. Я не хотела, чтобы моего драгоценного сына воспитывал участник инцестуозного адюльтера. Я.

* * *

Дэвис спросил меня о Крисе напрямую лишь однажды, незадолго до гибели. Это произошло после вечеринки с барбекю на заднем дворе, которую мы устроили для его сослуживцев.

Я спросила, могу ли я позвать Криса, чтобы и мне было с кем поговорить. Наши гости будут беседовать в основном о дизайне и обсуждать офисные сплетни, будут задавать вопросы, чтобы продемонстрировать: они признают, что это я приготовила картофельный салат и купила хот-доги. И родила ребенка босса. Не то чтобы кто-то из них действительно интересовался Майлзом или мной. Все вертелось вокруг Дэвиса: гений, звезда.

– Конечно, почему нет? Позови Криса, – согласился Дэвис.

Наверное, решил, что это лучше, чем выслушивать потом мои жалобы на то, что меня все игнорировали. Рискованно было звать Криса сюда. Но я уже давно его не видела и знала, что не заскучаю, если мы просто будем переглядываться через двор.

В первый же час вечеринки я заметила, что Дэвис смотрит на меня. Вероятно, он заметил, что я здесь лишь наполовину, а наполовину где-то еще – пока не появился Крис.

Я стояла у стола с угощением. Крис подошел ко мне сзади. Я обернулась – а он там. Моя радость видеть его была больше, чем сестринская. Все казалось таким очевидным. Я взглянула на Дэвиса и поняла, что он тоже это видел.

Тем вечером Дэвис сказал:

– Стефани, я хочу тебя кое о чем спросить. Может быть, это прозвучит очень странно, но... есть ли что-то... необычное в твоих отношениях с Крисом? Может, я параноик, но иногда у меня такое чувство, что вы, ребята, немного... слишком близки. Это сбивает меня с толку. У вас такая тесная связь, вы почти как любовники.

Я сидела перед зеркалом в спальне, причесывалась. Я сделала вид, что уронила что-то на пол, чтобы не встречаться с собой глазами.

– А я-то думала, что в нашем браке параноик я, – сказала я. – Потому что это смешно. Мы просто близки. Может быть, потому, что мы брат и сестра, которым не случилось провести детство вместе. Мы наверстываем упущенное время.

Дэвис знал, что я лгу. Он знал это, как люди знают и не знают что-то, чего *не хотят* знать о любимых. Но тем не менее он знал.

У нас было несколько обеденных тарелок – белые с зеленоватой каемкой, – которые Дэвис обожал. Он кропотливо отбирал их, одну за одной, из коробки с глиняной посудой в магазине на Нижнем Бродвее.

Той ночью, когда я отказалась признать, что мои отношения с Крисом выходят за рамки обычной семейной привязанности, Дэвис пошел на кухню. Я услышала, как что-то разбилось, потом еще раз. Прибежав на кухню, я обнаружила, что Дэвис швырнул несколько тарелок о стену.

– Что это значит? – спросила я.

– Не знаю, – ответил он. – Может быть, это я просто наверстываю упущенное время.

Это было на него не похоже. Больше в его характере было то, что он сделал потом: извинился и убрал осколки пылесосом.

Я думала, то, у меня есть Майлз, что у нас с Дэвисом есть Майлз, все изменит. Я думала, это заставит нас с Крисом образумиться. Но это только

увело нас еще глубже в подполье, где воздух был еще более спертым, душным и жарким.

* * *

В день, когда они погибли, стояла удушающая летняя жара. Я была на заднем дворе у бассейна, Майлз плескался в лягушатнике рядом со мной, а Дэвис сидел поодаль, под зонтиком. У него была светлая кожа, и он быстро обгорал в отличие от нас с братом.

Далеко за полдень я услышала, как перед домом останавливается фургон Криса. Я уставилась на Майлза, чтобы не посмотреть на Криса, – услышала, что он идет по дорожке. Я не могла взглянуть на Дэвиса. Он понял бы все по моему лицу.

Мы только торопливо обнялись и поцеловали друг друга. Дэвис не спускал с нас глаз.

Он знал. И я знала, что он знал.

Я закрыла глаза, чтобы мой муж не прочел в них вожеления. Вышла, чтобы принести Крису пива. Потом мы все втроем сели в кружок и стали смотреть на Майлза, который отправлял пластмассовую обезьяну в плавание на оранжевой пластмассовой лодке.

В день, когда они погибли, после спора, когда эти двое мужчин сели в машину, я, помню, думала: что дальше? Грузовик, ехавший прямо на них, и дерево, в которое они врезались, ответили на мой вопрос за меня.

Дэвиса похоронили в Нью-Гемпшире, на сельском кладбище недалеко от дома – родового гнезда. Я оставила Майлза с домработницей его бабушки, чтобы он не видел, как отца в саване опускают в землю. Я не знала, что Дэвис завещал устроить ему зеленое погребение и что он оставил все (включая будущий доход от своей дизайнерской продукции) мне.

На похоронах было много народу. Приехали все манхэттенские сослуживцы Дэвиса и кое-кто из клиентов, живших в домах, которые он проектировал или перестраивал: чужаки, которые работали с ним и привыкли им восхищаться. Плюс у Дэвиса оказалась куча родственников по всей Новой Англии: тетушки, дядюшки, кузены, которых я никогда не видела. Весь клан собрался для последнего “прости”, и некоторые видели меня в первый и последний раз.

На поминках мать Дэвиса подала холодные закуски и круг твердого сыра, от которого никто не смог отрубить ни кусочка. Крекеры и

морковные палочки. Кофе. Чай. Все. Я подумала: неужели есть в мире люди, которые не знают, что в день, подобный этому, человеку нужно выпить как *никогда*? Это многое объясняло в Дэвисе, но мне уже ни к чему было понимание того, как сформировала моего мужа среда, в которой он вырос. Поздно было думать об этом.

На следующий день я оставила Майлза с его бабушкой и улетела в Мэдисон, на похороны Криса. Я была ближайшая родственница. Никто не помог мне составить хоть какое-то представление, что мне следует делать, но я была в таком оцепенении, что делала все на автомате. Я предположила, что Крис (который не оставил завещания) хотел быть похороненным рядом с матерью. Чтобы вычислить ее могилу, понадобилось небольшое расследование, но это, слава богу, немного отвлекло меня от происходящего.

Похороны Криса радикально отличались от похорон Дэвиса. Никаких родственников, кроме меня. Ни теток, ни дядьев, ни кузенов. Зато у Криса оказалось множество друзей. Кое-кто из них запостил в фейсбуке некролог из мэдисонской газеты. Мне показалось, что на кладбище собралась добрая половина одноклассников Криса.

Они все любили его, и для всех (кроме одного парня по имени Фрэнк, который работал с Крисом на строительстве и напомнил мне его, немного) стало сюрпризом, что у Криса была сестра. Они считали его единственным ребенком, думали, что его мама была матерью-одиночкой. Которой она в каком-то смысле и была. Но они радовались знакомству со мной. Сожалели, что это происходит в таких грустных обстоятельствах. Соболезновали моей потере. Знали бы они, что я потеряла!

Там была одна женщина – бывшая подружка Криса, – которая все смотрела на меня не отрываясь, непонятным, до крайности странным образом. Удивительно, но она немного походила на меня. Типаж Криса.

Я была уверена, что бывшая подружка Криса что-то знает или подозревает... о... обо мне и моем брате. Но преступник всегда думает, что кто-то знает его секрет.

Никто из них, кажется, не знал, и я не видела причин говорить им, что мой муж погиб в той же аварии, что и Крис. Я сделала вид, что, когда машина врезалась в дерево, в ней был только Крис. Так казалось проще: меньше объяснений, меньше ненужной жалости. Жалости с меня было уже довольно.

После похорон мы отправились в местный бар. Каждый заплатил за выпивку по кругу и произнес слезливый тост в память о Крисе. Все напились до визга. Я приклеилась к приятелю Криса Фрэнку, меня

зацепили жесты и фразы, напомнившие мне о брате. В конце концов мы остались в баре одни.

В ту ночь я сделала то, за что мне глубоко стыдно. Я сказала Фрэнку, что слишком пьяна, чтобы сесть за руль и ехать в мотель, и это было правдой. Но я пригласила его к себе в номер, где, как я сказала, имелся мини-бар. Мы могли бы опрокинуть по стаканчику на ночь. Я знала, что это *неправда*. Мотель был слишком дешевым, чтобы предлагать мини-бары.

Едва за Фрэнком закрылась дверь, как я полезла целоваться. Фрэнк понимал, что я не в своем уме, – он был порядочный парень. Он все время повторял: “Ты уверена, что хочешь этого?” Думаю, он понимал, что это все по поводу Криса, а не по поводу секса – или по поводу него. Может быть, он чувствовал, что его в известном смысле используют – что, как мы думаем, происходит только с женщинами.

Мы улеглись на кровать. Фрэнк задрал на мне свитер, оттянул лифчик в сторону и занялся моими сосками.

– Прости, я на минутку, – сказала я. Пошла в ванную, и там меня дичайше вырвало.

Фрэнк не обиделся, он даже не расстроился. Мы оба горевали по Крису. Он дождался, пока я вернусь в постель, и укрыл одеялом. Дал мне номер своего мобильного и сказал, чтобы я звонила, если он мне понадобится. Или если я захочу позвонить. Мы оба знали, что я не позвоню никогда.

Я проснулась с раскалывающейся от боли головой и с глубочайшей ненавистью к себе, ненавистью гораздо более жгучей, чем головная боль. Перед похоронами Криса, как оказалось, я бессознательно сняла обручальное кольцо и сунула в кошелек.

Я сварила кофе в убогой кофеварке, имевшейся в номере; вода из-под крана отдавала хлоркой. Выпила обе чашки. Потом сварила декаф и тоже выпила. А потом меня снова вырвало.

Я вызвала такси и каким-то образом умудрилась отыскать бар, на парковке которого все еще стояла моя арендованная машина. Я села в нее и поехала в аэропорт Мэдисона.

Никогда я не была так уверена, что самолет потерпит крушение. Я точно знала, что никогда больше не увижу Майлза, и это будет мне наказанием за то, что я сделала прошлой ночью, – наказанием за то, что я делала все эти ночи и дни с Крисом. Я больше не знала, во что верю. Но в тот день я молилась, сидя во взлетающем самолете.

Пожалуйста, пусть я останусь жива, чтобы видеть сына и чтобы

никогда больше не делать ничего подобного. Я буду существовать только ради Майлза. Я зарекусь иметь дело с мужчинами. Я никогда больше не пойду на рискованный недолжный секс с неправильными людьми. Единственное счастье, которое будет иметь для меня значение, – это счастье Майлза. Я брошу все остальное. Только дай мне добраться до дома.

Я захватила Майлза из дома его бабушки в Нью-Гемпшире. Он заверещал от радости, увидев меня, а я обняла его так крепко, что он взвизгнул. Все дорогу до нашего дома в Коннектикуте он не спал в своем кресле; оперируя несколькими известными ему словами, он пытался рассказать мне (я думаю), что бабушка водила его посмотреть на пони.

Я была так рада остаться живой, что лишь войдя в свой дом, вспомнила: Криса и Дэвида больше нет.

* * *

Я сдержала свое обещание. Никаких мужчин. Никаких опасных связей. Все ради Майлза.

До тех пор, пока не пропала Эмили и в моей жизни не появился Шон.

Может быть, потеря выбила меня из колеи. Может, горе выпустило на свободу демонов, которые иначе так и сидели бы глубоко внутри меня.

Мамы, привет!

Я уверена: вы считаете меня худшим в мире блогером, ведь я так долго ничего не писала. Но я вернулась, и мне есть что рассказать. После моего последнего поста столько всего случилось!

Я всегда считала, что лучше быть честной и открытой, хотя здесь, в сообществе, наверняка есть мамы, которые вряд ли хорошо воспримут то, о чем я собираюсь рассказать. Прошу вас, смягчитесь и посмотрите на вещи шире, услышьте меня. Попробуйте понять, прежде чем осудить.

Мы с Шоном теперь живем вместе. Неужели есть что-то неправильное в том, что доброта и партнерство обернулись любовью? И как мы знаем, сердце хочет того, чего хочет сердце.

Ничто не вернет Эмили. Ничто не восполнит потерю – мою, Шона и Ники. Но мы помогаем друг другу стать другими, лучшими людьми. Мы с Шоном и мальчиками можем стать семьей. Мальчики могут стать братьями. Никто из нас не хочет покидать свой дом и оставшиеся в нем воспоминания, так что мы решили жить на два дома. До школы ближе от моего, так что чаще всего я отвожу мальчиков в школу и забираю их оттуда.

У мальчиков есть свои комнаты в обоих домах. Они могут приносить и уносить, что захотят, у них по две зубные щетки, по два набора носков и всего прочего. Я знаю, кажется излишеством иметь два дома, когда у столько людей в мире нет ни одного. Но что-либо еще означало бы принятие решения, которое мы не можем принять прямо сейчас. Хотя до некоторой степени я хочу. Мы хотим.

Иногда мы с Шоном проводим ночи порознь. Иногда в одиночестве, иногда с обоими ребятами, иногда только со своим собственным сыном. Я не была уверена, что мне понравится так жить, но мне понравилось. Мне нравится быть с Шоном – и нравится быть только с Майлзом.

Это необычное устройство жизни, но сейчас оно кажется правильным. Мы изо всех сил стараемся, чтобы у двух маленьких мальчиков было самое лучшее детство. Самое лучшее в обстоятельствах, которые они никогда бы не выбрали сами. Мальчикам не пришлось оставлять свой дом, они не потеряли возможность проводить время только со своим родителем.

Психотерапевт очень помог Ники. Хотя малыш грустит, для чего у него есть все основания.

Дорогие мамы, если вы можете поделиться историей или советом, как говорить с детьми о смерти, – пожалуйста, оставьте комментарий к этому посту.

Забросив мальчиков в школу, я везу Шона на электричку. Он вернулся в офис на полный рабочий день, и это прекрасно, особенно для Шона, хотя Ники сначала плакал, когда возвращался домой – а папы нет. Компания пообещала Шону снова отправлять его в командировки, а Шон пообещал мне, что мне не придется часто оставаться одной с Майлзом и Ники.

Когда Шон уезжает, я проверяю дом на предмет минисаботажа, который мог устроить Ники. Игрушечная пожарная машина заброшена в туалет. Пульт от телевизора – на дне коробки с игрушками.

От мрачных взглядов, которые иногда бросает на меня Ники, кровь стынет в жилах. К тому же у него начались капризы, напоминающие обсессивно-компульсивное расстройство. Он хочет есть только определенными вилками, иначе будет рыдать часами. Или он хочет только редиску. Или домашнюю картошку фри. Ники успевает помучиться от голода, прежде чем согласится съесть что-нибудь другое. Он считает ступеньки вверх до своей комнаты и шаги от входной двери до машины Шона. Его психотерапевт предположил, что пока стоит повременить с лекарствами (Шон спрашивал). Надо, чтобы у Ники сохранялась возможность пройти стадии горевания.

Я рада, что Ники посещает врача, но мы и без специалиста помним, что у бедного мальчика умерла мать. Я трачу свое драгоценное свободное время, ища сайты, на которых учат быть мачехой недавно осиротевшего пятилетки.

Я все время думаю: вот Эмили знала бы, что делать. Но я даже не могу обсудить это с Шоном, боясь причинить ему боль. Шону не обязательно знать о враждебных выходках его сына. Я

оберегаю его. Это неправильно?

Вот почему я обращаюсь к вам, дорогие мамы: кто-нибудь из вас попадал в подобную ситуацию? Что вы узнали, что вам помогло? Можете порекомендовать книгу об этом? Буду благодарна за совет в любой форме.

Заранее спасибо, дорогие мамы.

С любовью,

Стефани

Живя в семье, легко перестаешь замечать какие-то вещи. Прекращаешь обращать внимание. Это один из способов понять, что живешь в семье. Мы многое воспринимаем как само собой разумеющееся. Кто-то называет это толерантностью, или ленью, или отрицанием. Я называю это – пережить день.

Вскоре я привыкла к тому, каким вредным может быть мой (неофициальный) пасынок. Его скверное поведение было направлено в основном против меня. С Майлзом он всегда оставался дружелюбным. Они любили друг друга так же, как раньше. Как братья. Если бы их дружба начала разваливаться, я бы не затягивая привлекла к этому внимание Шона.

Шон наверстывал упущенное на работе и редко бывал дома. Пока он оставил Ники на меня. А когда Шон приезжал, Ники не собирался тратить свое недолгое время с папой на демонстрацию того, как он зол и несчастен.

Иметь дело с его капризами приходилось мне, и я с радостью несла это бремя. Ради Шона, ради Эмили, ради Ники. Но меня не покидало ощущение, что что-то должно случиться, что-то ужасное разнесет в прах спокойствие. Надвигается опасный, непредсказуемый шторм.

* * *

Когда люди заговаривали о собаках и о том, какие они умные, мой брат Крис обычно рассказывал, как он, гостя у приятеля на Юго-Западе, предпринял вылазку в пустыню – со своими собаками. Собаки лаяли, птицы производили звуки, какие положено птицам, дул ветерок, и вдруг ни с того ни с сего все прекратилось. Собаки и птицы замолчали. Даже ветер утих.

Крис взглянул на землю. Меньше, чем в двадцати футах от него, шипела, свернувшись, гремучая змея. Я помню его слова о том, что тишина тоже может предупреждать об опасности, громче, чем сирена.

Я нашла историю убедительной и захватывающей. Крис рассказал ее, когда мы были с Дэвисом. Дэвис взглянул на него с такой ненавистью и презрением, что на долю секунды я поверила, будто Дэвис знает про меня с Крисом.

Все это отступление к тому, что я привыкла к мелким выпадам Ники и никогда не теряла ни симпатии к нему, ни терпения. А когда он *прекратил* свои акции – вот тогда я испугалась.

* * *

Однажды Ники вернулся из школы лучшим маленьким мальчиком в мире. До этого он едва говорил со мной и отказывался отвечать, когда я спрашивала, что он делал в школе. Но в тот день он спросил меня, как прошел *мой* день и что я делала.

Ребенок спрашивает взрослую тетю, что *она* делала сегодня? *Так бывает?* Я не стала рассказывать ему, как потратила несколько часов, нашаривая в интернете советы, что делать с *ним*. Ответила, что просто убиралась дома, и это было правдой.

За ужином Ники сказал, что съест все, что я приготовила – даже вегетарианское. Он совершенно не походил на сердитое дитя, сидевшее предо мной еще вчера. О счастье! Время проявило свою целительную силу. Мы понемногу, шажками, на цыпочках выбираемся из тьмы на свет.

И все же... все же... Мне стало неуютно. Что-то было не так. Не знаю, откуда взялось это чувство, но оно было. Мамская интуиция.

Как будто мир погрузился в тишину, и я слышала шипение гремучей змеи.

* * *

Мальчики прятались. Я это знала. Я слышала, как они перешептываются, как злые дети – заговорщики из фильма ужасов.

Чего они не говорили мне? Почему Ники внезапно стал таким задумчивым? Когда они играли, а я входила в комнату, мальчики смотрели на меня так, словно я прервала тайный разговор.

Однажды ночью, когда мальчики остались у меня – Шон задержался на работе допоздна, – Ники прокрался в гостиную и заявил, что не может уснуть. Я не почитаю ему? Я отвела его в гостевую комнату, которую превратила в его спальню. Я читала ему одну книжку за другой, столько, сколько он хотел. Наконец он сказал, что устал, хотя дети редко это говорят. Я выключила свет и подоткнула ему одеяло. Погладила его гладкий, слегка влажный лоб.

Многие (в том числе дети) в темноте расскажут вам то, чего никогда не скажут при свете. Я спросила:

– Как в школе? Было что-нибудь смешное или особенное? А может, тебя что-то расстроило?

Ники молчал так долго, что я подумала – не спит ли он. Потом он сказал:

– Я... сегодня видел маму.

Я покрылась гусиной кожей. Психотерапевт Ники нас предупреждал. Сколько трудностей бывает у детей, если тот, кого они любили, умер. И вот мне пришлось столкнуться с этим, и нет рядом Шона, чтобы мне помочь. Мне предстояло рассказать страдающему ребенку, что, как бы он ни хотел увидеть маму, он не мог ее увидеть. Она ушла. Ушла навсегда.

Я сделала глубокий вдох.

– Я уверена – ты думал, что видишь ее, солнышко... Мы часто думаем, что видим людей, которых любили, хотя на самом деле...

– Я *видел* ее, – перебил Ники. – Я видел маму.

Очень важно было, чтобы он продолжал говорить, следовало ободрить его, чтобы он мне доверился. Объяснить ему: он так отчаянно хочет, чтобы нечто оказалось правдой, что убедил себя, будто это *правда*.

– Где? – спросила я его. – Где ты видел маму?

– Она была прямо за оградой, когда мы вышли во двор на перемену. Нас сегодня выпустили поиграть на улицу, потому что было тепло. Я хотел побежать к ней. Но перемена почти кончилась, и нам уже кричали быстрее возвращаться в школу.

– Ты уверен, что это была твоя мама? Многие люди выглядят как те, кем они...

– Уверен, – сказал Ники. – Я видел по губам, как она говорит: “Увидимся завтра. Передай привет Стефани”.

– Она так сказала? “Передай привет Стефани”?

– Ага. Я видел ее там раньше... пару дней назад... когда нас тоже выпускали играть на улице. Я сказал Майлзу. Он решил, что я все сочинил. Я заставил его дать честное слово, что он никому не скажет.

Ники верил каждому своему слову.

Мне было нелегко разобраться в своих сложных чувствах. По большей части – грусть. Я горевала вместе с Ники. Но я испытывала разочарование. Ники не сделал никакого прогресса в принятии потери – постоянной потери – своей мамы. Я не могла заставить себя сказать ему, что ему привиделось, попытаться объяснить (пятилетке!), как галлюцинации являются нам, когда мы очень хотим что-то увидеть. В любом случае, это

дело Шона. Он отец.

Я поцеловала Ники в лоб и задернула шторы.

Когда Шон вернулся, я налила ему стаканчик скотча. Двойного. Села на диван, прижалась к Шону и сказала:

– Сегодня вечером меня кое-что огорчило. Когда я укладывала Ники, он сказал, что видел Эмили возле школьного двора.

Шон выпрямился. Уставился на меня. В его глазах я прочитала борьбу эмоций: потрясение, неверие, надежду, страх, облегчение. Он сказал:

– Это действительно огорчает. Для него тут нет ничего хорошего. Это нездорово. Он был со мной, когда мы развеивали прах Эмили. И что теперь? Рассказать ему про ДНК? Объяснить, что папа отправил в полицию мамину зубную щетку и коронер обнаружил полное совпадение?

Я никогда не слышала, чтобы у него был такой беззащитный голос, чтобы Шон настолько не контролировал себя.

– Хватит, – попросила я. – Это невыносимо. Довольно.

– Бедный мой мальчик, – сказал Шон. – Мой бедный сынок.

Я выключила свет, и мы посидели в темноте. Я обняла Шона, и он склонил голову мне на плечо. Наконец Шон сказал:

– Давай погодим разбивать ему сердце снова. Если он хочет пожить в своих фантазиях еще день, не будем расталкивать его.

На следующий вечер, когда пришла пора ложиться спать, Ники сказал:

– Сегодня я опять видел маму.

Он сказал это очень просто и спокойно. Словно констатировал факт.

На этот раз я объяснила Ники, что у людей бывают такие особые фантазии, что они видят людей, которых здесь нет – или не будет. Я сказала:

– Они кажутся реальными, разговаривают с нами, как будто они действительно рядом. Но они не настоящие. Они у нас в голове. Они фантазия. И когда мы просыпаемся, нам всегда бывает грустно, мы тоскуем по ним больше, чем всегда. Но мы понимаем, что они все-таки с нами, даже если только в наших мечтах.

– Нет, ты ошибаешься, – сказал Ники. – Моя мама была там. Я видел ее. Я побежал к ней. Подошел поближе. Между нами был этот дурацкий забор. Она дотронулась до меня через ограду. Потрогала волосы и лицо. Потом сказала, чтобы я бежал назад, к остальным. И...

– И что?

Мне показалось, что мой голос прозвучал странно. Встревоженно, напряженно... и напуганно. Но чего мне бояться, в самом деле?

– И сказала, что никогда больше меня не оставит. Сказала, чтобы я

передал это тебе и папе.

Я наклонилась, чтобы поцеловать Ники в лоб.

Что-то знакомое. Я не сразу поняла, что это. Не сразу определила воспоминание, которое уже начало улетучиваться.

Я потерлась носом о кожу и волосы Ники. И уловила запах духов Эмили.

* * *

Шон провел эту ночь дома, за работой. Предполагалось, что мальчики переночуют у меня, но я позвонила и сказала, что хочу приехать. Шон по моему голосу понял, что дело срочное. Не спрашивая, что стряслось, он велел положить мальчиков в машину и отправить ему сообщение, когда я буду возле дома. Я перенесла мальчиков, как они были, в пижамах, в свою машину, а Шон вышел и помог мне отнести мальчиков в их комнаты.

Я сказала Шону, что учуяла от Ники духи Эмили и что на этот раз Ники настаивал, что видел маму. Что она прикасалась к нему.

Шон словно потерял терпение. Он помрачнел и грубо, отрывисто, даже зло сказал:

– Стефани, прошу тебя, хватит этой галиматьи из “Сумерек”.

До сих пор он никогда не говорил со мной так, и мне в первый раз пришло в голову, что тут Эмили победила. До сего дня я даже не догадывалась, как обстоят дела. А они обстояли именно так. Шон всегда будет любить Эмили – любить ее память – больше, чем он любил меня. Как и Ники, Шон никогда не справится с тем, что потерял ее. Он сказал:

– Стефани, ты с катушек слетела. Эмили умерла. Никто из нас не хочет, чтобы это было правдой, но это правда. Этого не должно было случиться. Но это случилось.

У меня в голове колыхнулось слабое воспоминание – он уже говорил это “этого не должно было случиться”. И снова я спросила себя: а что *должно было* случиться? Шон сказал:

– Надо помочь Ники принять то, что произошло, а не потворствовать его болезненным деструктивным фантазиям.

Я знала, что он прав. Но запах духов Эмили лишил меня спокойствия. Может, это я желала думать, хотела верить, что она все еще жива. Хотя я осознавала, что, если она жива, мне придется серьезно объясниться с ней. Я сказала себе: соберись. Мы все горюем, а горе заставляет людей воображать и делать безумные вещи...

Шон глубоко вздохнул. Потом поднялся, взял меня за руку и повел вверх по лестнице в ванную на втором этаже, где, в бельеовом шкафу, на самой верхней полке хранился распылитель с флакона духов Эмили.

Шон пшикнул в воздух.

Мне стало жутко. Сирень и лилии. Итальянские монахини. Запах вернул к нам Эмили – на миг. Эмили была здесь, в этой ванной, с нами. Шон сказал:

– Я храню флакон здесь. Ники каким-то образом нашел его. Взял лестницу, подтащил к полке, дотянулся до флакона и брызнул себе на волосы. Бедняга. Думаю, он почувствовал себя ближе к маме.

Какая-то часть меня знала, что это бессмыслица. Ники не был дома два дня, а духами Эмили от его волос пахло только сегодня вечером. Но мне требовалось логическое объяснение. Я хотела верить Шону. К тому же другого объяснения *не было*. Я видела протокол вскрытия и урну с прахом моей подруги.

В облаке духов Эмили, в сладком аромате сирени и лилий, густо висящем в воздухе, мы с Шоном занялись любовью. стыдно сказать, как мы оба были возбуждены. Но может быть, это не так уж удивительно. Может быть, мы просто пытались доказать что-то себе и друг другу.

Наша дорогая Эмили мертва.

Но мы-то живы.

Однажды вечером мы с Майлзом ужинали у нас дома: паста с соусом из свежих помидоров – вкуснейшее вегетарианское блюдо, которое мы ели, когда бывали только вдвоем. Это было расслабление, в известном смысле. Расслабление и удовольствие.

Я ощущала умиротворение, так что была вдвойне потрясена, когда Майлз объявил:

– Знаешь чего, мам? Я сегодня видел маму Ники. Она шла в лесок за школой, когда мы бегали на улице на перемене. Как будто она ждала, когда мы выйдем. А потом убежала, потому что не хотела, чтобы кто-нибудь видел ее. Она быстро шла. Но это была она.

Такое бывает – сердце перестает биться, а остальная ты продолжаешь жить? Наверное, бывает. У меня остановилось сердце.

– Ты уверен?

– Да, мам.

– Точно-точно? – спросила я, стараясь сохранять спокойствие.

– Точно-точно, – сказал Майлз.

Когда-то мы с ним часто читали одну книжку. Одна из моих подписчиц рекомендовала ее, когда Майлз постоянно прятался. И бессознательно

пугал меня.

Книжка называлась “Где крольчонок Банни?”. Крольчонок все время прячется от мамы и пугает ее, хотя малыши могут отыскать его на иллюстрациях. А мама-крольчиха очень беспокоится, потому что ей в голову не приходит, где он. Ну а в конце крольчонок обещает, что никогда больше не станет прятаться.

– Клянись своим розовым носиком? – спросила его мама.

– Да, – сказал Крольчонок Банни.

– Клянись своими милыми пальчиками?

– Да, – сказал Крольчонок Банни, и он никогда больше не прятался от мамы.

Это стало игрой, в которую мы с Майлзом играли, когда я хотела, чтобы он мне что-нибудь пообещал. И теперь я спросила его:

– Это правда была Эмили? Клянись своим розовым носиком?

– Да, – сказал мой сын.

– Клянись каждым своим чудным пальчиком?

– Это была она. Честное слово, – заверил меня Майлз.

22

Блог Стефани

Еще одна простая услуга

Мамы, привет!

Это будет короткий пост. Может ли кто-нибудь из вас напомнить мне название французского фильма – я его смотрела, когда училась в колледже, – про садиста, школьного директора и его сексапильную любовницу (Симона Синьоре), которые сговорились напугать до смерти его богатую болезненную жену. Заставили ее думать, будто она убила его, а потом изобразили, что он восстал из мертвых.

Мне не верится, что я выдумала эту историю. Прошу вас, дайте мне знать.

Спасибо!

С любовью,

Стефани

“Дьяволицы”!

Спасибо, дорогие мамы, за ответ, который пришел буквально через несколько секунд! Вы просто невероятно внимательны! К тому же это доказывает, что мамы читают мой блог прямо сейчас, и если мне понадобится помощь – просто подстегнуть память, как в этом случае, – она придет без промедления, в ту же секунду.

“Дьяволицы”.

Я нашла и начала смотреть фильм через несколько минут после того, как задала вопрос.

Как же это прекрасно! Тебе что-то нужно, но ты не знаешь точно, что именно, ты формулируешь это и выкладываешь сюда, в киберпространство. И получаешь искомое.

Вот если бы реальная жизнь была похожа на этот блог.

Я еще не решила, рекомендовать ли этот фильм вам, дорогие мамы. Мама, которая прислала мне название фильма, написала, что запомнила название потому, что фильма страшнее она не видела ни разу в жизни. Она *никогда* не будет пересматривать его и настоятельно рекомендует мне не делать так, чтобы другие мамы жили, подобно ей, с воспоминанием об этом фильме.

Если мы из тех людей, которые считают романы Патриции Хайсмит (я еще только пишу это имя – и уже тоскую по Эмили) отвратительными, этот фильм может быть не для нас. Но он завладел моим вниманием из-за хитро закрученного сюжета и из-за Симоны Синьоре, потрясающей в роли сексуальной школьной учительницы, плохой девочки, любовницы.

Фильм начинается с эпизода в школе: множество неуклюжих французских мальчиков в коротких штанишках с воплями носятся по двору. Директор школы помешан на том, чтобы все контролировать. Его все боятся, он пакостит всем просто потому, что может это делать.

Симона Синьоре носит темные очки, чтобы скрыть синяки,

полученные от директора, ее жестокого любовника. Он жесток и к своей жене, но уже психологически, потому что на ее деньги содержится школа. У жены большое сердце, так что мужик делает ее настолько несчастной, что ей кажется – она умрет от страдания и унижений.

Фильмы вроде этого всегда заставляют меня понять, насколько, несмотря на мои ошибки и разные плохие поступки, я удачно выбирала мужчин. Потому что (сколько мам прошли через это!) так легко оказаться вовлеченной в связь с человеком, который кажется приятным парнем. Ты рожаешь от него ребенка. А однажды приятный парень превращается...

И жена, и любовница настолько ненавидят директора, что решают убить его. Они угощают его виски с наркотиком. Потом кладут труп в корзину и топят в школьном бассейне.

План состоит в том, чтобы все выглядело как несчастный случай. План не срабатывает, но, как оказывается, это неважно. Когда из бассейна спускают воду, тела там не оказывается.

Все, больше спойлерить не буду, дорогие мамы. Если вы решите посмотреть фильм... Я вам этого не советую.

Я просто скажу, что мертвец то и дело показывается в неожиданных и наводящих ужас местах – не как в слэшерах (когда телефонный звонок сделан откуда-то из дома!) или всякой чернухе; это что-то более мрачное и порочное.

Эта история все время поворачивается разными сторонами. Лица людей на поверку оказываются масками. Ничто не обстоит так, как вам кажется.

На этом я остановилась. Концовка меня поразила. Я несколько часов не могла отойти от нее.

Смотрите этот фильм или не смотрите. Выбор за вами, храбрые умные мамы.

Люблю вас всем сердцем – и, как всегда, благодарю.

Стефани

Я только что – снова – написала в блоге то, чего не было. От этого фильма я чуть с ума не сошла. Даже при том, что он безумно напугал меня, я в глубине души задавалась вопросом: а вдруг кто-то лжет? Нарочно морочит мне голову? Что, если Эмили жива? Что, если Эмили и Шон сговорились провести меня через это? Но зачем? Что я им сделала? Это вгоняло меня в черную тоску.

Я смотрела этот фильм у себя дома – тайком, чувствуя вину, словно смотрю порнуху. Как только он кончился, мне захотелось оказаться дома у Шона. Захотелось услышать от него, что я просто становлюсь параноиком. Мне хотелось поверить ему.

Имело смысл разбудить мальчиков и поехать к Шону. Майлз и Ники снова уснули по дороге.

Стол в столовой Шона был завален бумагами. Шон работал. Мы уложили мальчиков спать. Шон налил мне стаканчик бренди. В камине гудел огонь. На диване было удобно и тепло. Я сказала:

– Если ли возможность того – хотя бы самая малая, – что Эмили может быть жива?

– Нет, – ответил Шон. – Ни единой.

– Майлз видел ее. У Майлза очень хорошее зрение. Он мой сын. Я верю ему.

– Дети все время видят то, чего на самом деле нет, – заметил Шон.

– Только не Майлз. Майлз знает, что есть на самом деле, а чего нет.

Сначала вид у Шона стал раздраженный, потом встревоженный, потом испуганный, потом... Понятия не имею, что он чувствовал. Выражение его лица менялось, как в замедленной съемке. Он поднялся и вышел из комнаты. Долго не возвращался. Я сидела, сбита с толку и встревоженная. Должна ли я пойти за ним? Забрать Майлза и уехать домой? Подождать?

Я стала ждать. Это было проще всего.

Наконец Шон вернулся. Снова сел на диван, обнял меня и сказал:

– Прости меня, Стефани. Прости.

– За что? – спросила я.

– За то, что не понимал, как тяжело это для тебя. Все это время я думал, что страдаем только мы с Ники. Но тебе тоже больно.

– Мне так ее не хватает! – Я заплакала.

– Нам всем ее не хватает, – сказал Шон и добавил: – Переезжай ко мне. Давай попробуем. Эмили больше нет. Она умерла.

Я заплакала еще горше. У Шона тоже текли слезы.

– Ники хочется, чтобы мама была жива. Хочется сильно, он убедил себя, что она жива. И каким-то образом убедил Майлза, что тот видел ее. Но ее больше нет. И она хотела бы, чтобы у Ники была мама, а у нас – надежный дом. Приходи жить здесь. Постоянно. Пожалуйста.

– Хорошо, – сказала я.

В этот миг я почувствовала, как страхи и сомнения последних дней исчезают, словно болезнь, от которой я внезапно, чудесным образом исцелилась. Шон сказал:

– Мы можем держаться вместе, защищать друг друга от призраков и всего, что вообразят дети. Сплотимся и встанем на защиту как один, как говорите вы, американцы. – И он улыбнулся сквозь слезы.

* * *

Майлз в восторге. Ему нравится дом Ники. Ему здесь удобно. Телевизор больше нашего. Я не скучаю по тем ночам, которые мы с Шоном и мальчиками проводили каждый у себя. Я не скучаю по своему дому. По-настоящему – нет. Иногда – да. В основном мне нравится быть здесь, с мальчиками и Шоном.

Каждый проведенный здесь день означает, что Эмили все дальше от нас. Так долго я хотела, чтобы она была рядом – а теперь хочу, чтобы она ушла. Хочу быть единственной любовью Шона и, в конечном итоге, единственной любовью Ники. Мне приходится быть терпеливой.

Есть столько всего, о чем я не могу писать в блоге! Когда я не пишу, у меня остается больше времени подумать, задать себе вопросы о своей подруге.

Как можно думать, что знаешь кого-то – и знать так мало? Как могла Эмили оказаться человеком, который бросит своего ребенка и уедет на Мичиган, чтобы пьянствовать и принимать наркотики? Я знала совсем не ту подругу.

Я помешалась на том, что осталось от Эмили в этом доме. После тяжелого разговора я убедила Шона отдать кое-какие вещи Эмили на хранение. Вызвалась найти место и устроить перевозку.

Я подумала, не спросить ли у мам о лучшем складском помещении на границе Нью-Йорка и Коннектикута. Но побоялась, что они легко поймут:

я пытаюсь избавиться от одежды и вещей Эмили. Мы должны были это сделать, чтобы освободить пространство для меня и Майлза, чтобы почувствовать, что мы действительно живем здесь. Шон согласился.

Мы договорились, что Шон будет работать с грузчиками в субботу днем. Я уведу мальчиков в кино, а он скажет бригаде, что мы хотим отправить на склад, а что – оставить.

Мне было интересно, что останется. Что Шону будет невыносимо отослать из дома.

До сих пор, когда бы я ни оставалась у Шона, я уважала и чттила все, что относилось лично к Эмили. Как-то неправильно было бы рыться в ее ящиках и шкафах. (Шон заботливо освободил гардероб и шкаф для меня.) Но теперь, живя здесь, я начала чувствовать себя свободнее.

Если я находила какую-нибудь интересную вещь Эмили или мне казалось, что вещь может дать мне какую-то информацию, я изучала ее, чтобы понять, кем действительно была Эмили и почему она сделала то, что сделала.

* * *

Примерно в это же время я прекратила писать в блог. Сделала сообщение, что уезжаю и скоро вернусь.

Слишком тяжело было писать о моей жизни с хоть каким-то подобием честности. Я могла бы писать о том, что ест Майлз, и о том, как я помогаю ему вырасти хорошим человеком. Могла бы писать о том, как формируется смешанная семья, и о том, как мы лавируем вокруг огромной дыры в наших жизнях.

Мамы не дуры. Они услышат пустоту, они вычислят, что мои интересы теперь лежат где-то еще. Может быть, у них возникнет чувство, что я попала в мрачноватое место, откуда вот-вот захочу выбраться.

Я помешалась на желании выяснить об Эмили как можно больше.

Что, если Майлз и Ники говорили правду? Что, если она *была* там? Живая? Что, если они с Шоном составили заговор против меня? Было ли дело в деньгах за страховку? Мне начало казаться, что с помощью ушлых юристов из его фирмы Шону удастся представить смерть Эмили как несчастный случай, так что два миллиона будут его – минус гонорар юристов.

Когда мальчики были в школе, а Шон – в городе, я начинала игру “Разгадай один секрет Эмили в день”. Следовало найти один объект,

который может послужить ключиком к тому, что случилось на самом деле. Потом я заставляла себя остановиться.

Первым делом я поискала в аптечке. Не слишком изобретательно! Я нашла полный пузырек ксанакса по 10 мг. Выписан Эмили манхэттенским врачом. Почему она не взяла его с собой? Если бы я собиралась бросить мужа и подкинуть своего ребенка лучшей подруге, чтобы устроить себе нарковыводные – алкоголь, таблетки и поплавать, – таблетки были бы именно тем, что мне нужно.

Хотя, возможно, у нее был такой запас таблеток, что эти ей просто не потребовались.

Я не могла припомнить то место из полицейского отчета, где говорилось о находках, сделанных в домике. Были ли там пузырьки из-под таблеток, бутылки из-под спиртного?

На второй день в шкафу в прихожей я нашла пурпурный кошелек аллигаторовой кожи, с логотипом Денниса Найлона. Кошелек был набит чеками, некрупными купюрами – немного евро, но в основном песо, рубли и динары, все яркие, с цветами и лицами национальных героев. Сувениры из поездок. Для Денниса Найлона. Я представила себе вечеринку у бассейна, со множеством местных мальчиков, топ-моделей и наркотиков.

В то же время Эмили писала пресс-релизы и проверяла информацию. Моя подруга была не свихнувшимся от наркотиков черт знает чем, а ответственной матерью и любящей женой, и занимала серьезную должность. А может быть, она была всем этим. Эта личность была воспоминаниями Эмили. Ее дневником путешествий.

Может быть, тут крылось преступление. Может, какие-то русские братки двинулись в модную индустрию, а Эмили встала у них на пути. Мое воображение вырвалось из-под контроля. Я велела себе расслабиться.

Я нашла коробку с фотографиями Эмили. Казалось странным, что там нет снимков из ее детства или из жизни до брака с Шоном. Неужели Шон избавился от этих снимков? Или было что-то в ее прошлом, что она хотела стереть? Шон говорил, что она отдалилась от своих родителей, но о причинах этого не слишком распространялась. Странно ли, что Шон не знал о родителях жены? Я много рассказывала Дэвису о себе. О своих родителях. Но кое о чем крупном я не рассказывала: о своих отношениях с Крисом.

На фотографиях из коробки были только Эмили и Ники. Я запомнила. Шон отдал фотографии Эмили в полицию, и мы их пока не получили назад. Я помогала ему убрать Ники с фотографий, чтобы лицо нашего мальчика не оказалось во всех газетах или в интернете.

В заднем шкафу, там, где каминная труба шла через чердак, я нашла бледно-голубое платье на вешалке и пару стильных бледно-голубых босоножек на высоком каблуке, аккуратно поставленных под платье.

Платье колыхнулось, когда я открыла дверь, как человек, который спрятался в темноте и ждет, когда можно будет выскочить и напугать меня. Буу! Я *и правда* испугалась – сначала.

Было ли это свадебное платье Эмили? Я не могла спросить. Я не хотела, чтобы Шон знал, что я рылась в шкафах на чердаке. Он говорил мне, что хочет, чтобы я чувствовала себя в этом доме как в своем собственном. Но вряд ли он имел в виду *такую* свободу.

Скользким движением я сняла платье с вешалки и отнесла вместе с босоножками в нашу спальню. Я надела одежду Эмили. Платье было тесновато, босоножки немного жали, но я ослабила ремешки. Я чувствовала себя Золушкиной сестрой, которая пытается втиснуть ногу в хрустальную туфельку.

Я посмотрела в зеркало. Я чувствовала себя грешницей. Я ощутила печаль.

Я делала вид, что я – Эмили. Я легла на нашу кровать, свесив ноги, чтобы смотреть на себя в зеркало. Задрала тончайшее бледно-голубое платье и начала мастурбировать. Я делала вид, что я Эмили, и Шон смотрит на меня.

Я кончила через минуту. И громко рассмеялась. Меня уже не удивляло, что я оказалась извращенкой. Может, я еще и лесбиянка? Мне не хотелось заниматься сексом с Эмили. Мне просто нравилось притворяться ею. Я снова отнесла ее платье и туфли на чердак, в шкаф, где их обнаружила.

* * *

В гостевой комнате стоял туалетный столик ар-деко с круглым зеркалом – из тех вещей, которым невозможно противиться на аукционе, а уже дома недоумеваешь: с чего тебе вдруг понадобился туалетный столик, за который присаживалась попудрить носик кинозвезда тридцатых годов?

В одном из ящичков я нашла конверт из грубой коричневой бумаги, полный именинных открыток. Они так и остались в конвертах, адресованные Эмили Нельсон (Эмили не взяла фамилию Шона), на адреса, где она когда-то жила в разное время. Общежитие колледжа в Сиракьюз. Ее первая квартира в Элфэбет-Сити на Манхэттене. Можно было проследить передвижения Эмили до самой “Деннис Найлон Инкорпорейтед”, причем

адреса становились все более фешенебельными. Потом открытки добрались до Восточной 86-й улицы – там Эмили с Шоном жили после рождения Ники. Но когда она жила в Тусоне? Эмили никогда не рассказывала мне об этом. Или, может быть, она просто приезжала на день рождения, и открытка от матери застала ее там.

Открытки были самые обычные. Цветы. Шарик. С днем рождения мою дорогую дочку. С днем рождения, дорогая дочка.

Ничего более личного, ни приписок, ни ласковых слов. Ничего, кроме обращения “Эмили” и подписи “С любовью от мамы”. Почерк – надписи всегда коричневыми чернилами и настоящим вечным пером – принадлежал другой эпохе, когда девочек оценивали по тому, как они пишут. Почерк был главным: паутинообразный, но все еще уверенный.

В верхнем левом углу каждого конверта тем же почерком значилось: “Доктор и миссис Уэнделл Нельсон”. И адрес – Блуменфилд-Хиллс, Мичиган.

Адрес родителей Эмили.

Я забрала конверт и сунула в свой туалетный столик. Я чувствовала, как важно иметь адреса, хотя не смогла бы объяснить зачем. Если кто-нибудь мог бы помочь мне разгадать загадку, кем была моя подруга, то это ее мать. Я знала, что она страдает деменцией, но помнила про ее хорошие дни. Может, удастся навестить ее в один из этих дней. У меня никогда не хватило бы духу – или времени, или свободы! – отправиться на встречу с ней. Но мне нравилось, что у меня есть ее адрес.

* * *

Обнаружилось еще кое-что. Кое-что важное. И совершенно случайно.

Однажды после обеда Шон позвонил с работы и попросил меня найти в верхнем ящике его стола бумажку, на которой он нацарапал контакты какого-то клиента. Сначала он забыл взять телефон на встречу с этим клиентом, потом забыл внести информацию о нем в список контактов. А номер парня ему нужен прямо сейчас.

Я понимала, что он еще не пришел в себя, но Шон считал свою забывчивость недопустимой небрежностью. Я утешала его, говорила: ничего страшного. Люди забывают и более важные вещи. Он же переживает такой стресс. Я не сказала: не относись к себе так строго, у тебя жена умерла. Но мы знали, что я имею в виду. Я сказала, что поищу бумажку и перезвоню ему, когда найду.

Листок – вырванный из желтого линованного блокнота – был там, где и сказал Шон, среди множества чеков и счетов, старых телефонных карточек и связки бейджиков. Я удивилась этой неразберихе. Шон ведь такой аккуратный. Но никто не совершенен. И я видела, что он может допустить небрежность, когда дело касается работы. Когда мы только-только съехались, мне часто приходилось перед ужином (аккуратно!) убирать папки и груды бумаг со стола в столовой.

Я уже почти задвинула ящик, как вдруг заметила обтянутую темно-синим бархатом коробочку, которая слегка запылилась. Футляр для драгоценностей. Я будто услышала голос, предупреждающий: “не открывай”, но тот же голос сделал соблазн непреодолимым.

Я открыла коробочку. В ней оказалось кольцо Эмили: сапфир между бриллиантами.

Я подержала его в пальцах. А потом увидела ее. Я увидела Эмили. Увидела игру бриллиантов в воздухе, как будто мы сидели у Эмили на диване и она жестикулировала, рассказывая о любимых книгах и фильмах, о Ники и Шоне, о дорогих ей вещах. Как будто мы смеялись, шутили и славили дар нашей чудесной дружбы.

Повинуясь импульсу, я поднесла кольцо к лицу. И мне показалось, что я слышу запах темных вод мичиганского озера, а под ним – слабое дуновение разложения. Смерти. Невозможно, чтобы так пахло кольцо. Но я ощущала этот запах.

Моя подруга ушла. Все, что осталось, – кольцо и наши воспоминания. Я положила кольцо назад, в бархатную коробочку, коробочку вернула в ящик, а ящик задвинула. И заплакала – горше, чем когда мы узнали, что Эмили больше нет.

Я собралась. Я позвонила Шону. Только это я и могла сделать, чтобы не развалиться. Продиктовала ему номер клиента. Шон сказал спасибо. Мне захотелось в ответ сказать, что я люблю его, но момент был неподходящий. Мне хотелось сказать ему, что я нашла кольцо Эмили, но я знала, что говорить это нельзя.

Я прекратила поиски. Не было больше ничего, что мне хотелось бы или нужно было знать.

* * *

Жизнь вошла в свою колею. Мальчики ходили в школу, Шон – на работу. Марисела приходила по средам, так что убираться мне было не

нужно. Я наводила порядок в комнатах мальчиков и собирала все для рисования, когда они бывали дома. Пекла маффины и мастерила модели самолетов.

Я старалась забыть об Эмили, а если вспоминать, то только хорошее. Только что-то положительное, что-то, что может помочь. Слова мальчиков о том, будто они видели Эмили, то, что Ники пахнет, как она, и мои собственные сомнения – это просто часть нашего горя. Нашего нежелания поверить в то, что Эмили ушла от нас.

Но она действительно умерла. Шон видел отчет о вскрытии. Результаты анализа ДНК. Если в озере было не ее тело, то чье? Таких ошибок не делают даже в мичиганском городишке.

Я вычитывала в кулинарной книге рецепты: баклажаны с пармезаном, гуляш из тофу – блюда, от которых Шон и мальчики поначалу отказывались, но потом полюбили. А может, ели все это, чтобы сделать мне приятное. Но все равно – ели. Мне не хотелось, чтобы мы ели мясо каждый вечер. Я начинала чувствовать себя хорошо на кухне Эмили. Я готовила для людей, которых любила. Еда – это про существование. Еда – это жизнь. Эмили позаботилась о кухне, женила мужа и нашла подругу, которая опекала бы ее сына после того, как ее не станет.

Все шли на компромиссы. Ники прекратил свои демарши и стал со мной таким же – или почти таким же – милым, как до исчезновения матери, и мы все вчетвером развлекались по пятницам после школы. Я превратила гостевую комнату – ту самую, с туалетным столиком – в подобие кабинета и решила вернуться к ведению блога. Прошло достаточно времени, чтобы мои читательницы приняли мысль: мы с Шоном – пара.

Я могла бы многое рассказать о том, с какими проверками на прочность сталкиваешься и какие награды получаешь, когда растишь двух мальчиков вместо одного. В каких-то смыслах это проще, в других – тяжелее. До сих пор они не дрались. Я была благодарна, но все думала, не закончится ли это.

Секс с Шоном был таким же изумительным, как и в начале. Или почти изумительным. Пыл угасает, когда вы можете быть вместе, когда захотите. Это же естественно. Сначала вы делаете это каждую ночь, а потом – не слишком часто. Иногда лежите бок о бок, как брат и сестра. И замечаете это, хотя пытаетесь не замечать.

Может быть, поэтому жар между мною и Крисом никогда не угасал. Мы не могли оказаться вместе, когда хотели. Никоим образом.

Мальчики никогда больше не упоминали, что видят Эмили возле школы или еще где-то. Я решила делать вид, что этого и не было. Я когда-

то читала о случаях массовой истерии, когда нескольким людям одновременно являлись одинаковые галлюцинации. Такое часто случается со школьниками. Это произошло с Ники и Майлзом, но, кажется, продолжалось недолго и особого вреда не нанесло.

Я решила, что мы прошли через это.

У нас был тихий День благодарения – лишь для нас четверых. Мальчики помогали мне готовить индейку. Она получилась безупречной – с хрустящей кожицей, сочная, с восхитительной начинкой. Шон очень мило делал вид, будто не знает, что за праздник такой, и мальчики рассказали ему, что выучили в школе. Как переселенцы приплыли сюда, как коренные американцы научили их возделывать кукурузу, как переселенцы получили первый урожай и смогли пережить первые холодные зимы в Новой Англии.

Ночью, когда мальчики уснули, мы с Шоном сидели на диване, приканчивая вино. Он обнял меня и предложил поехать куда-нибудь вместе на рождественские каникулы, вчетвером. В какое-нибудь теплое место. На остров. В место, которое принадлежало бы только нам. Ему не нужно было говорить: куда-нибудь, где я никогда не был с Эмили. Мехико, Карибские острова. Один парень с работы ездил на Вьекес, и ему понравилось.

Коктейли с ромом. Гамаки на пляже.

Я сказала, что это звучит великолепно. Это и правда звучало великолепно.

Мы не стали ложиться и занялись любовью. Я подумала: может, это сработает.

На следующее утро я отвезла мальчиков в школу, Шона – на станцию. Вернулась домой. Я начала думать об этом месте как о доме. Это больше не был дом Эмили или Шона. Просто дом.

Я сварила себе чашку кофе. Посидела за столом в солнечной кухне. Забрала чашку, перешла в гостиную и устроилась на диване. В голове мелькнуло – на диване Эмили, и я заставила себя выбросить из головы эту мысль. Теперь – на моем диване.

Я думала о своей нынешней жизни, о том, что все, возможно, устаканилось. К счастью, мы сумели одолеть этот путь. Я не возражала.

Зазвонил телефон. Городской, по которому никто никогда не звонил.

Я подвинулась, чтобы ответить.

Идентификатор номера сообщил: “Номер не определен”. Я взяла трубку и огорчилась, услышав тишину, какая бывает перед включением какой-нибудь записи автообзвона.

Я уже готова была повесить трубку, как вдруг голос сказал:

– Стефани. Это я.

Эмили. Я узнала бы ее голос где угодно.
– Где ты? – спросила я. – Скажи мне!
– Снаружи. Наблюдаю за тобой.
Я бросилась к окну, потом к другому. На улице никого не было.
– Пройдись по кухне, – велела Эмили. – Подними руку. Я скажу тебе, сколько пальцев ты подняла.
Я подняла руку. Оттопырила два пальца.
– Два, – сказала Эмили. – Давай еще раз.
На этот раз я подняла обе руки. Семь пальцев.
– Счастливое число, – заметила Эмили. – Ты всегда была умной девочкой. Ладно, мне пора. Пока все. До скорого. – Это было фирменное выражение Эмили: до скорого.
– Подожди! – воскликнула я.
Мне надо было о стольком спросить. Но какой у нас мог бы выйти разговор – я в ее доме, живу с ее мужем?
– Нет. Это *ты* подожди.
Показалось ли мне, что это прозвучало, как приказ? Эмили повесила трубку.
Я огляделась. Вещи Эмили. Мебель Эмили. Ее дом.

* * *

Этого просто не могло быть. Несколько часов я пыталась убедить себя, что звонок Эмили мне померещился.
Я лежала на диване. Наверное, я задремала, и звонок мне приснился. У меня бывали очень яркие сновидения, даже после смерти Эмили. И в некоторых снах действовала Эмили. Может, это как раз один из таких снов.
Я себя не убедила. Что-то во мне знало, что звонок был.
На следующее утро, высадив мальчиков у школы, я закинула продукты домой, сделала пару глубоких вдохов и выдохов и пошла в рощу.
Я вычислила, где должна была стоять Эмили, чтобы видеть меня через окно.
Я встала там и стала смотреть на дом.
Никакого движения. Дом был словно населен призраками.
В глубине рощи хрустнули ветки. Я едва дышала.
Потом я увидела в окне саму себя. В доме. И это было страшнее всего.
Это была я. И это была не я.
Я была кем-то еще. Совершенно одна. В роще за домом.

Шпионила за собой.

Часть вторая

Подглядывать. Что-то есть в этом слове, от чего меня чуть не тошнит, и в то же время я обожаю его. *Подглядывать.* От этого слова у меня ощущение зуда в животе, словно я на “русских горках” и вот-вот понесусь вниз. Некоторые что угодно готовы дать за это чувство. Как поется в песне, “И знаю, что я один”.

Я *подглядываю* за Стефани, за Шоном и мальчиками. Когда я только произношу это слово про себя, меня начинает подташнивать от возбуждения, как когда я подбираюсь к окну своей кухни и наблюдаю, как Стефани притворяется, что она – это я. Спит с моим мужем, воспитывает моего ребенка, на моей кухне жарит до корки мерзкие кусищи убитой коровы. Если честно (я вставляю сюда словечко Стефани, которая всегда говорит “если честно” – не потому ли, что она редко бывает честной?), я не столько в ярости, сколько в восторге.

Шпионить за Стефани в моем доме – это как играть в удивительный трехмерный кукольный домик с натуральным движением. Как будто люди там, внутри, – анимированные фигурки, и я могу их передвигать. Могу заставить их делать, что хочу. Могу контролировать их своим волшебным оружием: одноразовым мобильником.

Наберу волшебный номер – и кукла Стефани бежит к окну.

Пусть Стефани оставит себе мой дом, но я хочу кое-что забрать оттуда. Пусть оставит себе моего мужа, чей безнадежный идиотизм отныне и навсегда доказан тем фактом, что он ее трахает.

Я хочу только Ники. Я хочу забрать своего сына.

Уже в детстве я любила прятаться и подсматривать. Скорчившись под окном, лежа в траве, я ждала, когда взрослые сделают что-нибудь более грязное и более личное, чем сварить кофе, заглянуть в холодильник или (в случае моего папы) тайком выкурить сигарету. Я видела, где мать прячет бутылки со спиртным и как часто ей *приходится* доставать с книжной полки большой словарь. Что за слово ей срочно требовалось посмотреть? За книгой стояла бутылка. Мать пила так много, что это казалось уже не секретом, а просто чем-то, что она делает. Я не винила ее. Бедная женщина вышла замуж за моего папочку, знаменитого гинеколога и любителя разводить экзотические орхидеи, который давал результатам своих биоинженерных опытов названия в честь “любимых пациенток”.

Однажды я нарушила шпионский принцип: наблюдать и молчать. Пьяная мать несла такую чушь! Я долила воду в ее бутылку с джином. Я наблюдала, как она пьет прямо из бутылки, и думала о том, что она убила бы меня, если бы застучала, как я пью молоко из пакета. После первого глотка у нее сделался удивленный вид, словно она пыталась вспомнить, какой вкус должен быть у джина. Потом мать прикончила бутылку, сунула ее в бумажный пакет и вынесла, чтобы бросить в мусорный контейнер.

В средней школе я начала попивать ее джин, глотки становились все больше и больше. Мать ничего не замечала – или ничего не говорила. Мои родители практически не интересовались моей жизнью. Ребята из “Денниса Найлона” после нескольких порций спиртного принимают рассказывать, какие у них были неродители. Каждый раз, слушая их, я думаю: видели бы вы *моих* неродителей. Хотя сейчас это нереально. Отец умер восемь лет назад, а мать не в той форме, чтобы поддерживать беседу о своих родительских ошибках.

Детство каждого человека – ад, но каждый верит, что оно задумывалось как рай. Что у любого другого детство было чистым парадизом. Такое послание мы получаем от кино и телевидения. В детстве думаешь, что только твоя семья не такая счастливая и не такая классная, как семьи из ситкомов. Я никогда не разрешу Ники смотреть современные версии этих разжижающих мозги сериалов, но ирония в том, что его детство (в спокойном пригороде для верхушки среднего класса, с любящими мамой и папой) куда ближе к тележизни, чем Шона и мое, а уж мы-то эти сериалы смотрели.

Я хочу, чтобы Ники был счастлив. Это единственное, чего я хочу наверняка.

Подрастая, ты обнаруживаешь, что была не единственным несчастным ребенком, и это греет. Приятно, если ты из тех людей, которых воодушевляет то, что еще кому-то не повезло так же, как им. Стефани нравится думать, что все идут одной и той же каменистой тропой. Даже утверждая, что невозможно узнать другого, она думает, что это возможно. Ей нравится думать, что другой страдал столько же или еще сильнее, чем она. Если у тебя какая-то проблема с ребенком, то тебе предположительно поможет знание о том, что у других матерей та же проблема. Если пропала твоя лучшая подруга, тебя предположительно успокоит знание о том, что у всех собравшихся здесь женщин пропадали их лучшие подруги.

Не так много людей ждет звонка от какого-нибудь следователя от журналистики, ждет, когда можно будет сказать репортеру заветное:

“преступник – наверняка муж”.

Днем Стефани сидит в своем маленьком офисе на застекленной веранде – на *моей* застекленной веранде, – куда притащила древнее бюро размером с танк и круглый вышитый коврик. Так по-домашнему, так безвкусно. Рай мамы-блогерши. Но она, кажется, прекратила вести блог.

Абсолютно чужие люди сочувствовали Стефани, когда она потеряла меня. Свою лучшую подругу. Они постили “люблю”, “обнимаю”, “лайки”-сердечки и плаксивые рожицы.

С того дня, как я пропала без вести, я изо всех сил стараюсь не заморочить Стефани голову окончательно. Я держу мозг в узде. Я просто пальцем ноги трогаю страдающую Стефани, и это доставляет мне некоторое развлечение. Но это боль тоже. В конце дня, в любое время – это мой дом, мой муж, мой сын.

После того как Шон спутался с подобной личностью, я меньше думаю о нем. Даже если он использует Стефани, чтобы избыть свое горе по мне. Теоретически я могла бы дать ему второй шанс. Дать ему понять, что я жива. Посмотреть, насколько быстро он бросит Стефани. Это бы меня развлекло.

Но он уже провалил тест, два теста. Я не собираюсь давать ему шанса на переэкзаменовку.

Стефани не слишком умна. Это нам и было нужно. Именно поэтому я выбрала ее.

* * *

Я никогда не говорила Стефани, что моя мать пила. Это совсем не то, что я хотела бы сделать всеобщим достоянием, но Шон знал – его мамочка тоже любила свою большую рюмку мерзкого сладкого шерри, так что тут у нас с Шоном было кое-что общее.

Шон знал про мою мать-алкоголичку – и довольно с него. Я выдавала информацию о себе осторожно. Контролировать информацию – это то, чем я зарабатываю на жизнь. За это Деннис и платит мне. Я могла бы превратить будни в исправительно-реабилитационном учреждении в Тусоне в дикую двухнедельную оргию с сексом и наркотиками в Марракеше, и лишь потом люди въехали бы, что это дезинформация. Я могла бы заставить что-то выглядеть как что-то еще. Я могла бы сделать из неудачливой Бэтгёрл самое стильное существо на планете.

Я говорила Шону только то, что позволило бы ему чувствовать себя

таким же, как я, и не говорила ничего, что дало бы ему почувствовать разницу между нами. То есть оставила за скобками кое-какую базовую информацию. Господи, что Стефани несла о тайнах. Я слушала ее, или наполовину слушала, и думала: “Нам *приходится* иметь секреты. Они нужны нам, чтобы жить в этом мире. У меня их полно. Больше, чем я с тобой делюсь. А тебе это и в голову не приходит”.

* * *

Шпионя за матерью, я выучила: мы не знаем, что за нами наблюдают. Нам нравится представлять себе, что мы настороже. Мы обманываем себя, думая, будто у нас есть что-то общее с существами, умеющими выживать в дикой природе. Мы потеряли этот инстинкт, шестое чувство. Мы не выжили бы в дикой природе и одного дня – если бы эта природа была полна хищников.

Хищник требуется всего один. И сейчас это я.

Независимо от того, что мы видим или слышим, роща позади нашего дома могла бы кишеть снайперами. Какой-нибудь извращенец мог жить наискосок от нашей квартиры; впечатав бинокль в глаза, он молился бы своему извращенскому богу, чтобы мы разделись.

Похожий парень жил напротив моей первой квартиры в Нью-Йорке, примерно когда я начала работать на Денниса Найлона.

Я его засекла. Отвислое брюхо, майка-алкоголичка. Бинокль *Super-spy*. Трусы спущены до колен. Я показала ему палец через улицу. Он показал мне палец в ответ. Опустил бинокль. Его глаза не отрываясь смотрели в мои.

Для меня это оказалось слишком. Я переехала. Потеряла залоговый взнос.

Нашла квартиру получше.

Я попросила Денниса о повышении, и он согласился. Он обожал быть могущественным: швырнул мне целую пригоршню мелочи – и спас от извращенца.

А теперь я – извращенец, живущий по соседству. Стефани нужно спасать. От меня.

* * *

Есть такой фильм, он мне очень нравится. “Подглядывающий”. Английский. О маньяке-психопате, который убивает женщин – и снимает убийство на камеру. Камера у него закреплена на шесте, которым он прокалывает красоток, чтобы можно было заснять выражение ужаса на их лицах. Настоящий художник, настоящий одержимый.

Это любимый фильм Денниса Найлона. Так что общее у нас – этот фильм.

Это один из тех фильмов, что разрушают карьеру режиссера. Все видят, насколько парень болен, и никто не хочет с ним работать. Особенно если фильм убыточный. “Подглядывающий” слишком опередил свои шестидесятые. *Может быть, и наши дни для него – еще рановато. Но не для меня, не для Денниса.*

Я удивилась, что британец Шон не смотрел его, при том что какое-то время он имел дело с публикой, считавшей, что разбирается в искусстве. Разве его друзья не смотрели фильмы вроде этого? Спросить мне было не у кого, он перестал общаться с приятелями тех дней. Его клевые университетские друзья не пошли в банкиры, и он больше с ними не виделся. Я знала, что, если я захочу, Шон останется при мне; надо только заставить его думать, что рядом со мной он все еще будет парнем что надо.

Шон мог заключать сделки, делать деньги, вести дела, но у него никогда не было настоящего романа. Я показала ему, что такое страсть. Я заставила его думать, что он не сможет жить без меня. Его было так просто перепрограммировать, убедить, что контроль – у него. Это была часть его привлекательности. Я получила и бонус: оказалось, что Шон хороший любовник, терпеливый, изобретательный и пылкий. Эти его качества я ценила больше, чем стоило или чем ценила бы, если бы они чаще встречались у мужчин. Слишком часто мужчины занимаются любовью так, словно на улице их ждет такси с включенным счетчиком.

Я могла сделать Шона всем, чем хотела. Оставалось только решить, чем именно я хотела его сделать.

* * *

Мы с Шоном встретились на исключительно гадостном благотворительном ужине в Музее национальной истории. Полночи я была в слезах, потому что все шло наперекосяк, начиная с того, что важный инвестор упал со ступенек, и кончая тем, что дорогой гость-селебрити порезал палец. Я впахивала как проклятая, чтобы никто не заметил главных

косяков, иначе Деннис пришел бы в бешенство, и мы все могли бы вылететь с работы.

Шон представился и сказал, что работает на инвестиционную компанию-партнера “Денниса Найлона”. Я изобразила, что мы уже встречались – на случай, если мы встречались, – но была уверена, что запомнила бы его. Шон сказал:

– Мы не могли бы где-нибудь поужинать?

Так мило, так по-мужски, так ясно.

Вскоре после этого я пригласила Шона к себе в квартиру, посмотреть “Подглядывающего” на DVD. На нашем третьем свидании. Это был тест, но это был и риск – пригласить привлекательного, богатого, в целом приличного, в целом благопристойного парня смотреть твой любимый фильм о маньяке-психопате. Если бы я сделала вид, что мой любимый фильм – “Звуки музыки”, мне пришлось бы закончить с Шоном, не начав. Кто же захочет быть с мужчиной, которому нужна любительница “Звуков музыки”?

Мы смотрели “Подглядывающего”, Шон обнимал меня. У нас уже был секс, хороший секс, может быть, даже великолепный секс, и я подумала: наверное, с точки зрения Шона предпочесть что-либо великолепному сексу – показатель сдержанности и хороших манер. Не хочу показаться бессердечной или хвастливой, говоря, что Шон преувеличивал свои способности любовника. Я думаю, у Шона был ограниченный опыт – вялые связи с вечно недовольными английскими студентками и разочарованными банковскими стажерами.

Сейчас Шон смотрел со мной мой любимый фильм, снисходя к моим слабостям. У меня было достаточно бойфрендов, и я знала: этот типаж так и ведет себя в начале отношений. Потом они выходят из комнаты, спрашивают, не посмотреть ли нам что-нибудь другое – или просто хватают пульт и переключают на баскетбол.

Пока шел фильм, мы с Шоном не говорили. Потом он сказал: “Блестяще” – раздражающе, с растяжкой, на британский манер. “Но мне показалось, что это немного чересчур. А тебе?”

Ошибка! Он думал, что это *немного чересчур*. Неужели он из тех слабаков, которые верят в *доброту*? Из тех, кто избегает книг и фильмов, если там есть хоть что-то про боль, страдание или насилие? Водятся в природе такие парни, и их больше, чем вы можете себе представить.

Но не Шон. Он только притворялся хорошим мальчиком. Или, может быть, он был хорошим мальчиком, который притворялся плохим мальчиком. Его вштырило, он возбудился от того, что мне нравится

“Подглядывающий”. Он решил, что это сексуально. Страшно, но страшно хорошо. Фильмы вроде этого нравятся парням, в отличие от девочек, которые, по его мнению (возможно, следствие общения с его унылыми подружками), хотят, вернувшись домой из офиса, свернуться калачиком с бокалом пино гриджо и последним римейком Би-би-си по Джейн Остин.

Я предпочитаю текилу или, еще лучше, мескаль. Но не рядом с Шоном.

Позже выяснилось, что он великий фанат “темных” телесериалов: “Во все тяжкие”, “Прослушка”. Кино, которое я не особенно люблю, хотя ребятам на работе нравится. Я не успеваю отслеживать действующих лиц и не могу выкинуть сцены насилия из головы.

Мы сбежали в Лас-Вегас. Никому не сказали. Поженились в Церкви Элвиса и провели три дня в постели, в сюите “Белладжо”. Это была чудесная передышка: секс, обслуживание в номере, шампанское, телевизор. Мы покрасовались друг перед другом.

Не лучшей идеей Шона оказалось поехать на медовый месяц к его “маменьке”, живущей на севере Англии. Он все рассказывал мне, как там зелено, как романтичны болота. Он знал, что я люблю “Грозовой перевал”. Его городишко был всего в часе от деревни Хоэрт, где жили сестры Бронте.

Два дня белесого неба и морозящего, отвратительно холодного, всепроникающего дождя, тучи висят так низко, что не видно болот. Ненавижу это ощущение: холод просачивается сквозь кожу до самых костей. И чего ради? Только чтобы мы с Шоном потолкались в печальном домике, набитом ноющими несовершеннолетними туристками? А потом назад, провести ночь в угрюмом, плохо отапливаемом, заросшем плесенью доме кислого, сморщенного огрызка женщины, которая не любила своего сына и которая любила меня еще меньше?

Обычно я стараюсь не жалеть людей. Не думаю, что человеку полезно, когда его жалеют или когда он сам жалеет кого-то. Но когда я увидела тот дом! Линолеум в трещинах, вонючие газовые нагреватели, плотные темные шторы и мебель, впитавшая вонь всей баранины, которую здесь тушили со времен Генриха VIII. Бедный Шон!

Однажды – когда Шон изучал рынок – я предложила его матери угоститься из моей фляжки. Я представила их друг другу. Мама Шона, познакомьтесь, это “Хосе Куэрво”. Хосе, это мама Шона. (На самом деле – *Herradura*. От дешевой текилы у меня болит голова.) Для старухи после целой жизни с шерри это стало откровением. Я сказала, что убью ее, если она расскажет Шону, и она засмеялась – заговорщицкое “хе-хе-хе”, потому что решила, что я шучу.

Тем вечером она легла рано, и Шон не заподозрил, что она напилась. А у нас с его мамочкой после этого образовался союз заговорщиков, что сделало наше пребывание там почти занимательным. Почти.

А! *Было* там кое-что смешное.

Всю свою жизнь я время от времени страдала от удушающей скуки и знала, когда приближается приступ, как другие ощущают приближение мигрени или приступа дурноты. Я знала, что должна сделать что-то, чтобы удержать себя под контролем и не повести себя так, чтобы потом пожалеть о сделанном. Я это чувствовала с самого детства и усвоила: мне *необходимо* сделать что-то, чтобы прогнать скуку. Это как расчесывать укус насекомого.

Я украла у матери Шона кольцо.

Оно было очень милое, сапфир между двух крупных бриллиантов, просто оправленных в золото. Я похвалила его вскоре после нашего приезда, и старуха завелась рассказывать про огранку и оправу камней, и как ее муж подарил ей это кольцо перед свадьбой, кто владел кольцом до этого – всю его историю вплоть до неандертальцев. Я перестала слушать. Не помню, решила ли я украсть кольцо уже тогда или сделала спонтанно, когда подвернулась возможность.

Однажды вечером я, как обычно, слегка подпоила маму Шона. Удивительно, как Шон не заметил, что мама сегодня неприятна, как никогда, и придирается больше, чем обычно. Полагаю, он и так ничего хорошего не ждал. Тем вечером она зудела, чтобы он отправлялся в “залу” смотреть “телек”, пока “девочки” прибираются. Старуха бережно положила кольцо на подоконник над раковиной, чтобы обезопасить на время мытья посуды, и поковыляла “в уборную”.

Я сунула кольцо себе в карман. Только и всего. Вот кольцо – и вот его нет. Импульс? Умысел? Не знаю. Мне это все равно. По натуре я не kleптоманка. Но на меня что-то нашло.

Маменька Шона не хватилась кольца, пока не закончила мыть посуду. А потом за десять секунд раскалилась от нуля до шестидесяти. Стонала, как раненое животное. Ее кольцо! Ее прекрасное кольцо! Его здесь нет! Где же оно? Неужели упало в раковину? Почему она была так неосторожна? Как она будет жить без него?

Мы перевернули дом вверх ногами, и бедному Шону, послушному сыну, пришлось лезть в подвал, разбирать отвратительную канализационную систему и поискать кольцо в трубах.

Как можно догадаться, кольцо так и не объявилось. Когда Шонова маменька прощалась с нами, она все еще скорбела, больше огорчаясь

потерей кольца, чем отъездом сына и его молодой жены.

Я указала Шону на это, когда мы летели домой, в Нью-Йорк. Бизнес-классом. Я сказала:

– Твоя мама любит свое кольцо больше, чем тебя.

– Не суди ее слишком сурово, – попросил Шон.

Тогда-то я и вынула кольцо из сумочки и предъявила Шону. Он страшно обрадовался:

– Ты его нашла! Дорогой мой ангел! Мама будет на седьмом небе.

– Нет, – сказала я, – я взяла его. И отдавать даже не собираюсь. Твоя мать просто унесла бы его с собой в могилу. Глупо. Все равно что выкинуть.

Может, это мое странное американское чувство юмора? Розыгрыш? Шон улыбнулся мне в порядке эксперимента, словно чтобы показать, что понял шутку.

Я не шутила.

– Ты украла его?

Я подняла брови, пожала плечами и сказала:

– Мне захотелось это кольцо. И я его взяла.

– Ты должна вернуть его. Я скажу маме, что оно упало тебе в карман, когда вы были на кухне, и ты только сейчас нашла его.

– Пожалуйста, не так громко, дорогой.

Бортпроводницы уставились на нас. Неужели у голубков-молодоженов (Шон сказал им, что мы в свадебном путешествии) уже происходит маленькая медовомесечная ссора?

– Не отдам, – объявила я. – Что сделает твоя мать? Экстрадирует жену своего сына и потребует ее ареста? А если ты попробуешь сказать ей, что я нашла его, что оно оказалось у меня случайно, я скажу ей, что украла его. Что я сделала это *намеренно*. И что, по-твоему, будет для нее хуже? Думать, что она потеряла кольцо или что ее сын женился на воровке, вунье и садистке, которая хочет, чтобы она и ее сын страдали?

Конечно, дело было *не в этом*. Я не хотела, чтобы кто-нибудь страдал. Я просто хотела кольцо. Оно мне понравилось. Я не понимала, почему оно не мое. Я сказала:

– Или же я скажу ей, что ты украл кольцо, чтобы подарить мне.

Шон уставился на меня. Он понял: я настроена решительно. Я видела, что он боится меня – чего-то во мне, о чем он и не подозревал. Многого обо мне он не знал, а кое-чего не узнал бы *никогда* – а может, и не захотел бы знать.

Чего он от меня ждал? Для меня это так и осталось неизвестным. Но

зачем бы ему продолжать растить ребенка с женщиной, которой он не доверяет и которую боится? Полагаю – потому что он любил меня. И, может быть, он любил страх.

– А теперь, – сказала я, заказав еще шампанского, – ты наденешь это кольцо мне на палец. И скажешь мне, что будешь любить меня вечно. Говори: “Этим кольцом я клянусь, что всю жизнь буду верен тебе”.

– У тебя уже есть помолвочное кольцо, – заикнулся было Шон.

– А мне нравится *это*, – сказала я. – То, которое ты мне подарил, я уже продала. Ты что, правда не заметил? – На самом деле помолвочное кольцо было на мне еще накануне. Я продала его, когда вернулась домой.

Шон взял мою руку. Надел кольцо своей матери мне на палец. Дрожащим голосом произнес:

– Этим кольцом я клянусь, что всю жизнь буду верен тебе.

– Всю жизнь, – сказала я. – А насчет сейчас... встретимся в туалете через двадцать секунд. Постучи дважды.

Мы занимались любовью стоя, причем мой зад упирался в раковину, в туалете самолета. Я поимела Шона. Он был мой.

Девять месяцев спустя родился Ники. Я всегда верила – думаю, и Шон тоже, – что наш сын был зачат в том самолете. С тех пор я считала кольцо своим талисманом.

* * *

До сих пор мне в голову не приходило, что Шон может *и вправду* оказаться дураком и слабаком. Настолько дураком, чтобы упасть в койку с первой же женщиной, которая продемонстрирует ему свою доступность.

Я знаю: он думает, что я мертва – хотя я предупреждала, чтобы Шон не верил отчетам о моей кончине. Неужели Шону оказалось так трудно следовать моим указаниям? Неужели надо было сказать: “не верь отчету о вскрытии”? Неужели надо было сказать, что даже если ему вернут мое кольцо – кольцо его матери, – это не будет означать, что я мертва? Хотя справедливости ради, даже я не ожидала, что кольцо вернется к нему. Случайность, бонус. Кольцо матери Шона еще раз доказало, что оно волшебное.

Шон честный парень. Слишком честный. Слишком доверчивый, как выяснилось. И по совокупности – слишком простой.

Я твердила ему: я не умру. Неважно, что ты услышишь. Я не умру. Это звучало, как предупреждение в сказке. Не оборачивайся, не оглядывайся на

меня, когда мы пойдем прочь из преисподней. И вот в который раз герой все профукал.

Даже если бы Шон поверил, что я, пьяная и наевшаяся таблеток, предприняла фатальное купание в ледяном озере, – разве он не должен был бы соблюсти пристойный период траура? Отгоревать, начать забывать меня и исцелиться? Обрести готовность “двигаться дальше”, если снова цитировать Стефани. Может быть, по истечении известного срока Шон нашел бы женщину, которую никогда бы не любил и не желал, как меня – но которая готовила бы, убирала в доме и заботилась о Ники.

Но моя “лучшая подруга” Стефани? *В голове не укладывается! Поразительно*, как он мог *смотреть* на нее после того, как видел меня! Она же сплошная рана, снедаемая чувством вины и решившая ее загладить, став лучшей мамочкой в истории. Пушистый коврик для ванной, возомнивший себя человеком.

Какая дикость, что Шон с ней. Как я могла выйти замуж за парня, который подкатил к Стефани в ту же минуту, как узнал, что я умерла?

Мсть – это нечто ожидаемое.

Глупость Шона – вот на что я смотрю, стоя за деревом на краю участка и наблюдая, как Стефани порхает от окна к окну, словно пташка в западне. Пытается увидеть меня, увидеть, где я. Поднимает два пальца, потом семь. Таращится в рощу.

Думает: “Спасите меня! Спасите!”

Я даю Стефани пробежаться по дому, посуетиться. Она боится выходить на улицу. Я наблюдаю за ней еще какое-то время, потом ухожу. Моя машина припаркована прямо у подъездной дорожки.

* * *

Я еду назад, в номер “Дэнбери Хоспитэлити съютс”, где зарегистрировалась по липовой кредитке и под вымышленным именем. Еду я в машине своей матери, которую взяла в озерном доме после того, как бросила арендованную в лесу.

Держу пари, Стефани не расскажет Шону, что я звонила. Она вечно неслла, как она боится, что ее примут за параноика и сумасшедшую. Говорила (так и слышу ее голос): “*Ужасно, но люди вечно пытаются убедить мам* (как же я ненавидела, как она произносит слово «мамы»), *что те ненормальные*”. Вот что я выслушивала в те кошмарные пятницы, прикидывая при этом, как в понедельник поеду на работу и как мне

придется разруливать последствия очередных закидонов Денниса.

Если Стефани решит, что мертвая женщина не только живая, но еще и Подсматривающая, ее и правда примут за чокнутую. Это докажет, что она сумасшедшая. Я никогда не заморачивалась тем, что кто-то подумает, будто я – безупречно одетая и подкрашенная, лицо “Денниса Найлона”, классная, компетентная мать и жена, – сумасшедшая. Хотя правда обо мне наводит на мысль, что я гораздо больший псих, чем Стефани, которая просто глупа, туго соображает и ужасно не уверена в себе.

Если Шон признается в чем-нибудь, ему придется признаться во всем: у нас был план выманить у страховой компании небольшое (сравнительно) состояние. Будучи финансистом, Шон научился не показывать руки. Игроки в покер и банкиры знают, о чем я. И любители триллеров, как ваша покорная.

* * *

Наш план начался с маленькой игры, в которую, я уверена, играют многие супружеские пары. Что бы мы сделали, упали на нас с неба миллион долларов? Бросили бы работу. Увезли бы Ники в какое-нибудь красивое место и жили бы там, пока деньги не закончатся. Такая была фантазия.

Шон на хорошем счету на работе. У меня хорошая должность. У нас симпатичный дом, потрясающий ребенок.

Вы решите, что нам нравилась наша жизнь. Нет, не нравилась. Может быть, неудовлетворенность – не самое лучшее чувство, которое можно разделить с другим. Может быть, беспокойство духа – не самое прочное основание брака. Но лучше, наверное, когда оба человека в паре недовольны положением дел и хотят его изменить. Шон в грош не ставил жуликов, на которых работал. Он негодовал, что компания высасывает из него столько времени и сил. Это облегчило мне задачу. Я убедила Шона, что планирую нечто робингудовски-праведное. Бонни и Клайд – вот кто мы. Герои вне закона.

К тому времени я по горло была сыта модным бизнесом, где конец света наставал каждый раз, когда модель на показе ушибала палец ноги. Модели были капризными и жили на воде и сигаретах.

Мы с Шоном каждую неделю покупали лотерейные билеты. Вот выиграем – бросим работу, уедем в сельскую Италию или на юг Франции и будем жить там, пока хватит денег. А потом обдумаем следующий шаг.

Но я считала, что существует другая разновидность... лотереи. Лотерея, где у нас будет больше контроля. Джекпот, который мы устроим себе сами. Жить широко, той жизнью, какую каждый из нас себе хотел. Иметь время на сына, не быть напряженными и взвинченными постоянно, даже в нерабочее время.

Вот чего мы хотим, сказала я Шону. А теперь выясняется – он хочет Стефани. Что меня вполне устраивает.

Мне-то был нужен Ники. Всегда. И теперь.

* * *

Я сделала так, чтобы Шон смотрел мои любимые фильмы – черно-белые триллеры тридцатых-сороковых годов. Я запускала их каждый вечер. И мы начали шутить насчет мошенничества со страховкой. Это *была* шутка – сначала. Шону и в голову не приходило, как далеко я с ней зайду.

Я объяснила логику действий, и Шон поддался, как все обманутые, зачарованные мужчины в этих фильмах. Он был Фредом Макмюрреем, я – Барбарой Стэнвик.

Нам требовался кто-то вроде Стефани. И Стефани оказалась более чем безупречна. Иногда у меня возникало пугающее чувство, что я сама ее создала. Именно такая Стефани нам требовалась, чтобы начать воплощать наш план в жизнь.

Она была настолько безупречна, что все обретало даже больший смысл, чем до ее появления; сама того не зная, она стала частью игры. План начинал казаться более реальным, чем когда мы подначивали друг друга и он был просто забавной идеей.

Стефани ничего не подозревала. Я уверена, и не заподозрила бы. Она была так счастлива, что нашла друга. Каждый раз, когда она употребляла выражение “мамы-подруги”, меня буквально тошнило.

Я выцепила ее из толпы. Из стада мамаш, ожидающих своих детей возле школы.

Когда говорят о хищниках, имеют в виду обычно секс, силу, слабость. Уголовщину. Педофилы охотятся на детей. Насильники охотятся на женщин. В природе хищником движет голод. Большие акулы едят рыб поменьше. Сильный охотится на слабого.

Но тут все не так. Стефани – взрослая. Идеально сошлось, что ее сын оказался другом Ники. Все было predetermined свыше.

* * *

Мы затеяли все это ради Ники. Мы с Шоном работали как проклятые – допоздна, иногда без выходных – и почти его не видели. Наш сын рос, а у нас не было времени побыть с ним. Он наш единственный ребенок. У нас никогда не будет другого.

Зачатие было легким, но роды оказались тяжелыми. Наш врач пригласил нас к себе в кабинет (а это никогда не бывает хорошим знаком) и объявил, что попытка родить еще одного ребенка может оказаться фатальной для меня и ребенка, даже если мне удастся (шансы малы) выносить его.

Я продолжала принимать небольшие дозы оральных контрацептивов, и они вроде бы действовали отлично, без побочных эффектов. Или без таких, которые признали бы врачи. Если хотите знать, я чувствовала себя не в меру раздражительной, еще более беспокойной и нетерпеливой. Но, возможно, не из-за таблеток, а из-за жизни вообще. Всё и все меня раздражали. Все, кроме Ники.

Интересно, как Шон предохраняется со Стефани, чей отчет о контрацепции подозрительно невнятен. Она заявляет, что Майлз получился незапланированно, что они с мужем зачали его случайно после дорогой хипстерской свадьбы.

* * *

Моя схема – и капитуляция Шона – была результатом комбинации нескольких моментов. Тех старых фильмов и нового договора, который я внимательно прочитала. Двадцать с чем-то страниц, пункт за пунктом, с десятками ярких наклеек в местах, где Шон должен поставить инициалы. А потом – что бы вы думали? – на двадцать второй странице оказалось приложение: страхование жизни Шона и его супруги, колоссальная выплата в обмен на смехотворное удержание из зарплаты.

Я была упорна. Каждое утро я упоминала об этом, каждый раз, что мы были вместе. Иногда я будила Шона посреди ночи и начинала там, где остановилась. Поначалу Шон сопротивлялся, не будучи способным увидеть красоту того, что я предлагаю. Возможно, он думал, что я сошла с ума. Но он знал, чего я хотела. А если бы Шон сказал “нет”? Но отказавшись, он мог бы попасть в еще худший переплет. Может быть, хуже, чем он мог себе

представить.

Однажды ночью, после секса – наилучшее время, чтобы подступить к Шону или к любому другому мужчине – я снова пошла в атаку. С ума сойти можно. У тебя самая лучшая, самая крутая идея в мире – но сначала тебе приходится дать себя трахнуть.

– Мы живем не так плохо, – сказал Шон. – Да, дорогая, сейчас мы пашем как каторжные, но так будет не вечно. И Ники, кажется, счастлив.

– И этого ты хочешь? – спросила я. – Работать круглые сутки, почти не видеть нашего сына – нашего единственного ребенка, другого не будет? Хочешь проснуться однажды утром и обнаружить, что он уже в колледже? Или уехал? Ты хочешь, чтобы день за днем тянулось одно и то же, вот эта... скука?

Я сказала слишком много. Почти раскрыла о себе то, что до сих пор успешно скрывала. У каждого есть секреты, как говорит Стефани, хоть меня от ее слов и тошнит.

– Хочешь сказать, что тебе со мной скучно? – поинтересовался Шон.

Да, хотела. Но не собиралась признавать этого.

– Шон, неужели ты не хочешь рискнуть? Поставить на карту все, что у нас есть? Сыграть. Действовать напропалую. Жить на острие. Неужели *ты* хочешь прийти к точке, в которой мы скажем: “И это всё?”

Шон смолчал. Он мог бы сказать, что на самом деле я имела в виду “Неужели *ты* – это всё?” Что препятствовало бы мне найти мужчину, у которого больше денег и времени, чем у Шона, – и забрать с собой Ники?

Я бы никогда так не сделала. Шон был папой Ники. Ничто этого не изменит, и никто его не заменит.

Я бы продолжила донимать его. Если мы собираемся и дальше вести такой образ жизни – образ жизни, который ведет *нас*: ипотека, машина, произведения искусства на наших стенах, одежда, которая стоит кучу денег даже с моей офисной скидкой и которую я обязана носить на работу, – мы в ловушке. Выхода не было. Цены на недвижимость снизились с тех пор, как мы переехали в Коннектикут, и попытайся мы продать дом, мы бы потеряли на этом. Мы не могли позволить себе вернуться на Манхэттен, если только не собирались жить в Бушуике или тесниться в квартирке с одной спальней на окраине Манхэттена. Даже при зарплатах Шона и моей нам понадобилась бы огромная ипотека. Альтернатива – снимать квартиру, что было бы дорого и далеко от идеала.

В первое время я не возражала, когда Шон хотел расслабиться перед телевизором. Но теперь я заставляла его смотреть “Охотников за недвижимостью”, “Охотников за международной недвижимостью” – все

передачи про охоту за недвижимостью. Каждый вечер какая-нибудь пара решала начать новую жизнь в экзотическом месте. Антигуа, Ницца, Сардиния, Белиз. Почему? Потому что они хотели выйти из этих крысиных гонок и проводить больше времени со своей семьей.

– Они делают это, – твердила я Шону. – Эти лузеры делают то, что ты боишься попробовать.

– А откуда у них деньги? – отвечал он. – Они об этом молчат.

– Я знаю, где взять деньги. Деньги – не проблема. А вот то, что тебе яиц не хватает принять решение, – действительно проблема.

Я не забыла посмотреть Шону в лицо, когда он надевал кольцо на мой палец там, в самолете. То, что он сделает по-моему, только вопрос времени.

* * *

Шону предстояло изъять максимальную сумму за страхование жизни, какую предлагала его компания. Я исчезну без следа. Залягу на дно. Сфальсифицирую собственную смерть. Эта часть была трудной. Но в книгах и фильмах люди постоянно проделывают подобное. И в реальной жизни. И выходят сухими из воды!

Так что такое вполне возможно. Эту часть плана требовалось продумать.

Я скроюсь из поля зрения на неопределенное время, оно будет зависеть от того, насколько серьезно власти станут искать меня. Потом изменю внешность. Выправлю фальшивый паспорт.

Шон заберет страховочные деньги, и мы отправимся в какой-нибудь райский уголок Европы, где никто не станет задавать вопросов паре симпатичных американских экспатов и их прелестному сыну. Жилье мы будем снимать за наличные.

Когда деньги кончатся, мы произведем переучет. Но если экономить, то это случится нескоро. А жить будет весело. Будем делать, что хотим. Нам никогда больше не придется скучать.

Это был не самый разумный план. На нем имелись морщинки, которые следовало разгладить. Возможно, ни один человек в здравом уме не подумал бы, что этот план сработает. Мне нравилось, что у него мало шансов на успех. В противоположность утомительному и безопасному.

Я читала о так называемом *folie à deux*. Два человека (вот еще одно тошнотворное слово) способствуют душевной болезни друг друга. Я перечитала “Хладнокровное убийство”, на этот раз обращая внимание, как

набирает силу химия зла, когда встречаются эти двое парней. Убийств не произошло бы, если бы потенциальные убийцы остались каждый сам по себе.

Могли бы мы с Шоном так, если бы выбрали эту схему и последовали ей? Сумели бы сподвигнуть друг друга на дела, на которые не решились бы поодиночке? Да и кому мы причиняли вред, в самом-то деле? Мы не надували достойного работающего фермера, его жену и двух очаровательных детишек. Мы пытались получить что-то от компании, которая крада деньги у достойных работающих людей вроде того фермера и его семьи.

Возможно, против нас играло то, что мы оба находили план сексуальным. Разговоры о нем заводили нас. Обсуждение схемы сделалось прелюдией, и секс бывал почти таким же пылким, как когда Шон надевал мне на палец кольцо своей матери в самолете по пути из Англии. Почти.

Я говорила себе, что *на самом деле* это хороший знак. Страсть в браке – это хорошо для нас, для наших тел, хорошо для Ники.

Внешне мы выглядели нормальными людьми. Лучше, чем нормальными. Успешная чета представителей верхушки среднего класса, оба занимают важные посты, живут в доме мечты, растят чудесного малыша. И – ах да. У них есть лучший друг.

* * *

Мне требовался кто-то, кто поверил бы мне и изложил бы миру мою версию этой истории. А больше всего мне требовался кто-то, кто позаботился бы о Ники, на долю которого выпали бы тяжелые времена, пока наша маленькая семья не воссоединится. У меня была Элисон, потрясающая няня Ники. Но она собиралась вернуться в школу и не согласилась бы больше чем на частичную занятость. Мне требовался кто-то, для кого Ники был бы самым главным на свете – кто поставил бы его, может быть, чуть ниже своего собственного сына, но достаточно близко к нему.

Это был безумный план. Что-то вроде сумасшедше длинного паса в расчете на чудо, о каких читаешь в газетах и думаешь: ну кто на это клюнет? Неужели кто-то на это поведется? Но мы с Шоном не могли спокойно разработать разумную стратегию пошагового выхода. *Это* было бы плохо для нашего брака. Шон все еще хотел видеть во мне бунтарку, которая пригласила его на третьем свидании посмотреть “Подглядывающего”. И все еще хотел видеть себя самого мужем

авантюристки.

Я стала дружелюбным хищником в неутомимых поисках лучшего друга. Речь шла не о сексе или силе, а о близости и доверии. О воспитании наших детей. О материнстве.

* * *

Каждую пятницу во второй половине дня я уходила с работы рано. За это разгорелось что-то вроде борьбы, хотя “Деннис Найлон” много шумела по поводу своей гибкости и дружественного отношения к семье. Пресс-релизы о нашей гибкой семейной дружественности писала именно я, так что если бы Бланш – второй человек в команде Денниса и его сторожевой пес – сказала мне, что я не могу уходить по пятницам раньше, чтобы забирать сына из школы, это выглядело бы так себе.

Я стояла под деревом возле школы Ники. Смотрела на других мам. Я ждала Ники и в то же время мониторила площадку в поисках подходящей матери.

Лучшего друга.

Это было просто по сравнению с тем, чем мне приходилось заниматься на работе – модные показы, рекламные акции и встречи, сканирование помещений и арен на предмет малейших признаков сбоя. Знаменитости подали водку не того сорта! Катастрофа!

Высматривая мать, с которой можно было бы подружиться, я ощущала себя извращенцем, который сканирует торговый центр в поисках младшей школьницы – неуверенной в себе полноватой девочки, грызущей косичку. Я высматривала Маму-Кэпа.

Мамой-Кэпом мы с Шоном называли этих – мешок на спине, мешок на груди, сбруя и ходунки, переносные колыбельки и высокие стульчики, детские постромки со всех сторон, стеганые куртки, похожие на космический скафандр, в котором эти женщины при необходимости смогли бы отправиться на Марс. И с ними их Дитя – в тепле и безопасности.

Я искала Маму-Кэпа, которая хочет быть лучшим другом. Маму-Кэпа, которая искала бы меня.

Стефани была права насчет недружелюбия других мамаш. Но мы с Шоном и Ники жили в Верхнем Ист-Сайде, так что некоторый ледок в общении для нас не новость. Несколько месяцев мы оттаивали от манхэттенской демонстративной холодности.

В первые школьные недели я замечала, как Мама-Кэп поглядывает в

мою сторону. Но визуальный контакт у нас установился лишь в тот дождливый день, когда она забыла свой зонтик. Даже на расстоянии я заметила этот промельк паники. Как будто забыть зонтик – это катастрофа. Было не холодно, и дождь не проливной. Я привыкла, что так ведут себя знаменитости, а не нормальные люди. Потом я увидела, как она нервно поглядывает на дверь школы, и поняла: она не боится промокнуть, она боится, что ее *дитя* промокнет за ту минуту, что они идут к машине.

Я помахала ей. Я принесла фирменный зонтик, который изготовили по заказу Денниса. Особо крепкий, широкий – и светлый.

Таких зонтиков выпустили всего дюжину. Слишком дурашливые за свою цену. После этого Деннис вернулся к традициям. Новый прототип стал шедевром. Практически палатка. За основу взята модель британского зонтика – традиционного аксессуара банкиров. Шон был тронут, когда я подарила ему один такой, как будто я заказала этот зонтик в единственном экземпляре специально для него. Только когда мы стали жить вместе, он вычислил, что у меня дюжина таких зонтиков, бесплатных; они остались после какого-то мероприятия со знаменитостями, на котором “Деннис Найлон” устроил первоклассную промо-акцию. На этих вечеринках всегда столько работы! И вечно какая-нибудь дива пыталась получить от моего помощника особенные туфли, которые мы не выпускаем. “Деннис Найлон” продал сотню тысяч таких зонтиков, главным образом в Японии.

Как бы то ни было, я пригласила эту сверхтревожную маму – “Привет, я мама Майлза, меня зовут Стефани”, сказала она – разделить со мной мой дизайнерский гигантский зонтик, украшенный плавающими уточками. Этот зонтик был создан для Стефани – вот для кого он был создан. Как обычно, Деннис гениально ошибся с таргет-группой бренда.

Со стороны казалось, что мой круизный лайнер взял на буксир плот жизни Стефани, болтавшийся в кишасе акулами море. Поделиться со Стефани зонтиком было все равно что пригласить восторженного щенка угоститься жратвой из твоей тарелки.

Я подарила ей зонтик, потому что хотела, чтобы она чувствовала себя особенной, избранной. Я сказала ей, что Деннис изготовил зонтик в единственном экземпляре. Потом, когда мы приехали ко мне, я увидела, как она глазеет на другие зонтики, и прозвучал тревожный звонок. Дорогая, сказала я себе, позаботься о том, чтобы твоя история – твои *истории* – впредь выглядели правдоподобно. И я заботилась, с того самого дня.

Ники и Майлз дружили. Стефани предположила, что я об этом знаю. Иначе, в этом снобском Коннектикуте, я никогда бы не помахала ей.

Я знала, что у Ники есть друг по имени Майлз. Но об этом мы с Ники

не особенно много говорили. У нас не было времени. Часто он засыпал еще до того, как я возвращалась домой, его кормила и укладывала Элисон. А Шону случалось не видеть Ники целую неделю.

Кое-какие соображения стояли за нашим планом. Или за частью нашего плана. Соображение первое: я хочу видеть своего сына. Соображение второе: мне нужно что-нибудь рискованное и нескучное. Соображение третье: кто откажется немного развлечься – и получить за это два миллиона долларов?

Я пригласила Стефани и Майлза к нам домой. Я знала, что Шон вернется с работы поздно, хотя была пятница. Мальчишки убежали играть, взбудораженные тем, что они вместе.

Я не много помню из нашего первого разговора. Вероятно, я соглашалась со всем, что говорила Стефани. Да, материнство предъявляет множество требований. Да, оно включает в себя все. Да, эмоции и ответственность становятся абсолютной неожиданностью. Шок. Награда. Кошмар. Радость.

Я кивала, кивала.

Стефани была в экстазе. Она обрела родственную душу. А я обрела помощника фокусника. Он-то и воткнет шпагу в ящик, из которого загадочным образом исчезла хорошенькая ассистентка.

* * *

Несколько лет назад Пэм, креативный директор “Деннис Найлон Инкорпорейтед”, проводила модную съемку. Предполагалось, что профессиональные игроки в покер, парни из телевизора, сфотографируются в костюмах в обтяжку, которые Деннис показывал в том году. Легкие, чуть гангстерские, с угольно-черным блеском костюмы.

Пэм не продумала съемку. Чемпионы по покеру носили странные размеры. Толстые ковбои, корпулентные ребята из Гонконга. Эксцентричные математики, которые в любой одежде выглядят отстойно.

Только один парень там заводил – знаменитый игрок, которого все звали Джорджем Клуни, хотя он не был Джорджем Клуни, а просто был похож на него. С ним пришла подружка Нельда, панк-звезда восьмидесятых, тоже серьезный игрок, она могла выиграть или проиграть тридцать тысяч за одну игру и вернуться на следующий вечер.

Съемка оказалась проблемной, и под конец стало ясно, что обошлась она в целое состояние, но очень возможно, что толку от нее не будет. Идея

была классная, но на всех, кроме Джорджа Клуни, костюмы сидели, как вытасщенные из помойного бака. Съемка оказалась сложной и дорогой. Она стоила бедной Пэм работы.

После съемки я пригласила Джорджа Клуни и Нельду выпить. Выпить за счет Денниса Найлона – просто чтобы извиниться за плохо удавшийся день. Я делала что могла, пытаюсь (безуспешно) спасти положение ради Пэм.

Джордж Клуни и Нельда не хотели идти. Особенно когда узнали, что Деннис Найлон к нам не присоединится. Но они не сумели быстро придумать отговорку. Поблизости был симпатичный, знакомый мне текила-бар, и очень скоро Джордж Клуни и Нельда уже рассказывали мне про покер.

Как бы мне хотелось вспомнить все, что они говорили! Все эти мелкие трюки и техники так полезны в повседневной жизни. А запомнила я вот что.

Когда идет игра с высокими ставками, среди игроков всегда бывает человек, которого другие называют “рыба”. И к концу игры рыба потеряет все свои деньги. Джордж Клуни сказал:

– Если не знать, кто рыба, то очень вероятно, что *ты и есть* эта рыба.

Стефани была рыбой. Ни при каких обстоятельствах я не хотела бы дружить с человеком, который пишет в блоге о том, как ей хочется установить контакт с мамами-единомышленницами.

В тот, первый, раз я рассказывала о своей работе. Стефани рассказывала о своем блоге. Я сказала, что читаю его с энтузиазмом. Круг для Стефани замкнулся. Мы не были подругами только потому, что у нас дети. Каждая из нас имела свое мнение, свою карьеру. Мы работали. Мы восхищались профессиональной жизнью друг друга.

Я знала, как овдовела Стефани. Невозможно жить в нашем городишке и не услышать о той чудовищной аварии. Но лучше было сделать вид, что я этого не знаю, подождать, пока она сама мне расскажет.

* * *

Именно блог все и решил. Эти банальные, скучные посты о том, как стать безупречной мамой и протянуть руку помощи другим мамам, изредка – отступление, предложение поразмыслить о попытках культуры превратить мам в машины по рождению и воспитанию детей, без собственной жизни или интересов. Сюрприз, *дорогие мамы!* Это уже

произошло!

Блог утешал. Я могла оставить мужа и сына на Стефани, не опасаясь, что они поведутся на такую чепуху. Смешно.

Шутка за мой счет, как говорится.

Всем нам хочется того, чего у нас нет. Стефани завидовала моей карьере у Денниса Найлона, хотя не потянула бы ее. Я хотела – или думала, что хотела – только одного: сидеть дома с Ники. С кучей денег, в каком-нибудь роскошном месте. И не работать. Я хотела рисковать, хотела, чтобы меня ловили – но не поймали. Со скукой я разберусь потом. Если я не буду сидеть на одном месте, мы с Ники всегда сможем решить эту задачу.

Стефани льстила себе, если думала, что сможет выполнять мою работу. Со своей вечной болтовней о Майлзе она и пяти минут не удержалась бы в “Деннисе Найлоне”. Там никто не хотел слышать о детях. Сначала никто не состоял в браке – или потому, что гей, или, если натурал, потому что молодой и пугливый. Потом у гомосексуальных пар стало больше детей, чем у боязливых натуралов. Время от времени кто-нибудь на работе спрашивал меня, как Ники, но не часто, а Деннис о Ники и слышать не хотел. Вообще.

На бумаге мы были друзьями детей. Но это не означало друзья-друзья. Когда Деннис нанимал меня, Ники еще не было на свете. Не уверена, что он взял бы меня на работу, будь у меня ребенок. Каждый раз, когда я упоминала о Ники, Деннис замыкался, и я переводила разговор на то, какой он видит свою следующую коллекцию. Деннис черпал силы в том, чтобы быть гением, и внимание включал и выключал, как кран.

Если бы мне понадобился кто-то, кто позаботился бы о Ники, пока меня нет, Мама-Кэп была бы вне конкуренции. За такую заботу о детях платить невозможно. Кто мог предвидеть, что Стефани решит, что в ее обязанности входит спать с моим мужем?

Вообще-то мне следовало это предвидеть. Сначала я считала блог Стефани абсолютно безобидным, всякая ерунда про “сохраним планету зеленой”. Но когда я узнала ее поближе, мне стало интересно наблюдать за разницей между женщиной, которой Стефани притворялась в своем блоге, и человеком, которым она была на самом деле. Читая блог Стефани, представляешь себе образец респектабельности, лучшую и самую честную из когда-либо существовавших мам. А на самом деле эта женщина имела долгую любовную связь с собственным единокровным братом и, возможно, несла ответственность за самоубийство мужа.

Я увидела то, что хотела видеть. А надо было увидеть в ее лжи предостережение.

Конечно, Стефани не стала выбалтывать мне свои секреты сразу же. Но она всегда намекала, что есть кое-что еще, кое-что темное в ее истории – может быть, немного извращенское, что-то, что удержало бы мой интерес в случае, если я вдруг отвлекусь от волнующего вопроса о том, насколько мальчикам нравится их учительница, или от повести о том, как трудно заставить Майлза быть вегетарианцем.

Тайны Стефани были ее капиталом. В самом начале наши диалоги напоминали игру-угадайку. Стефани намекала, что у нее есть тайны, а я должна была манипуляциями принудить ее выдать их мне. Или хотя бы – о чем они. Вранье. Стефани *хотела* рассказать мне все. Просто не могла дождаться.

Я знала, как погибли ее муж и брат, но сделала вид, что не знаю. Это была такая грустная история, что я плакала. Настоящими слезами. Это для нее много значило, потому что она считала меня замкнутой, даже холодной, хотя я изо всех сил, со сверхурочными, старалась выглядеть уютной и теплой.

После того как мы поплакали вместе, Стефани сказала: как прекрасно, когда у тебя есть друг, лучший друг, как когда мы были подростками.

На это мне трудно было ответить. Не на такой эффект я рассчитывала. Стефани была так уверена, что знает, кто я такая и что я чувствую на ее счет, что никогда не интересовалась узнать правду.

Стефани была слабой, но настырной и пробивной в своей слабости. Она хотела, чтобы мы остались лучшими друзьями навсегда. Словно мы *были* девочками-подростками. Она изучала меня: мою одежду, мой стиль. Как я разговариваю с Ники. Лестно, когда кто-то хочет быть тобой, даже если у тебя от этого мороз по коже. “Одинокая белая женщина” – один из самых страшных фильмов.

Мы с Шоном напоминали друг другу: все это ради Ники.

Мне не требовался лучший друг. Мне нужен был свидетель, подтверждающий мою репутацию, и временная нянька для моего сына.

Стефани изливала мне свое сердце. Словно я священник, его преподобие, раввин или психотерапевт. Не сразу найдешь с ответом, когда мама лучшего друга твоего сына рассказывает тебе о своих любовных отношениях с единокровным братом. Об отношениях, которые длились с тех пор, как она в восемнадцать лет познакомилась с ним, и до самой его гибели – и которые, возможно, заставили ее мужа убить себя и любовника

своей жены. Своего шурина.

- Ничего себе! – вот все, что я могла сказать.
- И правда “ничего себе”, – согласилась Стефани.

* * *

Какой тайной могла я заплатить Стефани за ее тайну? Разве не так – предположительно – работает дружба? Я жаловалась на Шона, на то, каким утомительным оказался визит к его матери в Англию. Я рассказывала, какой он фантастический любовник. Я жаловалась, как тяжело я работаю. Жаловалась, что Шон думает, будто умнее меня, что он не признает, как много я делаю. Все это было правдой, но я не могла открыть ей главный секрет, состоявший в том, что все это – каждый разговор, каждый бокал белого вина, выпитый в ее компании после школы, жирный гамбургер и партия в мини-гольф – было частью плана, который мы с Шоном проводили в жизнь.

Не уверена, что Стефани вообще слушала. Ей нужно было поговорить, намекнуть, что есть нечто большее, чем она мне рассказывает, нечто более темное, о чем она умалчивает. Морковка на палке моей фальшивой дружбы со Стефани.

Она выбрала странное место, чтобы выложить мне тот последний великий секрет, который, правду сказать, я уже учуяла и ожидала.

Была августовская суббота. Шон работал в городе. Мы со Стефани решили свозить мальчишек на окружную ярмарку. Я сказала себе, что там может быть весело: цыплята славных в прошлом пород, поросята-призеры, отменно вкусные маринованные огурчики. Мальчикам наверняка понравятся деревенские животные, сладкая вата и карусель.

Но день выдался ужасно жарким. На пыльных площадках нечем было дышать. Везде жарили луковые “цветы” и (новинка этого года) печенье “Орео”. Из-за этого сладковатого чада мне казалось, что я или упаду в обморок, или меня вырвет.

Пока мальчики бежали впереди нас, не пропадая из виду, мы со Стефани задавались вопросом: какая мать в здравом уме позволит своему ребенку прокатиться на этих изношенных, дряхлых “русских горках”? Я бы очень хотела прокатиться, но не рискнула сказать об этом.

Единственным аттракционом, на который мальчиков не страшно было отправить одних и который они не считали оскорбительно детским, были машинки в виде маленьких подводных лодок. Прикрепленные к

центральному столбу, они медленно поворачивались, слегка поднимаясь в воздухе и мягко скользя к водоему под ними. Аттракцион для малышни.

Он выглядел абсолютно безопасным, но я все же удивилась, что не в меру беспокоящаяся о своем чаде, невротичная Стефани разрешила Майлзу прокатиться. Опершись на ограду, окружавшую аттракцион, мы с ней смотрели, как наши мальчики поворачиваются и ныряют. Я спрашивала себя, помнит ли Стефани “Незнакомцев в поезде”. Я заставила ее посмотреть фильм. Сцена с каруселью чрезвычайно растрожила ее. Вряд ли Стефани дочитала книгу, хотя делала вид, что дочитала.

– Посмотри на Майлза, – сказала Стефани. – Посмотри, когда он будет поближе.

– А что с ним?

– Присмотрись как следует. Помнишь, я показывала тебе фотографии своего брата Криса?

– Конечно.

Я припомнила: темноволосый, красивый, мускулистый парень в белой футболке и джинсах. Настороженный перед камерой, слегка подозрительный. Я понимала, почему Стефани так тянуло к нему, потому что видела и фотографии ее мужа Дэвиса. Брат был на порядок привлекательнее. Помню, как она показывала мне его фотографию вместе со свадебным фото ее родителей, подчеркивая сходство между ее отцом и сводным братом. Между ее матерью и ею самой.

– Я хочу рассказать тебе кое-что, чего я никому никогда не говорила, – сказала Стефани.

Она часто начинала диалог таким образом. Иные из ее историй оказывались весьма яркими – про любовную связь с братом, – а другие “тайны” казались столь незначительными, что я тут же забывала их.

Майлз и Ники проплывали мимо в своих маленьких субмаринах. Они улыбались и махали руками, и мы улыбались и махали руками в ответ.

Я думала о той сцене из хичкоковского фильма. Карусель крутится все быстрее, все больше выходит из-под контроля, пока Фарли Грэнджер и Роберт Уокер дерутся не на жизнь, а на смерть. Единственный человек, который знает, как ее остановить, – это маленький старичок, который и подползает под карусель. Смотреть, как он подвергает себя опасности, гораздо страшнее и более тревожно-захватывающе, чем на драку.

А что мы, если Майлз и Ники начнут крутиться все быстрее? Кто поползет под карусель, чтобы спасти наших мальчиков? Девочка-билетерша обменивалась с кем-то смс. Я осознала, что у меня в голове мысли Стефани. Ты Эмили, напомнила я себе. А не она.

Я обошла Стефани с другой стороны и включила изящный диктофон, который начала носить в кармане ради подобных моментов.

На субмариновом аттракционе крутили классику диско, но не очень громко. Билетерша убавила звук, на случай, если ей будут звонить.

– Я вполне уверена, что отец Майлза – мой сводный брат Крис, – объявила Стефани. – Привет, милый! – крикнула она Майлзу, а я помахала Ники.

– Почему ты так думаешь? – спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно. – Стефани, ты уверена в этом или нет?

– Уверена. Дэвис был в отъезде. На каком-то объекте в Техасе. Крис приехал. Майлз похож именно на Криса. Он совсем не похож на Дэвиса. Мать Дэвиса говорит, что вообще не видит во внуке ни единого своего гена.

Я знала, что Стефани скажет это. Я долго ждала. И все же, слушая, как она в этом признается, я испытала шок.

– Майлз похож на тебя, – сказала я.

– Думаешь, люди что-то подозревают?

– Конечно, нет.

Никто бы не стал ничего вычислять. Уж точно не учителя Майлза. Может быть – сам Майлз, позже, когда попросит посмотреть фотографии отца и дяди. Никто, за исключением твоего покойного мужа, подумала я. Но говорить это вслух я не собиралась.

– Эмили, ты хорошо меня знаешь. Я так тебя люблю. Как хорошо сказать кому-нибудь, не держать это в себе. Я отвратительна?

Субмарины снова пошли по кругу, и казалось, что Майлз и Ники соскользнули в транс.

– Мальчики просто чудесны, – сказала я, словно отвечая на вопрос Стефани. Пусть думает, что это и есть ответ.

До конца аттракциона оставалось два или три круга. Теперь уже нервничая, Стефани заговорила быстро:

– Я не могу отвести Майлза к врачу, не ощущая себя лгуньей и мошенницей. Когда меня спрашивают об анамнезе с отцовской стороны, я делаю вид, что речь о Дэвисе. Разумеется, я молчу о том, что его отец – мой единокровный брат.

Карусель замедлилась и остановилась. Мальчики вышли. Они хотели рассказать, как классно покатались. Едва ли в такой момент можно было дожать Стефани насчет того, кто отец ее сына.

Я не могла поверить, что кто-нибудь способен признаться в подобном. Такая информация дает другому столько власти над тобой! Власти, которую можно использовать как угодно. Стефани всегда говорила: невозможно

узнать другого по-настоящему. Но думала, что знает меня – и что мне можно доверять. Вот тут она ошибалась. Стефани предпочла забыть, чем я зарабатывала на жизнь: я контролировала информацию. Крутила и использовала ее наиболее выгодным образом.

Через несколько дней, в постели, я прокрутила Шону запись того, что Стефани сказала мне на ярмарке. Он сказал:

– Неудивительно, что она вечно как будто боится, что ее арестуют.

Был ли это намек на то, что мой муж находит ее привлекательной? Я думаю, нет. Я думала, нет. Еще одна шутка за мой счет.

* * *

Один момент я не проработала: как заставить всех поверить, что я действительно умерла. Тогда бы нам не пришлось ждать целую вечность, чтобы забрать страховочные деньги.

Решение явилось само. Оно свалилось мне в руки – и я поняла, что пора двигаться. Шон наконец поумнел настолько, чтобы не спрашивать, что это за решение. Он действовал эффективнее, не будучи в курсе.

Сложилось бы все по-другому, если бы он безоговорочно поверил моим словам: *“Ни при каких обстоятельствах не верь, что я умерла”*? Может, он не стал бы спать со Стефани. А мне не пришлось бы, на взводе, шпионить за ними из рощицы за моим собственным домом.

Стефани не смотрит на Шона так, словно опасается ареста. Ей бы следовало ощущать себя виновной – больше, чем когда-либо. Но она смотрит на моего мужа как на бога, как на владельца поместья, который спустился на кухню, чтобы заняться любовью с ополоумевшей от страсти кухаркой.

Одним из моментов, заставившим меня выбрать Стефани нашей рыбой, была ее идея фикс “кормить сына полезной едой”. Слушать эти разговоры было почти невыносимо, но я собиралась оставить Ники с ней, и мне нравилось, что она не позволит Ники питаться одними крашенными в конфетные цвета хлопьями, картошкой фри и дешевыми бургерами.

Я и не ожидала, что во мне вспыхнет такой гнев, когда я увижу ее в своей кухне. Когда я увижу, как она счастлива, как (словечко Стефани) *удовлетворена*.

Как смиряющую гнев молитву я повторяю: она кормит моего ребенка. Гораздо больше я бы огорчалась, заикливаясь на том, что она делает для моего мужа.

Знает ли Стефани, что Шону известно, кто отец Майлза? Сомневаюсь. Она верит, что делает Шона счастливее, делает Ники менее несчастным, заполняя пустоту после смерти своей лучшей подруги. Она добрая самаритянка. Воображает, что я поблагодарила бы ее, если бы узнала. Если бы я была жива.

Стефани столь же прозрачна, сколь Шон оказался мутным. Что он делает с ней? Это знает только он. Я спрашиваю себя: *кто* этот парень, что подкрадывается сзади к моей лучшей “подруге”, когда она моет посуду, тычется носом ей в затылок и ведет себя так, будто они занялись бы сексом на разделочном столе, если бы не дети в соседней комнате? Как тут не прийти в ярость? Неужели Шон влюблен в нее? Он сошел с ума? По моему мнению, это одно и то же.

Мы договорились, что шесть месяцев не будем выходить на связь друг с другом. К тому времени интерес к нашему случаю должен будет утихнуть. Шесть месяцев я буду мертва. Самоубийство, подумают некоторые. Несчастный случай в алкогольно-наркотическом дурмане, будут настаивать адвокаты Шона. И они одержат победу.

Но наша разлука предполагалась не навсегда. Не предполагалось, что мы найдем кого-то еще. Это *серьезное* отступление от нашего плана, и оно меняет все.

* * *

Преимущество работы в модной индустрии – это что всем там лет по пятнадцать. Эти люди горды, что знают, как пользоваться одноразовым мобильником, как открыть поддельную кредитку, как оставить ложный электронный адрес или добыть фальшивое удостоверение личности: навыки, подразумевающие, что в Нью-Йорке одинокий молодой человек – потенциальный уголовный элемент. Возмутитель спокойствия. Если сами они не знают, как сделать что-нибудь незаконное, то знают кого-нибудь, кто знает кого-нибудь, кто знает, особенно в Бушуике.

Мы сделали паспорт для Ники. Я сделала себе поддельный паспорт – на время, когда он мне понадобится. Надела парик и очки, изменила внешность для фотографии. Я собиралась носить эту внешность, когда мы будем перебираться в другое место. Я сфотографировалась. Снять парик, очки и вернуться к своему “естественному” виду заняло у меня около десяти секунд. Какое облегчение – снова выглядеть самой собой.

Мы с Шоном выдали друг другу аффидевит, разрешающий супругу

покинуть страну одному с Ники. Я собиралась стать незнакомкой, которую Шон встретит в Европе и на которой женится после приличествующего периода траура по своей жене – по мне. И мы станем жить на страховку за гибель от несчастного случая его первой жены. Опять же – меня. Посторонние сочтут нас четой симпатичных, богатых и независимых американских экспатов.

Я сказала ребятам на работе, что завела интрижку и мне требуется фальшивое удостоверение личности, чтобы бронировать гостиничные номера. Им страшно понравилось, что среднего возраста глава пиар-отдела, проживающая в буржуазном пригороде супермама наставляет рога своему трудяге-англичанину. Они с восторгом взялись помогать. Поклялись держать рот на замке. Я опасалась, что ребята станут болтать, но они молчали. Им понравилось. Тайна, романтика.

Когда пришло известие о моей смерти, они искренне опечалились. Но им все же нравилось знать главный секрет. Нравилось, что о моей интрижке известно только им. Они полагали – мой тайный роман имел некое отношение к таблеткам и алкоголю, самоубийству или несчастному случаю. Какая трагедия.

Я продумала, как буду скрываться. Какое-то время я оставалась в нашем озерном домике в Северном Мичигане. Потом бросила арендованную машину в лесу и взяла мамину. Перебралась в дом в Адирондакских горах, принадлежащий друзьям родителей. Я ездила туда в детстве. И знала, что он должен пустовать. Я даже знала, где ключи. Ни в озерном домике, ни в горном не было ни телевизора, ни интернета. Как же здорово было пропасть с радаров. Считается, что это тяжело, но мне понравилось. Я не скучала ни по чему из своей жизни – кроме Ники.

Лишь позже я начала читать блог Стефани и составила представление о происходящем. Что делают они с Шоном. Как поживает Ники, или как другая женщина *думает*, как он поживает.

Я испытала, мягко говоря, потрясение. Мне понадобилось некоторое время, чтобы признать: я должна была это предусмотреть.

* * *

Все это затевалось ради Ники. Я не могла оставаться в стороне. Не могла не видеть его. Я слишком тосковала по нему.

В виде исключения я не соврала, когда согласилась со Стефани: материнство бывает шоком. Вся сила моей любви к этому малышу

вырвалась на волю, как только я взяла его на руки. Мне повезло, я знаю. Некоторым женщинам требуется больше времени. Даже сейчас, когда я смотрю кадры о рождении, любом рождении, у меня слезы на глазах. А я не плакса и не склонна к сантиментам.

Стать матерью – это как удар по голове. Весь дурацкий блог Стефани, я полагаю, можно было свести к этой фразе.

Когда я скрывалась, делая вид, что умерла, я мечтала увидеть Ники. Думала о нем все время. Мне хотелось знать, что он сейчас делает.

В какой-то момент я поняла, что не проживу больше и дня, если не увижу сына. Не знаю, с чего я вообразила, что перенесу разлуку с ним. Безумием было и пытаться. Остаться без Ники на полгода – все равно что остаться без руки. Без сердца. Я заметила, что к Шону ничего подобного не испытываю – и это еще до того, когда я узнала про него и Стефани.

Я заняла позицию возле школьного двора, где ребята играли во время перемен. Убедилась, что Ники видел меня, а учителя – нет. Даже просто увидеть его было чистой радостью. Я помахала ему. Прижала палец к губам. То, что я жива, было нашим маленьким секретом.

* * *

Я решила остановиться где-нибудь поблизости. Главным образом потому, что не видеть Ники было невыносимо.

Я зарегистрировалась в мотеле “Хоспитэлиты съютс” в Данбери. Я рисковала, обосновываясь так близко к дому, ведь предполагалось, что я мертва. Но оно того стоило: я имела возможность видеть сына. К тому же мне нравилось рисковать. Это мне нравилось больше всего.

Существовала вероятность, маленькая вероятность, что я ставлю наш план под удар. За исключением того, что теперь это был *мой* план. Тот план был весь ради Ники.

Я сказала служащему, что да, я согласна заплатить дополнительные деньги его крохоборской корпорации вымогателей за интернет. Я вышла в Сеть, ввела пароль и начала читать блог Стефани: все посты, которые я пропустила с тех пор, как оставила Ники у нее дома.

Читая посты тех дней, когда я не явилась за Ники, я думала: вот Стефани как она есть. Бедняжка потрясена. Так трогательно было читать ее мольбы к замотанным, сидящим каждая в своем углу матерям. Как будто этим перегруженным домашними делами женщинам нечего больше делать, кроме как курсировать по улицам, разыскивая пропавшую подругу

Стефани, которую она не в состоянии даже описать. Можно подумать, они недостаточно заняты сменой подгузников, поджариванием сыра и наполнением поильничков молоком.

Мне было любопытно, что скажет Стефани по поводу моего исчезновения. Ее теории, ее анализ моего характера и мотивов, ее стенания о нашей потерянной дружбе. И все это время она планировала соблазнить моего мужа и попытаться занять мое место. Как будто она в состоянии занять мое место.

Я никогда их не прощу.

Я никак не могла предвидеть, что Шон и Стефани сблизятся настолько. Теперь мне приходится наблюдать за ними, держать их в поле зрения – пока я не решу, что делать дальше.

* * *

Во времена нашей дружбы я читала блог Стефани, уделяя достаточно внимания темам (материнство и она, в основном она), о которых она писала. Но ее чушь – не то, что я хотела бы читать. Самообман, поза. Глупость видеть свое дитя центром Вселенной.

Только прочитав ее посты про Шона, я разозлилась по-настоящему. Корыстное бредовое вранье! Это мой муж! Мой сын, с которым она пытается заместить меня, от которого она хочет, чтобы он меня забыл. Я выбрала Стефани, потому что думала: она тот, кто позаботится о Ники, а не тот, кто захочет еще одного ребенка. Она вроде тех печальных безумиц, которые крадут новорожденных в родильных отделениях. Хочешь ребенка – возьми чьего-нибудь. Но Стефани не сумасшедшая. А ребенок, которого она пыталась украсть, был мой.

* * *

Мне нравится “Хоспитэлиты съютс”. Чисто, мягкий бежевый декор умиротворяет. Я смирилась с невыведенными пятнами на ковре. Простыни и покрывала чистые. Никакого скверного запаха, и все на своем месте. Тихо; здесь я чувствую себя в безопасности. Ни одного минуса, которыми страдают мотели. Мне не приходится изобретать, чем заменить пробку в ванне. Когда я ездила по делам Денниса Найлона, я останавливалась и в худших гостиницах.

Я часто принимаю ванну. Я купила вполне сносный гель для ванны и шампунь на “Таргете”.

За углом есть неплохой сальвадорский ресторан с пупусой и с хорошим выбором круглосуточный мини-маркет, до которого недалеко идти пешком. Там продают приличные свежие фрукты и рамен, который я могу залить кипятком у себя в номере. Владелец полюбил меня с первого взгляда. Разобрал, что я не собираюсь ненавидеть его за то, что он мусульманин, которым он не является. Со стены над кассой индусский бог-слон благословляет лотерейные билеты.

У меня в номере есть холодильник, а в холле имеется автомат со льдом. Я покупаю бутылку мескаля “премиум” в винном магазине и сок манго в магазине здорового питания. Каждый вечер готовлю коктейль из мескаля и сока манго. Этот рецепт я узнала от Денниса Найлона. Его излюбленный напиток.

Я купила в торговом центре один коктейльный бокал. Люблю пить коктейль и читать. Я заказываю книги на свой айпад. Раньше я никогда не читала Беккета. А он описывает, каково это – быть мной в настоящий момент времени.

Поразительно, как мало я скучаю по своей работе. Это была такая часть моей жизни. Я не скучаю по мерзким сюрпризам, которые окажутся моей ошибкой, хотя я просчитала все, чтобы ее избежать. Я не скучаю ни по наркотическим загулам Денниса, ни по стервозной Бланш. Я даже не скучаю по рабочей суете. К чему бы это – что в мотеле “Хоспитэлиты съютс” в Данбери я счастливее, чем в Милане или Париже, представляя “Деннис Найлон Инкорпорейтед”?

Телевизор в мотеле работает довольно хорошо, хотя кабельных каналов и не ловит. Несколько передач мне нравятся. Состязания поваров. Про людей, которые выбирают домики на пляжах или строят крошечные дачи-прицепы, в которых супруги или рассорятся, или убьют друг друга. Еще смешнее смотреть на них поодиночке. Я просто наслаждаюсь ими и переключая скучные разговоры о том, как эти люди начинают новую жизнь – так почему мы не можем? Ну и шутка! Вот я мертва – и Шон начал новую жизнь без меня.

Удержит ли он деньги, если я останусь “смертью от несчастного случая”? Мертвая женщина не сможет заботиться о Ники, так что необходимо что-нибудь будет сделать.

В местных новостях передают в основном про дорожные аварии, про домашнее насилие и организованную преступность в Ньюбурге, Хартфорде и далее по Новой Англии, в зависимости от того, сколько людей

застрелено. Многие репортеры – черные или испанцы. У женщин блестящие, завитые в парикмахерской волосы. В один прекрасный день я выхожу в интернет и читаю блог Стефани – как ей живется с Ники, Майлзом и Шоном. Счастливая, здоровая гармоничная семейка Брейди из старого телесериала. Одно это уже приводит меня в ярость. Тот факт, что я хочу знать, что она пишет. Что мне есть до этого дело.

Когда мы были “друзьями”, я читала ее блог только потому, что она настаивала.

* * *

Две ночи спустя я позвонила Стефани – просто чтобы присмотреть за ней, дать ей понять, что я здесь, и обнаружила в ее блоге этот пост.

Блог Стефани

Загробная жизнь

Мамы, привет!

Кто-нибудь из вас подумает, что я окончательно сбрендила. Вы подумаете, что печальные, изменившие жизнь события последних месяцев свели Стефани с ума.

Все, что я могу сказать: я все еще здесь. Несмотря ни на что, это все еще я. Стефани. Мама Майлза.

Сегодня я хочу написать о том, что обсуждают только в воскресной школе или в церкви. Когда кто-нибудь говорит “хвала небесам” или “ну тебя к чертям”, он не думает, что небеса или у чертей – это места, куда мы можем перенестись. Этот предмет не всплывает в качестве темы для беседы за бокалом вина, во время званых ужинов или за чашкой кофе.

Загробная жизнь.

Даже если мы в жизни близко не подходили ни к церкви, ни к синагоге, ни к мечети, большинство из нас замечает, насколько рождение ребенка одухотворяет человека. Майлз сказал мне, что когда мы умрем, мы все соберемся на большом счастливом облаке. Приятно думать о загробной жизни как о счастливом облаке. Но взрослые едва ли спросят: как *по-твоему*, куда уходят наши любимые? Эта тема еще менее обсуждаема, чем секс или деньги.

Мертвые – рядом с нами? Могут ли они слышать нас? Отвечают ли на наши молитвы? Приходят ли в наши сны? Я много думала над этим, спрашивая себя, где сейчас Эмили. Я спрашивала себя, что бы я ей сказала, если бы она могла услышать меня.

Так что в своем блоге я хочу произвести небольшой эксперимент, пойти немного... дальше обычного.

Я собираюсь писать, словно обращаясь к своей погибшей подруге. Как если бы она могла читать мой блог. Надеюсь, эти записи окажутся целительными для меня. Я призываю вас, мамы, писать письма кому-то, кто ушел, но с кем вы еще хотите

поговорить.

Ну что ж, начнем.

Дорогая Эмили, где бы ты ни была

Дорогая Эмили!

Не знаю, как начать. Как сейчас пишут в электронных письмах? Надеюсь, это письмо застанет тебя в добром здравии!

Надеюсь, это письмо застанет тебя в умиротворении.

Я уверена: если бы ты могла читать мой блог, первым делом захотела бы узнать, как Ники. Его жизнь вполне благополучна. Конечно, ему не хватает мамы. Нам всем не хватает тебя больше, чем мы можем выразить словами. Он знает, что ты навсегда останешься его мамой. Что никто никогда тебя не заменит. Но он больше не плачет каждую ночь, как плакал раньше. Я знаю, тебе бы не хотелось, чтобы он плакал.

Правда?

Иногда я надеюсь, что мертвые с нами, среди нас, что Дэвис, Крис и ты – и мои родители – у меня за плечом, присматривают за мной, помогают, дают мне советы, даже если я этого не знаю. А иногда я надеюсь, что они избежали боли видеть, как жизнь продолжается без них.

Я знаю, дорогая Эмили, тебе было бы больно видеть, как я готовлю на твоей кухне. Но я хочу, чтобы ты знала: я готовлю самую вкусную и полезную еду для твоего сына. Я никогда не смогу занять твое место. Все, что я могу сделать, – это любить людей, которых любила ты, и пытаться сделать их жизнь лучше.

Чего, я знаю, и тебе хотелось бы, если ты любила их.

Покойся с миром, моя дорогая лучшая подруга.

Твоя подруга навсегда, Стефани

Что думаете, мамы? Пишите сюда свои собственные письма, с комментариями и замечаниями. И как всегда – спасибо вам за ваши любовь и поддержку.

С любовью,

Стефани

Вот ведь шантажистка, сука лживая! Я с такой силой захлопнула крышку ноутбука, что испугалась, что сломала его. С облегчением увидела, снова открыв, что фон – селфи Ники, которое он сделал, таращась в мой компьютер – на месте.

Безмозглая потаскуха. Она знает, что я не умерла. Знает, что я наблюдаю за ней. И не с небес. Даже она не настолько идиотка, чтобы считать, что обращается в своем блоге к покойнице. Может, она убедила себя, что мой телефонный звонок ей померещился. Может, попыталась выкинуть его из головы. Но не может. Она знает.

Она не может рассказать *об этом* своим мамашам из блогосферы. Она обращается *ко мне*, на тот случай, если я это читаю. Предположение Стефани, будто я читаю ее блог, меня просто бесит, хотя и куда меньше, чем ее переезд к моему мужу и моему сыну.

Она привыкла думать, что я умерла. Ей понравилась эта мысль. Вот вам и дружба. Вот вам и горе. Я позвонила, чтобы дать ей знать, что жива.

Мой номер обозначился как “не определен”. У Стефани нет никакой возможности дотянуться до меня. Кроме ее блога. Она думает, что ее блог читают все. У меня одной была бы веская причина. Может быть, Стефани хочется, чтобы я *была* мертва. Женщина, которая хочет, чтобы я была мертва, каждый вечер подтыкает одеяльце моему сыну и спит с моим мужем.

И ей хватает наглости писать, что это то, чего я бы хотела? Может, она сошла с ума? Тогда это означает, что моего сына растит сумасшедшая.

Мне больно признавать, что Стефани оказалась права, когда говорила, что невозможно узнать другого человека по-настоящему. Если она хочет поиграть в кошки-мышки... Она может побыть мышкой. Я буду кошкой. Кошка терпелива. Мышь напугана. У мыши есть причина бояться.

Потому что кошка всегда побеждает. Именно кошка получает удовольствие от игры.

Я больше не знаю, что реально, а что нет. На какое-то время мне удалось убедить себя, что телефонный звонок Эмили мне померещился. Это как когда тебя мучает нудная боль, а потом эта боль уходит. Сначала пытаешься забыть о ней. Потом действительно забываешь.

Я всегда знала, что буду наказана за свой роман с Крисом, за то, что обманывала мужа и родила ребенка от единокровного брата. Мне не следовало говорить Эмили, кто отец Майлза. Никому нельзя доверять такое. У меня была дурацкая мысль, что, если я скажу об этом кому-нибудь, это облегчит мне наказание. Я доверилась не тому человеку. И вот наказание пришло.

Если Эмили жива, значит, кто-то знает, что я сделала. Кто-то, кто хочет причинить мне вред.

Я всегда знала, что Эмили умнее меня. Мне стоило вести себя осторожнее. Лучше было умереть от одиночества и тоски по мужчине, чем позволить себе спать с Шоном и переехать в дом Эмили.

Я никто по сравнению с ней. Она наверняка смеется над моими жалкими попытками вызвать ее на связь через мой блог, делая вид, будто я считаю ее мертвой. Только Эмили знает, сколько в моем блоге лжи.

Интересно, много ли она рассказала Шону. Не все, вряд ли она рассказала все. Когда я упоминаю о Крисе, я не вижу, чтобы он по-особому смотрел на меня или изучал Майлза, ища в нем следы вырождения от инцеста и кровосмешения.

Шон, кажется, любит Майлза. Майлза легко любить. А я вырастила в себе любовь к Ники. Любим ли мы с Шоном друг друга? Не хочу думать об этом.

Неужели Эмили не хотела бы этого?

Нет, если она жива. А она жива. Может быть. Вероятно. И я подвергнута наказанию.

Чем я заслужила его? Я только пыталась найти друга, подружиться с матерью друга моего ребенка. Неправильное решение, Стефани!

Что делает Эмили сейчас? Ничего. Она мертва. Или она возле дома? Наблюдает?

Я все представляю себе, как кто-то – следователь – спрашивает меня, почему я сделала то или это, а не се или еще что-нибудь. А я отвечаю: не

знаю. Я больше не знаю, что имеет смысл. Я сосредоточиваюсь на благе Майлза. Но я больше не уверена, что для моего сына лучше жить у мужа моей подруги. Я знаю: Эмили наблюдает за нами.

Я задерживаю занавески, это не помогает. Эмили там, снаружи. Или, может быть, я это вообразила. Всегда есть такая вероятность.

Не знаю, почему я никому об этом не говорю. На самом деле – знаю. Что бы я сказала полиции? Помните, у меня подруга пропала? А вы, ребята, ничего не сделали? Так вот, сейчас я живу с ее мужем. А она может вернуться, и они получают пару миллионов страховки за ее мнимую смерть. Кто мне поверит? Кто я такая? Мама и блогер. Женщин вроде меня во все времена отправляли в психушку. Они видят мертвых, они слышат голоса, они не в силах принять правду, настаивают на своих безумных историях, пока кто-нибудь из опекунской службы не решит, что ребенку будет лучше в приемной семье.

Я боюсь, что, распутывая историю о моей дружбе с Эмили и отношениях с Шоном, полицейские докопаются и до того, кто отец Майлза. У полицейских в руках окажется ложное сообщение о пропаже без вести и, может быть, мошенничество со страховкой, а также эгоцентричная я, и я уверена – они сосредоточатся на возможном случае инцеста.

Как бы то ни было, Эмили может рассчитывать на меня. Я дала ей власть над собой тогда, на ярмарке, когда мы смотрели, как катаются на каруселях Майлз и Ники.

Я не сказала Шону о звонке Эмили. Может быть, на самом деле я не доверяю ему. Я больше не знаю точно, кому доверять. Я доверяю Майлзу. И – довольно часто – Ники.

Я почти уверена: Шон верит, что Эмили умерла. А если она жива, то не пыталась связаться с ним. Или, может быть, пыталась, но он мне не сказал. Если она злится на Шона и меня, то почему обвиняет *меня*? Он был ее мужем. Он *и сейчас* ее муж.

Не представляю себе, как ему сказать. Не могу найти подходящего времени. Я живу с ним – и все же не могу сказать: кажется, звонила твоя умершая жена.

* * *

Я осознаю, что пост, адресованный моей не-умершей подруге, не сработает. Он может ухудшить положение. Но он был приглашением, попыткой разобраться.

Моя входящая почта переполнена историями о призраках. Мамы везде видят мертвецов. Некоторые истории оказались весьма трогательными. Одна была о том, как дух умершей матери принес дочери книжку, которая случайно открылась на истории об умершей матери. Дочь ощутила ободряющее присутствие матери в комнате. Я расплакалась, читая эту историю и думая о собственной матери и об аде, через который она прошла.

Ни в одной из историй не говорилось о мертвеце, который на поверку оказался живым. Какое облегчение!

Больше Эмили не давала о себе знать. И я убедила себя, что она мертва. Какой-то жестокий шутник симитировал ее голос, попадание сто процентов. Может, кто-нибудь с ее работы. Такой звонок поддержки. Зачем кому-нибудь делать что-то подобное? Люди постоянно творят вещи и похуже. Но как звонивший узнал, сколько пальцев я подняла?

Просто угадал – и все.

Не думай об этом, Стефани. Я все еще люблю свою подругу и скучаю по ней. Но правда в том, что лучше пусть она будет мертва, чем наблюдает за мной из рощи. Наблюдает за мной, живущей с ее мужем.

* * *

Второй раз Эмили позвонила, дождавшись, когда я буду одна. Определитель выдал “номер не определен”.

– Я все еще здесь.

– Эмили, где ты?

– То, что я не на небесах, подтверждается тем фактом, что я все еще читаю твой дебильный блог. Обращаться через блог ко мне в загробную жизнь – Стефани, это же верх идиотизма. Ты превзошла саму себя.

– Фррр. – Я изобразила рассерженную кошку. – Тише! Это так не похоже на тебя.

– Откуда тебе знать, что *похоже на меня*? Ты же этого никогда не понимала.

– Почему, – сказала я, – понимала. – Хотя я не была в этом уверена. Нужно было ее осадить. Я набралась храбрости и спросила: – Откуда мне знать, что это действительно ты?

– Слушай очень внимательно, – сказала Эмили.

Потом настала тишина. Я услышала помехи, потом постукивание, словно что-то приставили к телефону. Потом я услышала карусельную

музыку...

Мой собственный голос произнес: “Я хочу рассказать тебе кое-то, чего я никому никогда не говорила...” Я услышала, как признаюсь в том, что Майлз – сын Криса.

Потом диктофон со щелчком выключился.

– В наши дни существуют просто сказочные технологии распознавания голоса, – заметила Эмили. – Чтобы установить подлинность, если понадобится.

– Кому это интересно? – С моей стороны это был блеф.

– Кому угодно. Майлзу, например. Не сейчас, так потом.

– Неужели ты правда это сделаешь? Чего ты хочешь?

– Я хочу Ники, – сказала Эмили. – Можешь взять себе что хочешь, но другое. И держи рот на замке. В виде исключения.

– Да! – сказала я. – Обещаю.

– До скорого. – И Эмили отключилась.

* * *

После этого рывком включился какой-то инстинкт вроде тех, что заставляют животных держаться своей территории. Мне захотелось домой, хотя бы на полдня. Быть не у Шона и Эмили. Мне захотелось в дом, который построили мы с Дэвисом, в котором я жила с Дэвисом и Майлзом и три года с Майлзом после смерти Дэвиса. Я, должно быть, сошла с ума, когда решила, что могу занять место, освободившееся после умершей женщины. Моей так называемой лучшей подруги.

Я сказала себе, что жить вчетвером – лучше для мальчиков. Но это оказалось хуже для меня. Когда я ехала домой, у меня кружилась голова. Дорога, по которой я ездила столько раз, казалась странно незнакомой. Я велела себе сосредоточиться.

И вот наконец он. Мой дом. Совершенно реальный, но как дом из мечты. Как я любила его! Всегда любила. Мне не следовало покидать его.

Я была дома. Газон припорошен снегом. Какое счастье – подняться на крыльцо. Мои ноги ощущали высоту каждой ступеньки, расстояния, расчету которых Дэвис посвятил несколько часов из своей короткой жизни. Мои руки знали, как повернуть ключ в замке, плечи знали, как удерживать дверь открытой, пока я прохожу, даже если в руках у меня пакеты, которых сейчас не было. Я пришла с пустыми руками, как беженка.

Я вошла в кухню. Как мне не хватало ее, как меня тянуло сюда,

готовить для Майлза и себя. Надо сказать Шону. Можно устроить все как-нибудь по-другому, так, чтобы мы могли бывать дома чаще.

Я прошла в гостиную. За какое-нибудь мгновение я вычислила, что не так, что мне мешает.

В гостиной пахло духами Эмили. Нельзя было давать ей ключи от моего дома.

Мамы, привет!

Вот еще одна история о том, как прекрасны наши дети. Они знают гораздо больше того, что, как мы полагаем, они могут знать. Иногда больше, чем знаем мы сами.

Я всегда плохо помнила про дни рождения. Помнила только про дни рождения моих родителей, брата, мужа и Майлза.

Так что я растерялась, когда в начала марта Ники спросил: мы будем в этом году праздновать день рождения моей мамы?

Я сказала Ники: да, конечно. У нас будет торт с одной свечкой.

Я разрешила Ники выбрать торт. Шоколадный с цветами из яркой глазури.

Мы зажгли свечу и произнесли тихую молитву. Мы не пели “С днем рожденья тебя”. Думаю, Ники был этому рад. Вот так дети помогают нам исцелиться.

Если ты читаешь это, моя дорогая Эмили, где бы ты ни была — с днем рождения!

Мы любим тебя.

Стефани

Кто-то помнил про день рождения Эмили. На адрес Шона ей пришла открытка.

В тот день в почтовом ящике, среди счетов, всякого почтового мусора и модных журналов, которые – теперь, когда Эмили ушла – никто даже не читал, оказался конверт, адресованный Эмили Нельсон. Тот же почерк, те же коричневые чернила, как на тех, что я нашла в коричневом конверте в туалетном столике.

Одна из открыток, что Эмили получала от матери каждый год. При взгляде на нее я покрылась мурашками.

Неужели мать Эмили все еще думает, что Эмили жива? Ее сиделка не стала сообщать ей печальное известие? Сочла маму Эмили недостаточно сильной? Или там что-нибудь еще? Неужели остатки материнского инстинкта подсказали старухе, что ее дочь *все еще* жива?

Тем же вечером я показала открытку Шону. Он уставился на нее, разнервничавшись и огорчившись, но изображая непонимание. Он прекрасно знал, что это. Шон сказал:

– Бедная старуха в маразме, она забыла, что Эм умерла. А Бернис не напоминает ей. Думаю, она позволяет миссис Нельсон верить, что ее дочь жива...

На какой-то миг я задумалась, может ли Шон лгать. Раньше он никогда не называл Эмили Эм. Кроме того: Эмили не мертва. Знает ли Шон об этом? Может, они жестоко разыгрывают меня? Была ли я игрушкой в каком-то их зловещем плане, который они выдумали вместе?

То, что я этого не знала и не могла спросить, открыло мне глаза: между Шоном и мной очень мало доверия. Хотя пылу и страсти это не мешало. Не каждую ночь, но достаточно часто, чтобы мы оба хотели оставаться вместе ради этого. Шон не был самым большим любителем обнимашек на планете. Я и не ожидала, что он таковым окажется. Он британец. Он был внимателен ко мне, когда мы занимались любовью, но потом что-то бурчал и отворачивался, словно хотел, чтобы я ушла. В конце концов я объявила:

– Тебе придется сказать мне, если что-то не так. Ты передумал? Скажи мне. Ты хочешь, чтобы я ушла?

– О чем ты, Стефани? – ответил Шон.

Это было хуже, чем если бы он сказал “да”.

* * *

Штамп на конверте не читался, но я смогла разобрать буквы “МИ”. Мичиган. Могла ли Эмили отправить открытку сама? Проявилось ли таким образом намерение заморочить мне голову окончательно? Стояла ли Эмили где-нибудь снаружи, наблюдая нас с нашей свечой и тортом, отмечающих ее день рождения? Без нее. Что она высматривала? Что задумала?

– Я могу вскрыть конверт? – спросила я Шона.

– Конечно. Давай.

Тем же паутинным почерком, коричневыми чернилами на открытке, как всегда, значилось “*Эмили*” и “*От мамы*”.

Если только Эмили не проделала великолепную работу по подделке материнского почерка, она не посылала эту открытку. И зачем ей отправлять себе поздравительную открытку из Мичигана, изобразив, будто открытка послана ее матерью?

Единственное объяснение – ее мать не знает, что Эмили умерла. Что она, как предполагается, умерла. Или ее мать знает что-то, чего не знаю я.

* * *

Я не могла выкинуть открытку из головы. Мысль о ней теперь тоже не давала мне покоя.

Назовите это шестым чувством или как-то еще, но у меня появилась стойкая уверенность, что я все пойму, если только смогу встретиться с матерью Эмили и задать ей несколько вопросов. Мною двигало не любопытство о происхождении Эмили. Я была уверена, что ее мать разрешит загадку, куда скрылась Эмили и зачем, как она исчезла и почему кажется, что она восстала из мертвых. Даже если ее мать не знает, что произошло, она может сказать что-нибудь полезное, отчего все станет ясно. Так ли она больна, как говорил Шон? Она или кто-то помнит о дне рождения Эмили.

Я нашла телефонный номер в интернете. У меня слегка перехватило дыхание, когда на экране появилось: доктор Спенсер Нельсон и миссис Спенсер Нельсон из Блумфилд-Хиллз.

Я позвонила. Дважды. Сначала шли гудки – и все. На второй раз ответила старая женщина с пронзительным голосом:

– Алло?

Я не могла говорить. Женщина сказала:

– Опять дурачитесь, чертята? Я же сказала – меня нет дома.

Я отключилась.

Набрав номер в третий раз, я начала:

– Миссис Нельсон, меня зовут Стефани. Я подруга вашей дочери.

Подруга Эмили.

При нормальных обстоятельствах я бы выразила соболезнование. Но обстоятельства были какими угодно, только не нормальными.

– Никогда не слышала ни о какой Стефани, – сказала женщина. – Как вы сказали, кто вы?

– Подруга Эмили. Ваш внук Ники – лучший друг моего сына.

– О, – меланхолично сказала она. – Верно. Ники.

Значит, у нее один из ее хороших дней.

– Сколько ему сейчас?

– Пять.

– О, – снова сказала она. – Господи боже.

Мое сердце потянулось к ней. Сколько времени прошло с тех пор, как она видела внука? Не знаю, что заставило меня спросить:

– Как вы думаете, можно мне навестить вас?

Я напряглась, ожидая, что старуха повесит трубку или скажет “нет”.

– Когда? – спросила она.

– В следующие выходные.

– В какой день? В какое время? Дайте я загляну в свое расписание.

* * *

Я понимала: Шон не захочет, чтобы я туда ехала. Я выдумала тетушку Кейт, серьезно расхворавшуюся в Чикаго. Спросила Шона, сможет ли он приглядеть за мальчиками; он сказал “да”. И мы оба прекрасно знали, сколько времени я провела с мальчиками в одиночку.

То, что я не могла сказать Шону правды, напомнило мне, что положиться мне не на кого. Я совершенно одна. И все же я доверяла ему в самом важном: позаботиться о моем сыне, если мне понадобится уехать на пару дней.

Я все еще спала с Шоном. Но я не могла сказать ему, что Эмили звонила и терзала меня секретами, известными только ей. Шон сказал бы, что я только делаю всем хуже. Что я не могу взглянуть правде в лицо. Что я отстала от жизни...

Неужели я *сходила с ума*? Воображала всякое? Может быть, я еще не оправилась от шока после исчезновения и смерти своей подруги. Может быть, Шон прав. Может быть, я отказывалась признать реальность смерти Эмили и только делала хуже всем.

Особенно себе.

* * *

Я улетела в Детройт и арендовала машину. Отыскала дом, где жила мать Эмили, – особняк с колоннами и портиком, словно дом из “Унесенных ветром” пересадили на почву Среднего Запада. Там была круговая подъездная дорожка, и разросшийся кустарник скрывал лужайку, покрытую сухими бурыми сорняками.

Старуха, с которой я говорила, оказалась маленькой и согбенной, в кашемировом свитере, в брюках со складками и в дорогих туфлях на каблуках выше, чем я ожидала. Седые волосы аккуратно собраны сзади, ярко-красная помада нанесена профессионально. Старуха немного походила на Эмили, но больше – на Грейс Келли, если бы Грейс Келли дожила до восьмидесяти.

В доме пахло розовой водой. Мать Эмили провела меня в просторную “бабушкину” гостиную, полную хорошей старой мебели и темных рисунков – туманные фигуры в тяжелых рамах.

– Напомните мне, кто вы, – попросила она. – Боюсь, я стала немного забывчивой.

– Стефани, – сказала я. – Подруга Эмили. Мой сын – лучший друг Ники.

– Понимаю. Вам не нужно в туалет?

– Все в порядке, – заверила я. – Я прекрасно себя чувствую. Прекрасно... – залепетала я.

Миссис Нельсон поместилась в кресле, обтянутом розовым бархатом, я присела на край дивана. Диван был неудобный, но в своем роде примечательный. Старомодный, под французский антиквариат, с блестящей шелковой вышивкой. В конфетную полоску – насыщенно-розовый и белый. Ничего похожего Эмили у себя в доме не потерпела бы.

– Мой муж умер, – сообщила мать Эмили.

По крайней мере, она знала, что ее муж умер. Должно быть, сегодня был один из ее *по-настоящему* хороших дней.

– Он работал в автомобильной компании, в отделе по связям с

общественностью. Кто бы подумал, что Эмили тоже пойдет в связи с общественностью? Ведь она видела, что произошло с ее отцом после того, как его в восемьдесят восьмом отстранили от должности!

Она спустила очки на кончик носа, подалась вперед, как птица, клюющая зерно, и в первый раз по-настоящему взглянула на меня.

– Вы понятия не имеете, что произошло в восемьдесят восьмом, правда? – спросила она.

Лучше было говорить правду. Я помотала головой. Мать Эмили сказала:

– Ну разве вы не дура?

Я уже поняла, почему Эмили предпочитала держать ее на расстоянии. Мне стало жаль Эмили. Мать, которая говорит подобное! Потом я вспомнила, что Эмили называла меня дурой, когда звонила в последний раз. Передавала дальше ущерб, постоянно наносимый токсичной матерью. Я часто писала в блоге о людях, которые пытаются заставить мам чувствовать себя дурами. Я уже по горло была сыта тем, что меня обзывают дурой. Или заставляют чувствовать себя дурой. Но я не могла позволить себе среагировать.

Если мама Эмили считает меня дурой, если она сомневается, что я действительно подруга Эмили, она никогда не скажет мне того, что я хочу узнать. А я понятия не имела, что именно мне надо узнать. Я бы поняла, если бы услышала. Я сказала:

– Может быть, хотите посмотреть фотографии Ники?

– Ники?

– Вашего внука.

– Да, конечно, – вежливо согласилась старуха. – Где они?

Я дала ей свой телефон и встала рядом с креслом, листая фотографии Майлза и Ники. Кажется, они привлекли ее внимание. Я не могла понять, хочет ли она, чтобы я остановилась. Потом старуха сказала:

– А который...?

– Ники, – напомнила я.

– Да-да. Ники.

Я указала ей на ее внука.

– Прелесть, – неуверенно произнесла старуха. Я почувствовала облегчение, когда она сказала: – Достаточно. Он такой хорошенький.

Посмотрев на меня, она снова села и сказала:

– Я видела в кино. Мы с вами были в фильме, который я смотрела по телевизору. Вы там хотели посмотреть детские фотографии Эмили. За этим вы и приехали, верно?

– Да. Я бы хотела посмотреть фотографии.

Только произнеся это вслух, я поняла, что так и есть. *Именно* за этим я здесь.

– Не хотите ли чашку чаю? – спросила старуха.

– Нет, спасибо.

– Хорошо. Вряд ли они здесь. Я сейчас вернусь.

Она поднялась и медленно зашаркала прочь из комнаты. До меня донеслось бормотание. Миссис Нельсон и еще какая-то женщина – я предположила, что сиделка.

У меня было несколько минут, чтобы осмотреться. Рояль, драпированный расшитой испанской шалью. Мягкое освещение. Комод с зеркалом и парадный портрет матери Эмили, в вечернем платье, написанный несколько десятилетий назад. Возможно, до рождения Эмили. В голове не укладывалось, что Эмили выросла здесь, хотя я сознавала, что ничего не знаю об этом месте. Эмили никогда не рассказывала о доме, в котором прошло ее детство.

Миссис Нельсон с какой-то смешной злостью пихнула мне альбом. А может, она просто торопилась поскорее снова сесть в кресло.

Альбом походил на тот, в каких люди держат диски. Каждая фотография в отдельном прозрачном кармашке, от которого слегка пахнет пластиком.

Я перелистнула несколько страниц, прежде чем сообразила, что именно вижу.

* * *

На каждой фотографии было по две Эмили. Абсолютно одинаковые маленькие девочки.

Две абсолютно одинаковые Эмили в саду, на пляже, в лесу перед вывеской, гласившей “Национальный парк Йосемити”. Две девочки со светлыми волосами и темными глазами, взрослеющие по мере того, как я переворачивала страницы.

– В чем дело? – спросила миссис Нельсон. – Дорогая, у вас ужасный вид. С вами все в порядке?

Я подумала о фотографии Дианы Арбус на камине у Эмили и вспомнила слова Эмили о том, что это самая ее любимая вещь во всем доме. Миссис Нельсон сказала:

– Напомните мне, которая из них Эмили. Та, с уродливой родинкой под

глазом? Боже мой, я буквально умоляла ее свести эту гадость. Хотя иногда я только по ней их и различала. Разумеется, позже, когда Эвелин была вечно пьяна или под кайфом, различать их стало проще.

– Я не знала, что у Эмили была сестра-близнец, – сказала я. Старуха нахмурилась:

– Как не знали? Вы уверены, что вы подруга моей дочери? Что вам здесь надо? Предупреждаю: у меня тут везде камеры слежения.

Я огляделась. Никаких камер.

– Просто странно, – сказала я. – Она никогда не упоминала...

– Эвелин. Ее сестра.

– Эвелин? А где *она* живет?

– Хороший вопрос, – заметила миссис Нельсон. – Понятия не имею. У Эвелин проблемы. Сколько-то времени она провела в ужасно дорогих реабилитационных клиниках, за которые платил угадайте кто. Время от времени я теряла ее следы, потом оказывалось, что она на улице. Эмили пыталась спасти свою сестру. Пыталась, пыталась. Но, думаю, бросила.

Как могла Эмили ни словом не проговориться, что у нее есть сестра-близнец? Почему держала это в тайне? На какой-то миг я забыла ее лицо. Которая из близнецов она?

Опустив веки, я услышала, как миссис Нельсон спрашивает, не нужно ли мне воды.

– Я в порядке. Мне надо многое обдумать.

– Эмили винила меня в проблемах Эвелин, – сказала старуха. – Но говорю вам – кстати, у вас есть дети?

– Мой сын – друг Ники, – напомнила я.

– Тогда вы поймете. Это не моя вина. Они такими родились, их вряд ли можно изменить. Это известно всем родителям. Я любила девочек одинаково. Проблемы с душевным здоровьем в моей семье наследуются, хотя никому не позволено даже говорить о них. Нельзя было упоминать, что половина наших теток и дядьев сидит в психушке. Да, девочки были совершенно одинаковыми. Одна и та же ДНК! Одни и те же отпечатки пальцев! Но я их никогда не путала. У Эмили была родинка под глазом, а у Эвелин было что-то смешное в верхнем крае ушей.

Я внимательно слушала, и в то же время мое внимание сместилось. Миссис Нельсон – мать. А я не знала, известно ли ей, что одна из ее дочерей мертва.

Одна из ее дочерей. Меня снова как ударило. *У них одинаковые ДНК. Одинаковые отпечатки пальцев.* Возможно, коронер не увидел разницы. Прежде чем тело нашли, оно провело в воде столько времени, что родинка

под глазом и смешные ушки уже не имели значения.

Мой мозг работал на сверхскоростях, выпекая версии, как блины. Эмили убила свою сестру и утопила тело в озере? Спланировала все заранее? Превосходный способ инсценировать собственную смерть...

– Пожалуйста, выпейте воды, – сказала мать Эмили. – Вы совсем скверно выглядите.

– Все нормально, – заверила я ее. – Со мной все в порядке.

Старуха наклонилась вперед, коснулась моего колена и неожиданно заговорщицким тоном произнесла:

– Хотите, расскажу смешное? Когда мой муж был жив, а девочки маленькими, у меня было ощущение, что я должна прятать выпивку. Как будто это я была ребенком. А теперь я могу расслабиться со стаканчиком джина, не дожидаясь вечера, и никто не скажет мне, что я не могу заниматься этим вполне уместным, вполне взрослым делом. Никто мне не запретит! Не желаете присоединиться?

Было два часа дня.

– Нет, благодарю вас, – сказала я. – С вашей стороны было очень любезно пригласить меня.

Только теперь я заметила поднос с графином и двумя стаканчиками на столике возле ее кресла. Миссис Нельсон налила себе полный стаканчик чего-то неразбавленного и неторопливо, с удовольствием выпила.

– Ну вот. Гораздо лучше. На чем я остановилась? Ах да, близнецы. Эмили и Эвелин были ровно настолько причудливы, насколько, говорят, бывают близнецы. Начать с того, что между ними существовала телепатическая связь. Еще детьми они могли просто посмотреть друг на друга – и так общаться. Можете себе представить, что такое растить подобных детей? Эмили доминировала. Она родилась первой. Была на шесть унций тяжелее. Набирала вес быстрее, пошла первая. Эвелин всегда была... меньше и грустнее. Не такая уверенная в себе. Через безумные подростковые годы они прошли в одно и то же время. Вот уж был праздник для их матери, поверьте! Их подростковый бунт продолжался и когда им было за двадцать. Думаю, они шутили грязные шутки с мужчинами, со своими бойфрендами. Они всем нравились. Хорошенькие. Декоративные. Значит, там имели место выпивка и наркотики. Вы уверены, что не хотите глоток вот этого? – Миссис Нельсон предложила мне стаканчик джина.

– Спасибо, нет. Я бы с удовольствием, но я за рулем, мне еще возвращаться в аэропорт.

– Ну хорошо. Вот что я помню. Однажды девочки страшно поссорились на глазах у меня и своего отца. Был праздник. Рождество?

День благодарения? Не могу вспомнить. Мы как-то сумели собраться все в одной комнате. Это произошло незадолго до того, как Эвелин действительно начала опускаться, а Эмили – подниматься.

– Ссора была жестокая. Думаю, из-за мальчика. Не помню. Вряд ли я знала. Девочки ударили друг друга. Это остановило ссору. Полностью. Они разошлись по своим комнатам. На следующий день они поехали в Детройт и сделали себе эти жуткие татуировки. Эти вульгарные браслеты из колючей проволоки. Чтобы помнить: эта рука ударила сестру. Какой-то вздор вроде этого. Обещание, что так они больше никогда не будут ссориться. По-моему, они больше так и не ссорились. По сю пору.

По сю пору. Старуха думала, что они обе живы.

Если только Эмили не передала сестре то, что я говорила ей на ярмарке, то звонила именно Эмили. А на берег вынесло тело Эвелин.

– Где, вы сказали, жила сестра Эмили?

– Последнее, что я слышала, – Сиэтл.

– А точнее, не знаете? – спросила я. – У вас есть адрес?

– Хотела бы я знать. Бернис помогает мне с открытками ко дню рождения. Я недавно отправила одну Эмили в Коннектикут. Но последний адрес Эвелин, какой мы нашли, – это ужасный подозрительный мотель в Сиэтле. Бернис нагуглила, и мы посмотрели. – Она подалась вперед. – А вы, собственно, по какому делу? Напомните, дорогая.

Она произнесла “дорогая”, как ведьма из сказки. Угрожающе-оскорбительно.

– Не знаю, – сказала я. – Простите...

Весь мой визит мне казалось, что у нее в глазницах загораются и гаснут лампочки. Сейчас все снова затянуло тучами. Ночь, ночь. Никого нет дома.

– Я устала, – сказала старуха.

– Простите, я не хотела... спасибо. – Я встала с розово-белого дивана и оглянулась на место, с которого поднялась – не испачкала ли я обивку, не испортила ли. – Очень любезно с вашей стороны было разрешить мне приехать.

– Напомните, зачем вы хотели встретиться со мной?

– Любопытство, – сказала я.

– Кошку сгубило, – отозвалась миссис Нельсон.

Я слышала обертон в ее голосе – как у Эмили. Меня продрал озноб. Я покрылась мурашками. Старуха это заметила. Ей понравилось. Она почти по-девичьи рассмеялась, запрокинув голову. Снова вернулась в настоящее, на несколько мгновений.

– Я ухожу, – сказала я. – Вы хотите, чтобы я... позвала кого-нибудь?

– Она уходит! – объявила миссис Нельсон.

Я услышала шаги. Высокая, все еще красивая женщина лет пятидесяти в темно-синей робе сиделки и со спутанным пучком седых дредов, собранных на затылке, появилась в дверном проеме.

– Это Бернис, – представила ее миссис Нельсон. – А это...

– Стефани, – сказала я. – Рада познакомиться, Бернис.

Бернис с безразличным видом взглянула на меня. Я поняла, что она мониторила беседу своей нанимательницы и одобрила наш разговор или, по крайней мере, не возражала против него. Я пожала руку сначала миссис Нельсон, потом Бернис, сказала “спасибо”.

Бернис проводила меня до двери, мягко закрыла ее за собой, и теперь мы стояли на крыльце. Я сказала:

– Наверное, полиция говорила с вами. Мне так жаль Эмили.

– Если это Эмили, – заметила Бернис. – Этих девушек никогда не могли отличить одну от другой, может быть – даже в смерти.

Вся эта информация, новые теории, новые подозрения – столько всего надо было обдумать сразу. Я подумала о Майлзе, это всегда успокаивает меня.

– Вы говорили о своих подозрениях полиции? – спросила я Бернис. – Говорили об Эвелин?

– Пусть думают, что хотят. Это Детройт, милая. Богатый белый Детройт, но все же... Лучше не спорить, не лезть с чем-то новым. Чем меньше путаешься с полицией, тем лучше для тебя. Я пыталась дозвониться до Эмили по сотовому, выяснить, как обстоят дела, но она не отвечала. А ее маме лучше не знать. Не хочу, чтобы бедняга страдала больше, чем уже страдает. Иногда ей кажется, что у нее две дочери, иногда – что ни одной, иногда – одна... Никогда не могу угадать, что удержит ее в этой реальности, а от чего она уплывет в параллельную. Сколько раз миссис Нельсон удивляла меня тем, что помнит... Она говорила про машину?

– Какую машину?

– Она помнит *про машину*. Эвелин недавно угнала ее машину. Ключи были у обеих девочек. И одна из них посреди ночи забралась в гараж и вывела машину. Голову даю, это Эвелин. Эмили может арендовать любую машину, какую захочет. Я права?

Я кивнула. Логика в этом была, однако такое предположение еще больше все запутывало. Мне хотелось остаться и весь день расспрашивать Бернис. В то же время мне хотелось поскорее вернуться к себе в гостиницу

и обдумать услышанное.

– У миссис Нельсон была истерика. Она без конца спрашивала меня, как она теперь будет передвигаться. Мне не хватило духу напомнить ей, сколько лет она не садилась за руль. Сказала, что мы возьмем такси, как всегда. Попросила ее не волноваться. Помогла ей отправить поздравительную открытку Эмили, как всегда.

– Ей повезло, что у нее есть вы, – сказала я.

Бернис скорчила гримасу. Я испугалась, что обидела ее. Но она не думала обо мне.

– За что миссис Нельсон это все? – сказала она. – Ей так не повезло с этими девочками. У нас на островах к близнецам особое отношение. Будьте осторожны. – Бернис прислушалась к звукам, доносящимся из дома. – Пора возвращаться... Никогда не знаешь, что она... Хорошего вам полета.

Не было времени спросить, что она имела в виду, говоря об особом отношении и осторожности.

* * *

Выезд из пригорода был похож на скачки с препятствиями. Просто поразительно, насколько здесь плохие дороги, учитывая, что Детройт – родина автомобилестроения. Я выкручивала руль, объезжая выбоины, и это заставляло меня сосредоточиваться и не психовать по поводу только что услышанного.

Эмили – одна из двух близнецов.

Я была настолько на взводе, что, когда вернулась в контору, где арендовала машину, один из служащих спросил, в порядке ли я.

– Я в порядке! – сказала я. – Почему вы все меня об этом спрашиваете?!

Избавившись от машины, я автобусом добралась до “Детройт Метро”, гостиницы в аэропорту. Как хорошо, что я не соблазнилась дешевым выбором, хорошо, что у меня в номере есть мини-бар, хорошо, что могу выпить две бутылочки бурбона, одну за другой. Как хорошо, что кровать приятная и чистая, так что я залезла под покрывало одетая. Как хорошо, что у меня хватило сил попросить дежурного позвонить мне в номер так, чтобы до раннего рейса оставалось достаточно времени.

Я натянула одеяло на голову и закрыла глаза. Фотография Дианы Арбус – близнецы – выплыла из темноты. Я видела ее отчетливее, помнила лучше, чем снимки, которые показала мне миссис Нельсон. Я все еще

видела нарядные платьица девочек, но не могла вспомнить, что было на Эмили и ее сестре на семейных фотографиях. Они не были одеты одинаково. Сказала ли мне об этом их мать? Она никогда не одевала их одинаково. Или я сама это вычислила? В чем там была разница?

Последнюю фотографию, кажется, сделали во время школьного выпускного. На девочках были шапочки и плащи. Обе выглядели юными и полными надежд.

Что случилось потом? Миссис Нельсон считала, что Эвелин в Сиэтле. Но адреса у нее не было. Сколько времени она успела прожить так, прежде чем старуха забыла их обеих? Было ли это чем-то, что Эмили знала и что, по ее расчету, могло помочь ей исполнить задуманное?

Что бы это ни было.

Я могла бы среагировать как угодно. Я разозлилась. Как будто я единственный человек, кто поступал неправильно. Кто-то мог обвинить меня в том, что я сплю с мужем Эмили. Но у меня было ощущение, как если бы она первая сделала что-то со мной, одурачила, использовала меня... не рассказала, что у нее есть сестра-близнец. Сделала так, что мы с Шоном – или, может быть, только я – думали, что она мертва.

А потом решила дать мне знать, что она жива.

Доминирующий близнец. У нее вся сила.

Знал ли Шон, что у нее была сестра-близнец? Он никогда не упоминал об этом. Неужели Эмили удалось сохранить это в тайне даже от своего мужа?

Я лежала, размышляя, как дать Эмили понять, что я знаю.

Через некоторое время меня осенило. Эмили допустила оплошность. Зря она дала мне понять, что читает мой блог. Вот как я могу с ней контактировать. Это позволит мне немного контролировать ситуацию, так или иначе быть услышанной. И не надо будет беспокоиться насчет Шона – он мой блог не читает.

Я лежала без сна, подбирая слова для своего поста. Как я смогу дать Эмили понять, что была у ее матери и знаю ее тайну – не разоблачая этой тайны?

Мамы, привет!

Я могла бы написать, что весь этот блог – о близости. А еще я могла бы рассказать вам историю о близости, связанную с трагической смертью моей лучшей подруги.

История эта запутанная, но вот главное.

Я побывала у матери Эмили в доме, где прошло детство моей подруги, в пригороде Детройта. Я встретила с ее чудесной внимательной сиделкой, Бернис. Я сидела на старомодном, в розово-белую полоску, шелковом диване, а мама Эмили показывала мне фотоальбом, полный детских фотографий Эмили.

Это трудно объяснить, но когда мы вместе рассматривали детские фотографии, я почувствовала, что мне дарован момент понимания, открылось ясное окно в детство моей подруги. Пока мы с мамой Эмили вспоминали мою подругу и воздавали дань ее памяти, я почувствовала, что поняла все. Я осознала, что история Эмили вдвое интереснее, чем я могла бы вообразить.

И смогла наконец отпустить свою любимую подругу Эмили.

Дорогие мамы, пожалуйста, не стесняйтесь писать здесь о своих самых трогательных и приносящих удовлетворение моментах близости.

С любовью,

Стефани

Я всегда знала: что-то плохое должно случиться в домике. Может быть, поэтому я так боялась бывать там одна. Мне всегда чудилось, что какое-то злое... присутствие ожидает меня на застекленной веранде, где мы с сестрой провели столько ночей нашего детства, шепчась в темноте: рассказывали истории, выдумывали волшебные королевства (население: два человека), где мы могли бы поселиться навсегда и где взрослые не вторгались бы в нашу веселую жизнь и не указывали бы нам, что делать.

Наша любимая песня была “Сад осьминога”. Мы пели ее снова и снова, все быстрее и быстрее, пока горло не начинало саднить; мы смеялись и не могли остановиться. Сейчас я плачу от этой песни. Что, если одна из нас повстречала осьминога первой?

* * *

В ночь накануне моего исчезновения зазвонил телефон. Мы с Шоном спали.

– Кто это? – пробормотал Шон.

– Деннис, – сказала я.

Звонить в странное время было вполне в духе Денниса Найлона. Это означало, что у него снова запой и он на всех парах несется к очередному сроку в реабилитационной клинике. Деннис перебирал все имена из списка рабочих контактов, пока кто-нибудь не ответит. Я отвечала всегда, потому что знала: если никто больше не снимет трубку, Деннис перейдет к следующему списку: газетчиков и работников СМИ. И именно мне придется иметь дело с последующей говнобурей. Проще было утихомирить Денниса, дать ему нести всякий бред, а потом услышать, как он храпит на том конце провода. И тогда можно будет снова уснуть.

– Я поговорю с ним в прихожей, – сказала я Шону.

Я почти со спринтерской скоростью сбежала вниз по лестнице. Я знала, что это не Деннис.

– Вы готовы принять звонок от Эв за счет вызываемого абонента?

Я всегда принимала такие звонки.

Эв и Эм были несколько-не-секретными именами, которыми мы с

сестрой звали друг друга. Никому больше – *никому* – не позволялось звать нас так. Однажды, в начале наших отношений, Шон назвал меня Эм, и я сказала, что убью его, если он еще раз меня так назовет. Думаю, он поверил. И может быть, я именно так бы и сделала.

Мне пришлось выйти из комнаты, чтобы принять звонок от сестры. Шон не знал, что у меня есть сестра. Никто не знал. Никто, кроме матери, если она еще об этом помнит, Бернис и людей, знавших нас в средней школе. Но кому до них какое дело? Мне пришлось избавиться от множества старых фотографий. В то время я еще общалась с матерью, так что отправила фотографии ей с извинением: я много переезжаю и не хотела бы потерять их.

– Привет, Эв, – сказала я.

– Привет, Эм, – сказала она. И мы обе расплакались.

Не помню точно, когда я перестала говорить людям, что у меня есть сестра. Примерно когда переехала в Нью-Йорк. Меня уже тошнило говорить, что у меня есть сестра-близнец. Чужие люди тут же начинали выспрашивать или думали, что знают что-то обо мне. Неужели они не видят, как утомительно отвечать на одни и те же вопросы? Разнойцевые или идентичные? Одевались одинаково? Вы близки? У вас был тайный язык? Есть что-то странное в том, чтобы быть близнецом?

Это было странно, и это странно до сих пор. Но совсем не так, как я могла – или хотела – объяснить. Иногда, после того как я начала делать вид, что у меня нет сестры, я почти забывала, что она у меня есть. С глаз долой – из сердца вон. Так было проще. Меньше боли, меньше вины, меньше горя, меньше беспокойства.

Никто на работе не знал, что у меня есть сестра-близнец. Когда мы с Шоном в первый раз играли в нашу игру “чье детство было несчастливее?”, он сказал мне, что был единственным ребенком, и я ответила: “Ах, бедняжка! Я тоже!” После этого трудно было бы объяснить, как я могла забыть, что у меня есть сестра. Во всех отношениях проще держать существование Эвелин в тайне. Объявись она у меня дома, меня ждало бы серьезное объяснение. Но этого не случилось. К тому времени моя работа сделала меня экспертом в объяснении необъяснимого: контролировании информации.

Время от времени я испытывала себя, свою удачу и людей вокруг меня, предоставляя им возможность угадать правду. Поинтересовался ли Шон, почему я потратила целое состояние на ту фотографию Дианы Арбус, с близнецами? Почему я так люблю ее? Конечно, нет. Это произведение искусства. Хорошая инвестиция – так он, наверное, думал. Правда

заставила бы его задуматься, что за человек его жена. Что означало – ему пришлось бы задумываться чаще, чем он это делал.

В первое время, когда Стефани приезжала ко мне, я настойчиво показывала ей фотографию и говорила, что ценю ее больше всего остального в моем доме. Но она лишь думала, что это доказательство моего очень хорошего – очень дорогого – вкуса. Миллионы людей обожают эту фотографию. Нормальные люди не смотрят на изображение, спрашивая себя: а которая из близнецов – я?

* * *

Я была доминирующим близнецом. Я первая вылезла на свет. Я первая пошла и заговорила. Я отнимала у Эвелин игрушки. Я доводила ее до слез. Я защищала ее. Я толкала ее на риск. Именно я показала ей, где мать прячет джин и как заменять джин водой. Я дала ей ее первый косяк, пригласив покурить траву со мной и моими друзьями. Именно со мной она разделила свою (нашу) первую таблетку кислоты, я дала Эвелин ее первую экстази, я взяла ее на ее первую оргию в Детройте.

Откуда мне было знать, что ей понравится балдеть даже больше, чем мне? Или что для нее окажется труднее оставаться трезвой? И что кошмар скуки будет мучить и ее, но иным, гораздо более опасным образом? Она была тем близнецом, который слабее.

* * *

Я принесла телефон на кухню и включила свет. Было холодно, но я боялась надолго отложить телефон, чтобы включить обогреватель. Я боялась, что она повесит трубку или исчезнет. Снова.

– Где ты? – спросила я.

– Не знаю. Где-то в Мичигане. Знаешь что? Я угнала мамину машину.

– Очень мило. Можно расслабиться, мир стал безопаснее.

Эвелин рассмеялась.

– Думаю, мама водила машину не так уж много.

– Ну и слава богу, – отозвалась я. – Помнишь, как она ехала задом по нашей дорожке, съехала в канаву, и нам пришлось вызывать тягач, чтобы вытащить ее оттуда?

– Я не многое помню, – сказала Эвелин, – но это помню точно.

Я тогда подумала, и моя сестра тоже, что мы единственные, кто это помнит. Я посмотрела на руку, держащую телефон, сфокусировалась на татуировке, уже почти невидной. Теперь я смогла увидеть Эвелин: ее запястье, ее татуировку.

Мы сделали татуировки после нашей самой тяжелой ссоры. Я нашла в ящике ее комода комплект – шприц, ватку, ложку, резиновый жгут. Да, и пакетик белого порошка.

Нам было семнадцать.

К тому времени я уже кое-что подозревала. Эв начала носить длинные рукава, а руки у нее всегда были красивые, красивее моих; у меня от солнца веснушки. Я знала, что найду, еще прежде чем нашла это. Но у меня был шок. Все оказалось на самом деле. Моя сестра не шутила.

Я начала орать на нее, вопила, что она не может поступать так с собой. Со мной. Она сказала, что это не мое дело. Мы не один человек.

К этому времени мы орали уже так громко, что я боялась, как бы мать не услышала. Но мать плыла в собственном теплом ватно-алкогольном облаке.

Я ударила свою сестру. Она ударила меня в ответ. Мы в ужасе отшатнулись друг от друга. Мы не дрались с самого детства.

На следующий день мы сделали татуировки. Стащили у матери горсть обезболивающего, чтобы было не так больно. Никто из нас не обещал завязать с кайфом. Обещать такое было бы слишком, мы бы только наврали друг другу. Мы поклялись, что никогда больше не будем так ссориться. И не ссорились. Все это время.

Мать всегда думала, что та ссора была из-за мальчика. Но ни один мальчик не стоил этого.

Мне стало казаться, что происходящее с моей сестрой – моя ошибка. Моя вина. Мы уехали из дома – Эвелин на Западное побережье, я на Восточное, и я переросла наркотики, а она нет. А благодаря расстоянию стало проще верить, что ее проблемы – не моя вина. Я скучала по ней – и заставила себя прекратить скучать по ней.

Мы можем контролировать свои мысли и чувства.

Мне хорошо удавалось не скучать по людям. По матери, например. В последний раз я видела мать на похоронах отца. Эвелин до дому не добралась. Мать изумительно (даже для нее) напилась и устроила мне разнос, говоря, что проблемы моей сестры – результат моего бессердечного эгоистичного доминирования. Я ответила: нечестно обвинять меня в чем-то, что началось еще до моего рождения. В этом бою я никогда не могла победить. Я прекратила разговаривать с матерью. Мне не обязательно было

слушать, как она говорит то, чего я боялась.

Не то чтобы я не пыталась помочь Эвелин, спасти ее. Я имела дело с массой разных реабилитационных заведений. Работа на Денниса Найлона многому меня научила. Я потеряла счет своим полетам на Запад, выдумывая командировки, чтобы обмануть Шона, выдумывая какие-то семейные обстоятельства, чтобы обмануть народ на работе. Но это и *были* семейные обстоятельства.

Я находила Эвелин, где бы она ни оказалась. К счастью, она всегда хотела, чтобы ее нашли, – вот почему она звонила мне среди ночи, всегда перепуганная. Конца этим полетам не предвиделось. Я находила Эвелин в каком-нибудь грязном мотеле, обычно в компании случайного любовника – парня, которого она едва знала. Я записывала ее в реабилитационную клинику. Мать платила за курс. Это было то небольшое, что она могла сделать. Выйдя из клиники, Эвелин регулярно звонила. Рассказывала мне, как чудесно ощущать себя трезвой, насколько вкуснее стала еда, как она наслаждается солнечным деньком – и глаза не болят.

Потом звонки прекращались.

Каждый, кто когда-либо любил аддикта или у кого в семье были аддикты, знает, как это происходит: надежда и разочарование, сюжет закольцовывается, возвращаясь к одному и тому же. И ты устаешь от этого.

Последней весточкой от Эвелин стала открытка из Сиэтла, на которой не было ничего, кроме моего адреса в Коннектикуте, а на лицевой стороне – ярко раскрашенное туристическое фото рыбы, красиво уложенной на лед на рынке на Пайк-стрит. Мертвая рыба: чувство юмора Эвелин.

– Ты еще здесь? – глупо спросила я.

Я слышала, как сестра всхлипывает на том конце.

– Более или менее.

– Не клади трубку. Пожалуйста.

– Не буду.

– Ты под кайфом?

– У меня голос, будто я под кайфом?

Да.

– Куда ты едешь? – спросила я. – В материной машине?

– Думаю, что в домик. На озеро.

Я слегка воспряла духом. Может, Эвелин сделает попытку завязать. Оставить старую жизнь, начать все заново. Озерный домик был нашим пристанищем, нашим островом безопасности. Нашим личным убежищем души.

– Собираешься туда, чтобы остыть?

– Можно и так сказать. – Она горько рассмеялась. – Я собираюсь покончить с собой.

– Смеешься?

– Нет, – сказала сестра. – Я серьезна как никогда.

И я поняла, что так и есть.

– Пожалуйста, не надо, – сказала я. – Подожди меня. Не наделяй глупостей. Я тебя там найду. Прилечу как можно скорее. Обещай мне, что ничего не сделаешь. Нет, *поклонись* мне.

– Обещаю, – сказала Эвелин. – Обещаю, что не сделаю ничего, пока ты не приедешь. Но вообще собираюсь. Я приняла решение.

– Дождись меня, – повторила я.

– Ладно. Но приезжай быстрее.

* * *

Я не спала всю ночь. К утру я знала, что сделаю и что произойдет. Я знала и не знала.

Моя сестра владела ключами, которые отпирают двери темницы, магическим заклинанием, которое умертвит наших драконов. Она – тот тайный игрок, что поможет нам с Шоном выиграть в нашей маленькой игре. Я не хотела, чтобы моя сестра умерла. Я не собиралась помогать ей в самоубийстве или подталкивать ее к нему. Я любила ее. Но я собиралась сделать то, чего она от меня ожидала, даже если это означало потерять ее. Даже если это означало принять свершившееся.

Нельзя было терять времени. На следующее утро я встала рано и уложила вещи. Забронировала билет на рейс до Сан-Франциско, которым лететь не собиралась. Я надеялась, что такой ход ненадолго собьет со следа тех, кто станет меня искать.

Я позвонила Стефани и попросила оказать мне услугу. Простую услугу. Можно, Ники останется на вечер у нее дома? Я заберу его, когда поеду с работы. Конечно, я могла бы сказать ей, что собираюсь отсутствовать несколько дней. Но я хотела, чтобы она дошла до абсолютной паники как можно скорее. Это сделало бы мое исчезновение более достоверным, более тревожащим, более актуальным. А когда страховая компания вникнет в случай, начнется полицейское расследование.

Может быть, будет тело. Женщина, похожая на меня и с моей ДНК.

В то утро я высадила Ники у школы на пять минут позже, чтобы не столкнуться со Стефани, которая всегда появлялась рано. Мне не хотелось, чтобы вечно всюду сующая свой нос Стефани расспрашивала, почему я плачу, целуя Ники на прощанье.

Я знала, что очень долго не увижу его, и сердце у меня разрывалось. Я обняла его так крепко, что он пискнул:

– Осторожней, мам, больно!

– Прости. Я люблю тебя.

– Я тебя тоже. – И он побежал в школу, даже не оглянувшись.

– Увидимся, – сказала я, так что мои последние (на ближайшее время) слова не были ложью.

Я твердила себе, что потом Ники скажет нам спасибо. Кому не хочется провести детство в самом красивом месте Европы? У Ники будет детство получше, чем у его родителей, выросших в скучном пригороде Детройта и на унылом севере Англии. Коннектикут, по идее, достаточно хорош, и не знаю, почему он таким не был. Я полагала, что Коннектикута недостаточно.

Мне хотелось сделать что-нибудь будоражащее. Хотелось почувствовать себя живой.

Я заехала домой за Шоном. Мы доехали до станции “Метро-Норт” и сели на поезд до Нью-Йорка. Там взяли такси от Центрального вокзала до аэропорта. Нам надо было, чтобы Шон оказался на борту летящего в Лондон самолета до того, как я пропаду без вести. Я от души попозировала на дорожке перед международным залом отлета, целуя Шона на прощание – на случай, если полиция выследит таксиста, который вез нас в аэропорт Кеннеди. Но полицейские даже не пытались найти ту машину – еще одно доказательство того, что они не слишком усердно искали меня. Я попросила таксиста подождать, пока мы, любящие муж и жена, прощаемся друг с другом. Мы должны были остаться на камерах видеонаблюдения: беззаветно преданные друг другу супруги, с грустью расстающиеся даже на несколько дней.

– Ну все, – прошептала я Шону. – Ты знаешь, что делать.

В Лондоне у него были намечены встречи с клиентами, с которыми у него в прошлый раз ничего не вышло. Шон им искренне нравился, и они огорчались, что не могут инвестировать миллионы своей компании в риелтерские проекты Шона. Они согласятся выпить с ним – и обеспечат ему алиби.

– Куда ты собираешься? – спросил он. – Что, если мне понадобится связаться с тобой? Что, если возникнет что-то срочное? – Голос у него был испуганный, как у ребенка. Мне стало неловко.

– Не беспокойся, – сказала я. – *Вот это* и есть что-то срочное. Неважно, что ты услышишь... Я не умерла. Я вернусь. Поверь мне. *Я не умру.* – Мне надо было, чтобы он в это поверил.

– О'кей, – нерешительно согласился Шон.

– Скоро увидимся, – сказала я – очень громко, на случай, если кто-нибудь нас слышит. Никто нас не слушал.

– Скоро увидимся, дорогая, – сказал Шон.

Я снова села в такси и поехала брать машину напрокат.

Я поймала волну. У меня появилось пьянящее ощущение себя как плохой девчонки, ветер в волосах: мой план может сработать, план, гораздо более крутой, чем моя нынешняя жизнь, более крутой, чем работа, которую многие люди сочли бы достаточно крутой. Я хотела большего.

Я не собиралась порывать с Шоном. Можно было взять тайм-аут на берегу озера. Разве все это затевалось не для того, чтобы выйти из нашей переполненной обязательствами жизни, разорвать соединение и определить, что для нас важно? Множество людей лелеют эту мысль. Но далеко не каждый работает над ее воплощением. Цивилизация бы рухнула, начини люди претворять эту мысль в жизнь.

Я правильно тревожилась насчет трудностей разлуки с Ники и – как оказалось – уверенности в том, что Шон будет придерживаться нашего плана. Мне и в голову не приходило, что Шон способен трахаться с рыбой. Я не думала, что Стефани проследит весь мой путь вплоть до дома моей матери.

Жизнь полна неожиданностей.

Я привезла книги. Полное собрание сочинений Диккенса, “Серенаду” Кейна. Какой-то роман Хайсмит – не помню, чтобы я его читала, или, может быть, читала и забыла. Я купила достаточно еды, чтобы продержаться какое-то время, и новый CD-плеер. Я могла слушать свою любимую музыку, а не кошмарных визгливых британцев Шона времен его юности.

В домике не было интернета. К счастью.

Я предприняла некоторые усилия, чтобы замести следы. Я останавливалась в магазинчиках на автозаправках, где, по моей мысли, отсутствовали новейшие камеры видеонаблюдения. И все же, когда меня начали искать, выследить меня можно было бы без особого труда. Видимо, меня искали не слишком ревностно, как бы полицейские ни изображали

бурную деятельность и что бы ни говорили Шону.

Я не знала, как обстоят дела, до самого последнего момента. В домике на озере не было ни интернета, ни телевидения.

* * *

Я и не предполагала, что в наш план окажется вовлечена моя сестра. Теперь, думая о произошедшем, я понимаю: сестра была необходима, чтобы план сработал. Она была нужна мне, как бывала нужна мне всегда, даже когда я пыталась избежать ее, отвергнуть или игнорировать. Мне с самого начала следовало понять, что Эвелин – часть плана. Я не хотела, чтобы события развивались так, как они развивались.

Я должна была знать. Мы с сестрой всегда знали то или иное друг о друге, не будучи в состоянии объяснить или понять, откуда мы это знаем.

По дороге в Мичиган у меня было достаточно времени, чтобы подумать. Иногда я думала, как порядочный человек, которым хотела быть. Иногда я думала, как коварный маньяк, которым на самом деле была. Я провела ночь в мотеле в Сандаски. В “Мотел Сикс”, где заплатила наличными.

Я добралась до домика на следующий день. Мамин “бьюик” восемьдесят восьмого года стоял на подъездной дорожке. Как бы я хотела, чтобы это оказалась просто машина! Но это была та машина, в которой мы в детстве столько раз чудом избежали гибели. После того как у матери временно изъяли права за вождение в нетрезвом виде, машина оставалась в гараже. Бернис иногда брала ее, чтобы сохранить на ходу, но вынужденная отставка спасла машину от щербин и вмятин, которые наверняка наставила бы ей мать. Я сказала себе, что теперь это машина Эвелин, но от этого мне стало только хуже. Потому что я осознала, что довольно скоро – слишком скоро – эта машина может стать моей. Но что мне с ней делать? Моя сестра умрет, а я буду в другой стране мультимиллионершей, которой ни для чего не нужен побитый мамин “бьюик”.

Дверь домика оказалась заперта. Я постучала. Никто не ответил. Никто не закрепил порванный экран на веранде, и я перелезла через перила. В доме пахло так, словно в нем кто-то умер. В детстве, если такое случалось, мы с Эвелин пугали друг друга, что в стене замурован мертвец. Эдгар По был нашим любимым писателем.

Обычно у стены оказывалась дохлая летучая мышь. Все летучие мыши теперь дохли. Деннис Найлон сделал взнос в фонд исследования болезней

летучих мышей, чтобы запустить наш Бэтгёрл-стиль. Это была моя идея. И, как теперь пришло мне в голову, именно этим я и занималась на работе: спасала жизнь умершим летучим мышам.

Господи, как я ненавидела бывать одной в этом доме. Неужели Эвелин передумала? *Хоть бы* она была здесь. И не мертвая.

На кухонном столе я увидела бутылку апельсинового энергетика, упаковку печенья с маршмеллоу и картофельные чипсы, которые Эвелин ела, когда бывала под кайфом – в такие дни она ела все время.

– Эвелин?

– Я здесь.

Я вбежала в комнату, где она спала, когда становилось холодно спать на веранде. Годами мы делили одну комнату, потому что так здорово было болтать, рассказывать истории и пугать друг друга. Потом годами спорили, какая комната наша. Наконец мы пришли к соглашению, кто где будет спать: первая стадия нашей сепарации.

Я открыла дверь.

Видеть своего двойника – всегда потрясение. Это как смотреть в зеркало – но гораздо, *гораздо* причудливее. Самое странное теперь было, что мы выглядели настолько одинаково – и настолько по-разному. Волосы Эвелин были всклокочены, словно какая-то мелкая зверушка устроила в них гнездо. Лицо неравномерно одутловатое, кожа прозрачно-голубоватая, как обрат. Когда она улыбнулась мне, я заметила, что у нее не хватает переднего зуба. На Эвелин было несколько свитеров, один поверх другого. Она свернулась под одеялами – и все-таки мерзла.

Эвелин выглядела чудовищно. Я любила ее. Всегда любила и всегда буду любить.

Сила этой любви стерла все. Годы ссор и беспокойства. Безумные полуночные звонки, попытки разыскать сестру, реабилитационные клиники, разочарования и ужас. Все обиды, безысходность и страхи без следа сожгло счастье быть с ней в одной комнате. Счастье от того, что она жива. Как я могла забыть самого важного человека в моей жизни? Я никого не любила так, как свою сестру. Никого, кроме Ники. Было почти непереносимо больно оттого, что моя сестра его не знает. Что Ники не знает ее. И, может быть, никогда не узнает.

Я подбежала, обняла Эвелин. Сказала:

– Тебе нужно помыться.

– О, начальство явилось. – Эвелин выволокла себя из кровати. – Что мне нужно – так это порция бурбона, пиво и две таблетки викадина.

– Ты под кайфом. – Я присела на край кровати.

– Ты так хорошо меня знаешь, – вяло заметила Эвелин. И добавила: – Я хочу умереть.

– Не хочешь, – сказала я. – Не можешь.

Я с ума сходила от мысли, что ее смерть поможет нам с Шоном. Я же забыла, как любила ее, как хотела, чтобы она жила. Я придумаю что-нибудь еще. Я привезу ее к себе домой, расскажу Шону и Ники правду...

Эвелин сказала:

– Не как в той пьесе, где девочка всю дорогу говорит маме, что убьет себя. И убивает. Или не убивает. Не помню. Ничего такого не будет.

– Скажи мне, что ты это не всерьез, – попросила я.

– *Всерьез.* – Она указала на полку у меня над головой – там дюжина пузырьков с таблетками выстроились в ряд, как готовые сдетонировать прозрачные цилиндрические бомбы. – И я не какая-нибудь дилетантка. От меня грязи не будет, обещаю.

– Мне нужно, чтобы ты была со мной, – сказала я.

Эвелин ответила:

– Мы уже потеряли связь друг с другом, если ты вдруг не заметила.

– Это можно изменить. Прямо сейчас.

– Все можно изменить. Например, я теперь стала аккуратной. Собираюсь прибраться на кухне. Заправлю кровать. Я не убью себя в доме, тебе не нужно будет возиться с моим телом. Я планирую сделать это вне дома и предоставить матери-природе выполнить всю грязную трудную работу.

– Все еще страдаешь, чья очередь убирать?

– Погоди, – перебила Эвелин. – Мысль такая: присоединяйся ко мне. Последнее купание в озере. Две мертвые сестры-близнеца снова становятся элементами, из которых когда-то произошли. Нам не надо будет больше беспокоиться друг о друге. Или страшиться старости и умирания. Вообще думать друг о друге. Не будет больше полночных ужасов. Знаешь, как это прекрасно? Ни беспокойства, ни гнева, ни скуки, ни ожидания, ни печали, ни...

– Очень соблазнительно, – сказала я.

И долю секунды это действительно меня соблазняло. Умереть вместе с Эвелин было бы финалом великого приключения, отчетливое “подите к черту” в адрес монотонности и скуки. Разбирайтесь с этим сами, Шон, Стефани и Деннис! Но ведь Ники тоже придется разбираться с этим.

– Спасибо, но – не могу. У меня есть Ники. – Я тут же пожалела о своих словах.

– А у меня нет, – сказала Эвелин. – Нет у меня классного маленького

человечка, которому я была бы нужна. Племянника, к которому ты никогда меня не подпустишь.

– Я не могла... ты была такая... я не знала...

– Не заморачивайся, Эм. Время уже ушло. А без классного маленького человечка мне остается только большая гадкая смерть и желание умереть.

Она приложила свое запястье к моему. Два вытатуированных браслета из колючей проволоки образовали смятую восьмерку. Моя сестра всегда обожала театральные жесты.

– Больше никаких ссор, – произнесла она.

– Больше никаких ссор, – повторила я. – Слушай. Мне надо тебе кое-что сказать.

– Ты больше не любишь Шона. Какая неожиданность.

– Я не о нем. Или, может, о нем. Немного. Слушай. Я пропала без вести. Инсценировала свою смерть, чтобы получить страховку.

– Как в кино с Барбарой Стэнвик и Фредом Максьюрреем, – заметила Эвелин. – Мне нравится.

Никто больше не сказал бы так. Ни Шон, ни, разумеется, Стефани. Может быть – Ники, когда-нибудь. Но еще не скоро.

– Ты совсем рехнулась, – сказала Эвелин. – Но подожди, подожди секунду. Кажется, улавливаю. Поймала сигнал... Тебе будет на руку, если я умру. Ты сделаешь вид, что покойница – это ты. Беспроектная ситуация. Мы обе выиграем. Верно?

– Как тебе такое вообще в голову пришло?

Моя сестра была единственным человеком, который знал меня по-настоящему.

– Потому что я знаю, о чем ты думаешь. – Она рассмеялась. – Мне страшно нравится идея умереть для тебя.

– Неправда.

– Шучу, – сказала Эвелин. – Почему ты всегда считала, что чувство юмора есть только у тебя? А идея и правда богатая. Великолепная. Мы обе получим, что хотим. В первый раз в жизни, может быть.

– Тебе известно, что пятьдесят процентов близнецов умирают в первые несколько лет после смерти брата или сестры? – спросила я.

– Конечно, известно. Мы вместе читали это в интернете, у тебя в общежитии. И – мне жаль. Ты выживешь. Одной из нас вполне достаточно.

– Я всегда вытаскивала тебя, – сказала я. – Всегда пыталась помочь. Ты могла найти нужную группу, очнуться от наркотиков, прийти в себя...

– Да пошла ты... Это тебе надо загладить вину. За то, что ты вечно отпихивала меня в сторону. Еще до рождения.

– Господи, ты как мама. Обвиняешь меня в том, что случилось до нашего рождения.

– Не прикидывайся дурочкой.

Повисло молчание. Эвелин хотела сказать что-то еще. Она выгнула запястья, выставила ладони, словно упираясь во что-то, и слегка дернулась назад. Это был наш девчачий условный знак. Мы могли послать сигнал SOS через всю комнату. Спаси меня от матери, от отца, от этого гостя, от этого парня.

– Если бы у меня был какой-нибудь страшный рак или амиотрофический склероз, – проговорила Эвелин, – и я попросила бы тебя помочь мне умереть, я знаю – *знаю* – ты бы помогла. Ну, а эта болезнь так же сильна. Просто ее не видно на МРТ.

– Ладно. Хватит. Я устала. Обещай, что не выкинешь какой-нибудь глупости вечером.

– Глупости? Я не утоплюсь, если ты об этом.

– Я люблю тебя. Но мне надо поспать.

Я толкнула Эвелин в кровать и сама легла рядом с ней. От нее немножко пахло конюшней и немножко так, как она пахла в детстве.

Я не спала. Или, может быть, спала немного, постоянно просыпаясь и кладя руку ей на грудную клетку, как клала руку на грудь новорожденному Ники, чтобы удостовериться, что он дышит.

Я скучала по своему ребенку. Если бы у Эвелин был ребенок, она не говорила бы таких вещей. Но и матери нередко кончают самоубийством.

Эвелин слегка похрапывала: полуумиротворенное, наполненное алкогольными парами похрапывание. Она дышала равномерно и поверхностно, время от времени икая во сне.

Многие годы все чувства, которые я испытывала к своей сестре, сводились к страху. Я словно готовилась, репетировала. Я все думала о нашем детстве и о ее словах – что я помогла бы ей, будь она смертельно больна. Я старалась не заикливаться на том факте, что ее смерть – то, что нужно для исполнения нашего безумного плана.

Проснулась я уже утром. Мне понадобилось некоторое время, чтобы вспомнить, где я. Я вытянула руку, ища Эвелин. Похлопала по кровати. Эвелин не было.

Я побежала на кухню. Эвелин уже проснулась; она сидела в гостиной и грызла печенье.

– Ты хоть *представляешь* себе, как ты храпишь? – спросила она. – Ты всегда была шумнее. Ладно. Хорошая новость, плохая новость. Самое интересное – она и такая, и такая. Хорошая новость: я передумала. Я

решила жить. Плохая новость: я передумала и решила жить.

Моим первым чувством была чистая радость. Моя сестра останется жива! Я помещу ее в клинику, на этот раз – правильную. Я все устрою как следует. Я познакомлю с ней Шона и Ники. Шон, это твоя свояченица. Ники, это твоя тетя.

– Как же я рада. – Я обняла ее.

Эвелин не размыкала руки дольше, чем я.

Тогда-то у меня и возникло чувство, которого я до сих пор не могу объяснить. Я была как будто, *почти* как будто, разочарована. Меня обманули. Ники больше всего, чуть не до истерики, огорчился, когда ждал чего-то, когда у него в голове все уже было распланировано. Он представлял себе сценарий целиком. Он уже практически проживал его. А ничего не случилось.

Вот это я сейчас и испытала по поводу смерти своей сестры. Я представила себе сюжет целиком, что я сделаю и скажу, даже что почувствую. Я все продумала.

А теперь ничего не будет.

Не надо было мне говорить ей про схему со страховкой. Мы сестры, в конце концов. Она бы ввязалась в это, просто чтобы подшутить надо мной, с нее стало бы. Она знала как. Она моя сестра.

– У меня предложение, – сказала я.

– У тебя всегда есть предложение.

И тут словно заговорил кто-то другой, а я просто слушала. Кто-то, кто хотел того же, что и я, но не боялся говорить об этом. Этот другой человек сказал:

– Давай устроим последнюю основательную попойку перед тем, как завяжем навсегда. Ты и я. Сестры. Как в добрые старые времена.

Эвелин иронически улыбнулась мне. Да, я любила ее, но щербатый рот сестры выглядел скверно. Если она останется жива, мне придется заняться и ее зубами.

– В последний раз, – сказала я. – Давай оторвемся как следует. И навсегда изгоним из себя этого демона.

– Вот *это* предложение, – сказала моя сестра.

Когда я подумала, что сестра зовет меня, чтобы я облегчила ее последние часы (а не чтобы обнаружить, отчасти благодаря мне, резон жить дальше), я прихватила с собой три дизайнерские бутылки мескаля.

Я нашла две рюмки, кружевные от паутины и в пятнышках от мышинового помета. Прошлой ночью я спускала воду в туалете, не задумываясь, но – как и прошлым летом, когда мы приезжали сюда с

Шоном – меня поразил тот факт, что водопровод функционирует и есть электричество. Неужели мать – в смысле, Бернис – оплачивала счета и нанимала кого-то, кто не давал трубам замерзнуть? Я промыла стаканчики.

– Давай сядем на кухне, – предложила я.

Кухня была полна привидений. Я правильно думала, что в домике водятся призраки. Бабушка и дедушка, папа и мать – все они присутствовали на кухне, наблюдая, как мы с Эвелин наливаем себе по рюмке и пьем в восемь часов утра. Если это не плохое поведение, то что тогда плохое поведение? Эвелин была счастлива, что у нее в руках рюмка чего-нибудь – все равно чего, – и едва ли заметила, что себе я наливаю всего каплю. Или, может быть, она думала как близнец: чем меньше ей, тем больше мне!

После четырех или пяти рюмок Эвелин сказала:

– Ты помнишь что-нибудь из времени до того, как мы родились?

Так я поняла, что моя сестра на пути к опьянению. Она часто задавала мне этот вопрос, когда напивалась. Забывала, что уже спрашивала об этом.

Я сказала, что не помню. Она сказала, что помнит, как ее пинали.

– У-упс. – Она выдала утомленно-подвывающий звук. – Поговорим о чем-нибудь более приятном?

– Какие у тебя таблетки? – спросила я.

– Желтые, оранжевые и белые.

– Давай примем, – предложила я. – По штучке. И все. Не больше.

– Ты меня просто вынуждаешь, – пожаловалась Эвелин. – Доктор, я не виновата! Это все моя сестра придумала.

Я пошла за ней в спальню. Эвелин всегда ходила слегка враскачку и запинаясь. Она взволнованно помедлила перед выстроившимися на шкафу пузырьками с таблетками, словно фармацевт или как бармен с амбициями миксолога. Наконец решилась и вытряхнула из пузырька две бледно-желтые таблетки, одну из которых дала мне, а вторую оставила себе.

– Я свою приберегу, – сказала я.

– А я свою приму сейчас. Если не возражаешь.

– Действуй.

– Лучше отнесу моих малюток на кухню. Меньше гулять туда-обратно. Обеспечим сохранность.

Я могла остановить свою сестру, но не остановила. В конце концов, это одно и то же: я не убивала ее, но я не остановила ее.

Эвелин выстроила пузырьки на кухонном столе в ряд и сказала:

– Вообще, мне не стоит... – Сестра помолчала, словно давая этой мысли время окатить ее и отхлынуть. – Моя схема приема лекарств. – Она

открыла первый пузырек и вытряхнула леденцово-голубую таблетку в форме сердечка.

Сестра смягчилась, стала даже сентиментальной. Через какое-то время у меня возникло ощущение, что на самом деле она говорит не со мной. Эвелин коротала время, ждала. Она уже была в пути.

– Первое воспоминание? – спросила я.

– Наволочка с лошадаками.

– Обои, – сказала я. – Обои с ананасами возле нашего манежа.

– А я? – спросила сестра. – Меня ты помнишь?

– Я помню, что мое имя было твоим первым словом.

– Похоже на правду, – сказала Эвелин. Налила себе еще и взяла другую таблетку. – У меня довольно высокая толерантность.

– У меня тоже была, – сказала я. – Как тебе известно.

– Молодец. – Эвелин чуть подняла рюмку, словно произнося тост, и сердито дернула головой – движение, унаследованное от матери. – За мою потаскуху-сестрицу.

– Я люблю тебя, – сказала я.

Мне нужно было донести до нее эту информацию – чем скорее, тем лучше.

Эвелин не сказала в ответ, что любит меня. Она закрыла глаза. И сидела с закрытыми глазами довольно долго. А потом произнесла:

– Я могу снова передумать? На самом деле я *страшно* хочу умереть.

Я могла бы ответить: “Это говорят алкоголь и таблетки. Подожди, протрезвей сначала”. Поверила бы мне моя сестра?

Но на самом деле я сказала:

– Иногда нужно внять голосу сердца. Ты сама знаешь, что для тебя лучше всего. Делай, что тебе нужно. Обо мне не беспокойся. Мне будет тебя не хватать, но я выживу.

Бледное личико моей сестры побелело от потрясения. Она уставилась на меня. Неужели я даю ей добро? Неужели я хочу, чтобы она умерла? Я не сказала ей – живи. Не предложила ей защиту.

Эвелин закрыла лицо руками. Потом отвернулась от меня, посмотрела в сторону веранды и сказала:

– Знаешь что? Пожалуй, пойду поплаваю... Холодная вода приведет меня в чувство... Я вернусь через пять минут.

– Не ходи, – сказала я.

– Не беспокойся, – ответила сестра.

Предполагалось, что я перехвачу ее и удержу в комнате?

Мне хотелось верить, что шок от холодной воды отрезвит ее и даст

понять, что она не хочет умирать. Она вернется в дом и попросит меня о помощи. Я заверну ее в полотенца, обниму, и мы начнем сначала. Я отвезу ее куда-нибудь, где ей промоют желудок. От меня потребуется только переодеть сестру в сухое и посадить в машину.

Забывать про деньги от страховки. Моя жизнь станет лучше. Пусть сестра живет с нами. Они с Ники полюбят друг друга. Шон привыкнет к ее присутствию. Я устрою Эвелин на работу в “Деннис Найлон”. Мы с ней станем вместе ездить на работу и обратно. Деннис мог бы быть ее спонсором. Ему бы понравилась такая безумная ситуация.

Эвелин проглотила еще одну таблетку и осушила еще одну рюмку.

Она постояла, колеблясь, прежде чем дойти до двери.

– Подожди, – сказала я. – Я хочу дать тебе кое-что.

Я сняла бриллиантово-сапфировое кольцо Шоновой матери и надела ей на палец. Рука у сестры отекала от алкоголя, так что пришлось потрудиться.

– Ух ты, – сказала Эвелин. – Это что?

– Хочу, чтобы оно у тебя было.

На самом деле я имела в виду – я хочу, чтобы кто-нибудь нашел его. Потом. Эвелин тоже это понимала. Умение читать в мыслях до конца. До самого конца.

– Бриллиант, – заметила она. – Спасибо.

– Будь осторожна, – сказала я, когда моя сестра пошла умирать, а я не остановила ее.

Я действительно верила, что она вернется. Или наполовину верила. Или хотела верить. Еще меня клонило в сон. За разговорами я выпила больше, чем мне казалось. Я мало спала. Я ничего не ела. Я потеряла навык. Я забыла, как поддерживать старые дурные привычки.

Я легла на веранде и отключилась на полчаса.

Проснувшись, я вышла искать Эвелин. Пробежалась по кромке воды, зовя сестру. Мне никто не ответил. Ничего я не могла сделать.

Я вернулась в домик. Приняла две таблетки своей сестры, запила их мескалем и уснула на тридцать шесть часов.

Я проснулась трезвой, зная, что убила свою сестру, все еще пытаюсь убедить себя, что я ее не убивала. Она хотела умереть. Заставлять ее жить было бы эгоистично. Может быть, впервые в жизни я помогла Эвелин – по-настоящему помогла – получить то, чего ей хотелось.

Я больше не боялась оставаться в домике – может быть, потому, что худшее уже произошло. Я радовалась, что у меня есть время побыть здесь одной, время привыкнуть к смерти Эвелин. Время вспомнить, как мы жили. Время подумать, кто я, кем была она, кем я стану без нее. Надо было сразу позвонить в полицию, но я говорила себе, что сестра не хотела бы этого. Она хотела бы, чтобы я осталась в доме, пришла в себя и выждала какое-то время.

Я жила на бутербродах с колбасой и майонезом. Диета десятилетнего ребенка. Ники я бы такого не позволила, но это было то, чего я хотела. Питаясь таким образом, я словно делала вид, что нам с Эвелин по десять лет и мы проводим лето в домике на озере.

Я мерила дом шагами. Я боялась выйти к озеру, боялась того, что могу там увидеть. Ранним вечером я без сил падала на кровать и засыпала до утра. У меня бывало что-то вроде бессонницы, когда я жила с Шоном, хлопотала с Ники и работала на Денниса Найлона, но теперь я проваливалась в сон моментально.

Прошла неделя, потом другая. Я потеряла счет времени.

Я вычистила дом, еще один – последний – раз убрала оставшийся после Эвелин бардак. Или его часть. Я оставила таблетки и бутылки с выпивкой. Отогнала арендованную машину в лес, пешком вернулась к дому и села за руль маминой машины.

Я доехала до Адирондакских гор и на какое-то время осталась там.

Наверное, это было не лучшее место для меня. Я хотела спать в своей собственной постели. Ники не выходил у меня из головы. Как мне хотелось слышать его голос, его прекрасные глупые разговоры! Я хотела вдыхать молочный запах его волос. Я хотела пройти по улице, держа его за руку. Я хотела видеть его лицо, когда он замечал меня, дожидавшуюся его после уроков. Вскоре я так истосковалась по нему, что обезумела. И от горя – как будто умер Ники, а не моя сестра.

Я покинула горы и уехала в Дэнбери, который казался безопасным – большой город, в котором никто никого не знает. Поселилась в мотеле. Именно тогда я снова вставила себя в розетку, законнектилась по новой. Именно тогда я вышла в интернет – и обнаружила, что Стефани угощается моим мужем.

Мне на руку оказалось желание моей сестры умереть. Но теперь я задавала себе вопрос, не попыталась бы я отстоять ее всерьез, зная, что Шон – слабак и предатель, а весь наш план обернулся балаганом. Он живет со Стефани. А я одна.

Теперь Стефани взялась преследовать мою мать, вовлекая всех, кого я

знала, в свой нездоровый план сделаться мной. Но Стефани вымарала из своего поста, что именно она увидела, когда сидела на диване в розово-белую полоску и рассматривала мои детские фотографии, сделанные матерью.

Две меня. Эмили, помноженная на два.

Вот так неожиданность: я – одна из двух близнецов!

Воображаю себе смятение Стефани, когда она обнаружила это чудовищное надругательство над ее верой в крепкую девичью дружбу, в то, чтобы рассказывать друг другу всё-превсё. Как я могла упустить такую деталь о себе?

Шон верил, что я мертва. Но это означало только, что он не поверил *мне*, когда я прощалась с ним в аэропорту. Необходимо было поговорить с Шоном, посмотреть на него, выяснить, что у него на уме. Как будто его ум был той частью Шона, которая решила спать со Стефани.

Я позвонила Стефани еще раз. Как обычно, дождалась, когда она останется одна.

– Если ты расскажешь Шону то, что узнала от моей матери, я тебя убью, – пообещала я. – Убью и тебя, и Майлза, вас обоих. Или, может быть, убью Майлза, а тебя оставлю жить.

– Честное слово, не расскажу. – У Стефани был перепуганный голос. – Клянусь.

Ну и дура. Она знала, сколько раз я врала ей – и все равно мне поверила.

* * *

Мы с Шоном придумали кодовое слово, которым будем пользоваться в экстренном случае; теперь я написала ему это слово, и он написал мне в ответ.

Кодовое слово было: подглядывающий.

Я назначила Шону встречу за ужином в ресторане, куда мы ходили, когда начали встречаться, – итальянский ресторан в Гринич-Виллидж, в котором платишь за пространство между тобой и следующим столиком. Туда ходили не за едой, а за тишиной. Люди ходили туда заключать сделки, помолвки – и расставаться.

Шон уже был там, когда я приехала. Я не знала, что почувствую, когда снова увижу его. Теперь знала. У Шона открытое глупое лицо. Я ощутила раздражение, потом гнев. Вся любовь, которую я к нему чувствовала,

умерла – и была холоднее, чем моя сестра.

Когда я входила в ресторан, Шон уставился на меня, как на живую покойницу. А как он думал, кто отправил ему сообщение? Мой призрак?

Шон поднялся, словно чтобы обнять меня.

– Не вставай, – сказала я.

Я села. Хорошо, что похожий на вулканическое облако букет наполовину заслонял мужа. Я не могла смотреть на него. Я убила не того человека. Спокойно, сказала я себе. Выслушай его. Ты не знаешь, о чем он думает.

– Я думал, ты умерла, – выговорил Шон. – Я правда думал, что ты умерла.

– Очевидно, что ты ошибся, – холодно ответила я. – Когда я говорила “не верь, что я умерла”, какое из этих пяти слов ты не понял?

– А как же тело? Кольцо?

– Тебе не обязательно знать детали. Лучше не знать. Разболтаешь Стефани.

Я услышала в своем голосе ярость. Это ошибка. Надо оставаться спокойной – *выглядеть* спокойной.

– Я читала ее блог, – сказала я. – Она описывает ваше семейное счастье. Идиот.

– Стефани для меня ничего не значит.

Он сам-то себя слышал? Понимал, что его слова звучат как реплика из найдешевейшей мыльной оперы?

– Докажи.

– Как? – Шон встревожился еще больше, чем когда увидел меня.

– Разбей ей сердце. Помучь ее. Убей.

Вряд ли Шон действительно убил бы Стефани. Я ее ненавидела, но убить – не поможет. Я просто хотела посмотреть, как он среагирует.

– Да ладно, Эмили, – сказал Шон. – Будь благоразумной. Она хорошо относится к Ники. Она очень полезна. Ники нравится, когда она дома. И ты была права. Она великолепная няня. Мы выкинем ее, как только получим деньги.

И он говорит *мне* – “будь благоразумной”?

Хотеть увидеть его было громадной ошибкой. Мне захотелось уйти, и все же я сказала:

– Нам надо поесть.

Я проголодалась. А после разговора мне еще ехать назад, в Дэнбери.

Шон заказал хорошо прожаренную телячью отбивную. Я покривилась на эту издающую запах крематория обугленную подошву. Стефани

готовила ему еду в соответствии с его вкусами. Меня затошнило от злости и омерзения.

Я заказала пасту, выбрала что помягче. Нож я бы сейчас себе не доверила.

– Ну хватит тебе, Эм, – сказал Шон.

Он никогда не называл меня Эм. Я говорила ему, чтобы он никогда меня так не называл. Так меня звала Эвелин. Теперь моя сестра мертва. А этот идиот – мой муж – даже не знает, что у меня была сестра. Стефани знала, но я хорошо пуганула ее, и она наверняка держит про Эвелин в секрете. Шон сказал:

– Наш план работает... может сработать... денег нам не придется ждать слишком долго.

Как только он это произнес, я поняла, что не хочу никаких денег, если ради них придется провести остаток жизни с Шоном. Оно того не стоило.

– Твоя гребаная Стефани никогда не была частью нашего плана, – сказала я.

– Я скажу ей, чтоб уезжала. Скажу, что ничего не вышло. Мы с тобой снова соединимся, и все будет, как было, ты, я и Ники...

– Никогда ничего не будет, как было, – сказала я. – Уж будь уверен.

– Но мы были так счастливы!

– Правда?

Моя сестра умерла. И хотя я знала, чисто логически, что в смерти Эвелин Шон не виноват, я не могла избавиться от чувства, что винить следует его. Я сказала:

– Я никогда тебе этого не прощу. Ты *очень* пожалеешь.

– Это угроза? – спросил Шон.

– Может быть. Кстати, об угрозах. Не смей говорить Стефани, что я жива и что ты меня видел. Последнее, чего мне хочется, – это чтобы вы обсуждали меня и пытались разобраться в моих намерениях. Вы со Стефани недостаточно сообразительны.

Я встала и вышла.

Я ненавидела Шона даже больше, чем ненавидела Стефани. Несмотря на ее гордость своими темными секретами, несмотря на свой глупый блог, Стефани была таким простым созданием, что я не могла винить ее в произошедшем. Она напоминала мне спаниеля, плывущего против течения. Или не слишком яркого ребенка, который просто хочет заводить друзей и нравиться людям.

Шон был другим. Он был единственным человеком, за исключением моей сестры, которого я хоть немного, но подпустила к себе.

Единственным человеком, которому я доверяла. Не считая Ники.

Шон предал меня. Это я и имела в виду, когда говорила, что он пожалеет.

Часть третья

Я боялся свою жену. Такого нельзя допускать человеку в моем бизнесе, человеку в любом бизнесе – вообще любому человеку. Я знал, что Эмили – это проблема. Что и было частью ее привлекательности. Что бы вы сделали, если женщина на третьем свидании приглашает вас посмотреть “Подглядывающего”? Что бы вы подумали, если за пять лет брака она ни разу не позволила вам встретиться с ее матерью? Не показала вам ни одной своей детской фотографии и отказывалась сообщать вам о своем детстве хоть что-нибудь помимо того факта, что ее мать пила и имела обыкновение называть ее душой?

Вы пасуете, отступаете. Вы понемногу поддаетесь. Вы теряете силы и не восполняете их. Самсон и Далила, Давид и Вирсавия. В Библии полно таких историй. О чем Библия умалчивает, так это о том, сколь великолепен секс с такими женщинами.

Я влюбился в Эмили и женился на ней, зная о ней не слишком много. У меня имелись иллюзии на ее счет: она так плакала перед толпой на благотворительном вечере Денниса Найлона! Трудно было поверить, что человек, рыдавший при мысли о женщинах, не имеющих питьевой воды, и человек, укравший кольцо моей матери, – один и тот же человек. Гораздо позже Эмили призналась, что плакала не о бедных женщинах, а потому, что на том благотворительном вечере ей пришлось иметь дело с огромным числом ЧП и истериками Денниса. Прекрасная женщина, плакавшая от сострадания... этой женщины не существовало.

Мне следовало оставить Эмили, как только самолет, на котором мы прилетели из Англии, приземлился в аэропорту. В самом начале нашего брака, после медового месяца. Можно было аннулировать брак. Сослаться на то, что произошло, когда я попросил вернуть кольцо матери, а Эмили в ответ пригрозила разрушить мою жизнь. Мне следовало сказать ей, что я совершил ошибку. Вместо этого мы занялись любовью в уборной самолета – и таким образом скрепили сделку. Я любил Эмили. Любил ее безбашенность, ее решительность, ее бунтарскую жилку. Эти качества чем-то восхищали меня, я не хотел это потерять.

Ничто не могло остановить Эмили на пути к тому, чего ей хотелось. И я начал испытывать болезненное удовольствие от этого ощущения – уступить и согласиться выполнить ее желание.

Известие о беременности Эмили привело меня в восторг. Но я не мог отделаться от суеверного страха, что что-то может быть не так – не физически, а психологически не так – с ребенком, зачатым в уборной бизнес-класса линии “Вирджин Атлантик”.

Ники получился замечательный. Но Эмили едва не умерла во время родов. Не знаю, известно ли ей об этом. Врачи говорили не так много и обиняками. Я прочитал это по их лицам, когда они вошли в палату, где рожала Эмили, – в палату, декорированную под комфортабельную гостиную, как будто это могло уменьшить боль Эмили.

Что-то в жене после этого изменилось. Она обожала Ники, но отдалилась от меня. Она как будто полюбила своего младенца и разлюбила (если вообще когда-нибудь любила) своего мужа. Ребята на работе жаловались на подобное; в основном они ворчали, что с появлением детей не стало секса. Но с Эмили было по-другому. У нас был секс, хороший секс. Недоставало другого: тепла, нежности, уважения.

Я всегда немного удивлялся, когда приходил после работы домой, а Эмили все еще оказывалась там. Может быть, она оставалась со мной лишь потому, что я был отцом Ники. Не сказать, что я сделал большой вклад в генетику. Ники был похож на нее, он унаследовал красоту Эмили. Но одним он походил на меня: он был мягче Эмили. Я любил его. Втроем мы были семьей, маленькой семьей. Я бы сделал все, чтобы защитить нас, чтобы сделать нашу жизнь лучше. Все, что Эмили захочет.

Я говорил себе: мне нравится, что она не из тех женщин, кто вечно болтает о своих чувствах и желает знать, что чувствуешь ты. Эмили давала мне право на личные мысли. Но что-то в Эмили было... слишком скрытное, я бы сказал. Даже в поистине хорошие дни, когда я был не на работе, мы все вместе выбирались на машине в какое-нибудь веселое место и развлекались, я бросал на нее взгляд – и видел что-то в ее глазах, что-то беспокойное, хуже, чем беспокойное: панику птицы, случайно влетевшей в дом. Не совсем то выражение, которое хочется видеть на лице жены.

Когда мы с Эмили встретились, я перешел от клевых ребят в университете к ребятам-коллегам на Уолл-стрит, определенно не таким клевым, хотя они и считали себя таковыми. Эти гениальные идиоты умели делать только что-то одно. Они знали, как делать деньги. Но то, что я с Эмили, доказывало: во мне еще осталось что-то клевое. Я был женат на самой красивой, самой классной девчонке. Она постоянно подначивала меня, рисковала, приглашала быть ее партнером по нарушению правопорядка.

Я боялся не присоединиться, боялся отвергнуть безумные идеи Эмили.

Те, что привели к этому нелепому мухлежу со страховкой. Я с самого начала не верил, что эта схема сработает. Я человек практичный. Я обеими ногами стою на земле. У меня серьезная работа на Уолл-стрит. Но я дал Эмили убедить себя, потому что, укажи я ей на очевидные изъяны ее плана, она решила бы, что я трус. Я говорил ей: два миллиона долларов этого не стоят. Я зарабатываю кучу денег. Я могу попросить прибавку. Но Эмили продолжала твердить: дело не в деньгах. Дело в опасности, в риске. Дело в том, чтобы ощутить себя живой. И господь свидетель: я хотел, чтобы моя жена ощущала себя живой.

Предполагалось, что все очень просто. Блестяще. Эмили изобразит свою смерть от несчастного случая. Я не расспрашивал об этой части плана, и она оценила мое молчание. Компания согласилась бы с наступлением страхового случая, и после большой выплаты мы с Эмили и Ники воссоединились бы в каком-нибудь европейском раю, и денег у нас хватило бы на несколько лет. А потом решим, что делать.

Я хотел верить, что наш план сработает. Но не верил. Единственное, что я знал *наверняка* – это что если я откажусь, нашему браку конец. Эмили шантажировала меня, хотя мы никогда это так не называли. У нее была сводящая с ума манера устроить так, чтобы результат шантажа выглядел как обоюдное согласие.

Не предполагалось, что она умрет. Я оказался слабым звеном. Не понимаю, как это вышло. Эмили твердила мне “не верь, что я умерла”, но отчет о вскрытии с результатами ДНК-теста выглядел таким убедительным! Планы, продуманные и получше нашего, оказывались опасно неверными.

Одно Эмили говорила о себе: в юности у нее были небольшие проблемы с наркотиками. Говорила, что сделала татуировку на запястье, чтобы напоминать себе, какие скверные вещи случались, когда она употребляла. И она прекратила употреблять, довольно рано.

Я ни единой минуты не верил, что Эмили собиралась покончить с собой. Она никогда не оставила бы Ники без матери. Я был уверен, что это несчастный случай. Кайфанула, выпила, решила поплавать – и утонула. На ней было мамино кольцо. Тот пункт отчета о вскрытии, где говорилось о повреждениях печени и долговременном употреблении наркотиков, – вообще ни о чем. Явная ошибка. Врачи все время ошибаются. Оперируют не того пациента, удаляют не ту почку.

Я оплакивал Эмили. Я оцепенел от горя. Точнее, меня мотало от оцепенения к мучительной боли. Но я должен был оставаться сильным ради Ники, даже если мне страшно вставать по утрам. Сначала я не хотел

жить дальше. Я винил себя, что согласился сыграть в корыстную, нереализуемую, незаконную – глупую – игру, затеянную женой.

* * *

Я верил – искренне верил, – что моя жена мертва. Возможно, отчет о вскрытии содержал кое-какие ошибки, но мне пришлось поверить фактам: ДНК моей жены. Кольцо моей матери.

Только по этой причине я позволил себе сблизиться со Стефани. Я никогда не сделал бы этого, зная, что Эмили жива.

Стефани делает все, как я хочу, и, хорошо это или плохо, она меня не пугает. Не подначивает. Она готовит мне ужин так, как мне нравится, без дружеских подколов Эмили, которые, я знаю, были плохо скрываемым презрением к скучным предпочтениям британского мясоеда: чтобы бифштекс был хорошо прожарен. Стефани включает музыку, которая мне нравится.

Я не люблю Стефани. Никогда не любил и никогда не полюблю. Но я не против, чтобы она была рядом. Я всегда знаю: когда приеду домой, она будет дома. Она не задает вопросов, в ней нет холодности. Она живет, чтобы удовлетворять желания Майлза, Ники и мои. В постели – с тем же энтузиазмом, что и везде.

Жизнь с ней успокоила меня настолько, что я начал видеть отрицательные стороны плана Эмили. Первое: Ники страдает. Второе: полиция задает вопросы. Третье: подозрения Стефани.

И самое главное – смерть Эмили.

У Стефани есть основания для подозрений. Она – то, что, по словам Эмили, покерные игроки называют “рыбой”. Стефани вечно намекает на темные эпизоды своего прошлого, говоря, что хочет быть сверххорошим человеком, чтобы загладить свои прошлые поступки. Сверххорошим человеком? Что это *вообще значит*? Когда Стефани вещает о своем “темном прошлом” и я не закатываю глаза настолько явно, чтобы она это заметила, я ощущаю себя нелояльным Эмили.

Стефани понятия не имеет, что мне известно, кто отец Майлза. И что? Какое мне дело? Она воображает, что эта тайна делает ее темным центром Вселенной. Но Стефани – единственный человек, кому до этого есть дело.

Они с моей женой обе безумны. Они могли бы действительно подружиться, если бы Эмили не искала “рыбу”, если бы Эмили была способна дружить.

Ни на одну минуту я не воображал, что мы со Стефани останемся вместе навсегда. Но она была удобной и выполняла домашнюю работу, пока я пытался излечиться после смерти своей жены, которая, как оказалось, вовсе не умерла.

* * *

Я сидел на своем рабочем месте, когда пришло сообщение: “подглядывающий”.

Я закрыл глаза, потом открыл. Слово все еще было на экране. Слово, которое выглядело слишком опасным – взрывоопасным, – чтобы читать его в офисе. Я сунул телефон в карман и спустился на лифте вниз. Курильщики из моего офиса стояли – в соответствии с предписанием – не менее чем в 25 футах от двери. Я помахал им рукой и завернул за угол. Мне требовалось личное пространство. Мне нужен был воздух. Я еще раз проверил сообщение.

Слово никуда не исчезло. Это было невозможно. Либо моя жена жива, либо кто-то нашел ее телефон. Ее настоящий телефон.

Я отправил ответ: “Подглядывающий”.

Подождал.

Пришел ответ: “Ужин?”

То и дело нажимая не на те кнопки, я напечатал: “Где?”

“Дорсодуро”.

Ресторан, в котором я сделал Эмили предложение.

Моя жена была жива.

* * *

“Дорсодуро” был выбором Эмили.

Я предпочел увидеть в этом утверждение. Романтический жест. Она все еще любит меня. Мы все еще вместе. Муж и жена. Все еще можно уладить.

Едва я увидел Эмили, идущую ко мне через ресторанный зал, то понял, что не полюблю больше никого, сколько бы ни прожил. Такая яркая, лощеная, элегантная. Такая сексуальная. Люди всегда оборачивались ей вслед. Эмили обладала особой энергетикой. Что-то менялось в атмосфере, когда она входила в помещение. Одна или с мужчиной, которому повезло

быть с ней. Когда в комнату входила Стефани, невольно казалось, что она тут с каким-нибудь жалким типом, который опоздал или не смог найти место на парковке. Или что она назначила свидание с парнем, а он собирается ее продинамить.

Я не хотел думать о Стефани. Она была последним человеком, о котором я хотел думать.

Увидеть Эмили снова было как сон, чудесный счастливый сон, сон, который наверняка хотят увидеть все, сон, исполнения которого мы жаждем. Сон, в котором умершие возлюбленные не умирают.

Эмили выглядела потрясающе. Как ей удалось все это время сохранять свой черный костюм от Денниса Найлона в безупречном состоянии? Пожалуй, она была красивее, чем в моих воспоминаниях или чем когда мы поцеловались на прощание в аэропорту.

Она была гончая по сравнению со Стефани – повизгивающим спаниелем. “Мерседесом” по сравнению с “хёндаи”-Стефани. Стефани основательно прожаривала стейки, но с Эмили мне никогда не бывало скучно.

Я поднялся было, чтобы обнять ее, но взгляд Эмили заморозил меня в неловкой позе, полустоя. Я моментально понял, что это не счастливый сон о воскресшей возлюбленной. Я бы сказал, что он вот-вот превратится в разновидность кошмара.

– Не вставай, – сказала Эмили.

Метрдотель отодвинул ей стул, мы подождали, пока не останется никого в пределах слышимости, и только потом заговорили.

– Я думал, что ты умерла. – Это было все, на что меня хватило.

– Очевидно, что ты ошибся.

– Мне жаль. Мне правда жаль.

– Ты не поверил мне, – сказала Эмили. – Ты мне не доверял.

– Тогда кто умер? Чье это было тело? На ком было мамино кольцо?

– Тебе не нужно знать. Если я скажу, ты все разболтаешь Стефани.

– Это удар ниже пояса, Эмили. Это нечестно.

– Ты что, не читаешь ее идиотский блог? Все о вашей здоровой счастливой смешанной семье? И как Стефани утешает бедного маленького Ники, который трагически потерял свою маму?

– Мне и в голову не приходило читать ее блог. Я не... Я бы не...

– А следовало бы, – заметила Эмили. – Он весьма информативен, поверь мне.

– Мне жаль. Я не могу выразить словами, как мне жаль.

– Не надо. Прошу тебя, не надо.

Именно в этот момент нам следовало подняться и уйти. Путь из этой точки вел только вниз. И все же я продолжал надеяться.

Эмили сказала, что голодна. Мы сделали заказ. Деньги на ветер. Мы оба были не в состоянии есть.

Я сказал Эмили, что Стефани для меня ничего не значит. Никогда не значила. Она как бесплатная няня. И услужливая. Может быть, мне не стоило говорить “услужливая”.

Эмили дернулась, потом села очень прямо. Я различил, что она качает головой. Ее неумолимое безжалостное “нет”. Я начал говорить, что она единственная, всегда будет единственной для меня. Что мне жаль. Она зевнула.

Слишком поздно. Я оказался дураком. Как тайно или не тайно, всегда считала моя жена. Она сказала, что никогда не простит меня. Сказала, что я очень пожалею.

Очень пожалею.

Эмили угрожала мне. Но что она могла сделать? Еще один глупый вопрос. Эмили могла сделать все что угодно. Она обвиняла меня в том, что я ее недооцениваю. Но это была громадная ошибка с ее стороны.

Эмили встала и вышла.

Подошел официант, встал рядом со мной. Мы смотрели, как она уходит.

– В самом аду нет фурии страшнее^[2]... – процитировал он. – Шекспир был прав на этот счет.

– Пошел ты, – сказал я. – Это не Шекспир.

Официант пожал плечами. Он-то тут при чем? Немного погодя он прислал другого официанта, со счетом. Я доел отбивную – полусырую, отвратительную; у меня разыгрался волчий голод. Я оставил официанту большие чаевые в качестве извинения. Почему нет? Я весь вечер извинялся.

Я успел на последний поезд, уходящий с Центрального вокзала.

Я прошел прямо в комнату Ники и обнял его, хотя он спал. Я не разбудил его. Я не знаю, что сделал бы, войди Стефани в комнату и попытайся сказать мне, как снова уложить моего сына спать. Начни она *инструктировать* меня этим вызывающим раздражение, приторным голосом Мамы-Кэпа.

Я прошел к себе, лег рядом со Стефани и отвернулся от нее. Я не хотел касаться ее и не хотел, чтобы она касалась меня.

– Тяжелый день?

– Ты и половины не знаешь, – ответил я.

Я не двигался, пока не услышал, как Стефани мягко похрапывает и производит глоткой эти словно резиновые щелчки, которые начинали меня бесить.

Я поднялся и перешел на диван в гостиной. Я не спал всю ночь.

* * *

Худшие черты характера Стефани передались мне. Ее паранойя. Тревога коровы, которую гонят на скотобойню. Кто мог подумать, что такие вещи окажутся заразными?

Я не мог избавиться от ощущения, что Эмили где-то там, в темноте. Наблюдает за домом. Знает, что Стефани здесь.

Сколько времени прошло с того дня, когда Стефани спросила, уверен ли я, что Эмили мертва? Конечно, я был уверен, что она мертва. Стефани сказала: она опасается, что Эмили жива. А я ей не поверил.

Я больше не знал, кому или чему верить.

После этого я перестал спать. Я попробовал бесполезные гомеопатические средства Эмили. Травки, мерзкие чаи и прочее подобное. Не помогло. Стефани сказала, что прошло слишком мало времени, они еще не успели подействовать. Я пропустил ее слова мимо ушей. Когда Стефани чувствовала, что ее игнорируют, ее голос становился еще более раздражающим.

Мой врач прописал мне снотворное, предупредив, что у двух его пациентов были неприятные побочные эффекты, в одном случае – психотический срыв. Я сказал, что у *меня* будут психотические срывы, если я не начну спать. Я надеялся на таблетки.

Когда Стефани спросила, почему я такой дерганный, я свалил все на снотворное. Сказал, что ради него стоит потерпеть мое плохое настроение. Бессонница хуже. Нервозность – побочный эффект. У некоторых людей бывают психотические срывы.

Я умолчал, что виделся с Эмили. Не стал спрашивать, связывалась ли она со Стефани. Сказать, что моя жена жива, ощущалось бы как еще одно предательство. Когда Стефани предположила, что Эмили может быть жива, я подумал: Стефани обманывает себя. Но обманывал себя я.

Меня ничто не извиняет. Я пытаюсь держать себя в руках. Я живу не с той женщиной, и мне угрожает моя жена. Я под огромным давлением. И не могу мыслить ясно.

Вот что меня извиняет. Всегда извиняло. Меня ничто не извиняет.

Однажды в субботу, после обеда, на подъездной дорожке перед нашим домом остановилась машина. Из нее вышел светлокожий афроамериканец средних лет; сверившись с адресом в каком-то документе, он поднялся на крыльцо. Я смотрел на гостя из окна. Он кое-кого мне напомнил...

Синий блейзер, белая рубашка и темный галстук-бабочка со щелчком поставили воспоминание на место. Гость напомнил мне человека, которого я знал в детстве – мистера Реджинальда Батлера. Мистер Батлер был пастором в местной церкви, там было что-то вроде религиозной группы, благотворительная религиозная организация “Манчестерские братья”. Его прихожанами были иммигранты и местные цветные. Мистер Батлер приходил к маминой двери – совсем как теперь этот незнакомец пришел к нашей – за пожертвованиями, за теплой зимней одеждой для своей паствы. Мама как-то пригласила его зайти, и они подружились. А в один прекрасный день мама приняла слишком много шерри и сказала что-то – я так и не узнал, что именно, а мать не говорила, – что мистер Батлер счел оскорбительным. И мы больше никогда его не видели.

И вот он здесь, в Коннектикуте. Я открыл дверь. Конечно, это был не мистер Батлер.

– Мистер Шон Таунсенд? – спросил мужчина.

Я признал, что я – мистер Шон Таунсенд.

– Меня зовут Айзек Прейджер, я из Объединенной страховой компании. Работаю с заявлением о выплате страховки по поводу смерти вашей жены. Весьма сожалею.

Говорил ли он, что сожалеет о смерти Эмили? Или о том, что работает с этим случаем? Или он сожалеет, что надо выплатить деньги? Было ли совпадением, что я *совсем недавно* узнал, что Эмили не умерла? У меня не было ни времени, ни душевного спокойствия, чтобы продумать свой следующий шаг. Следовало ли мне уведомить страховую компанию, как только я вернулся домой после ужина с моей предположительно мертвой женой? Невероятно сложно было бы объяснить, какие события имели место, какие не имели и какие имели место в моем воображении. А в особенности – какие события мы *планировали*. Все, что я смог бы придумать, выставляло нас виновными. Каковыми, полагаю, мы и были. Проще было сунуть голову в песок и сделать вид, что ничего не произошло. И надеяться на лучшее.

Это был момент, которого я боялся, даже если – до самого последнего

времени – не знал точно почему. Момент, когда наша игра обернулась реальностью. Может, я надеялся, что Эмили бросит нашу маленькую шараду до того, как этот момент настанет. Не знаю, о чем я думал.

– Я собирался встретиться с вами на вашем рабочем месте, – сказал Прейджер, – но решил, что подобный разговор вы хотели бы вести дома. Я пытался дозвониться до вас, но...

– Прошу прощения. Я редко беру трубку, если номер незнакомый, – пояснил я.

– Ничего страшного. Вполне понимаю. Многие так делают.

Мы все еще стояли в дверях.

– Прошу прощения, – спохватился я. – Прошу вас, проходите, садитесь.

– Спасибо. Я постараюсь не отнять у вас много времени. Это просто формальность.

Формальность! Я счел это хорошим знаком. Если бы он явился сюда с предположением, что мы с женой сострепали схему, чтобы обмануть его компанию, разговор занял бы гораздо больше времени. Он был бы не просто формальностью.

Я мысленно заклинал Стефани не появляться, пусть занимается, чем там обычно занимается на кухне Мама-Кэп. Но не лезть в чужие дела было выше ее возможностей. Стефани возникла в дверном проеме, одетая в джинсы, старый свитер и толстые носки, которые неприятно шуркнули, когда она вошла в гостиную. Как бы я хотел сказать: “Мистер Прейджер, это Стефани, наша няня”. Кто знает, как бы тогда развивались события.

Вместо этого я сказал еще одно самое худшее:

– Мистер Прейджер, это Стефани. Подруга моей покойной жены.

– Понятно. – Прейджер оглядел ее с головы до ног. – Рад знакомству. – Они пожали друг другу руки.

– Мистер Прейджер – сотрудник страховой компании.

– Какой страховой компании? – спросила Стефани.

Блестяще, подумал я. Возможно, IQ на несколько пунктов выше, чем я ей давал.

– У нас с Эмили была страховка, – пояснил я.

– Правда? – сказала Стефани. – Я и понятия не имела.

– Уточню – страховка на два миллиона долларов, – заметил мистер Прейджер.

– А, погодите, все верно, – сказала Стефани. – Я писала об этом в своем блоге.

Она подыграла мне на случай, если мистер Прейджер читает ее блог.

Что следовало бы делать мне все это время.

Стефани шлепнулась на диван, я сел рядом, но не слишком близко. Диван Эмили был огромный. Места – полно. Прейджер поместился на краешке кресла со спинкой, перетекающей в подлокотники.

Стефани предложила ему кофе, чая, воды. Мистер Пейджер вежливо отклонил все предложенное. Он сказал:

– Я уверен, вы понимаете, что все люди разные. Люди делают то или иное, у них разные причины делать то или иное. Очень редко мы понимаем, что именно человек сделал или почему он это сделал. Хотя вы могли бы сказать, что это моя работа. Понимать людей. Такие дела.

– Мистер Прейджер... – начал я.

– Да-да. Ваша покойная жена. Я все думал, как бы это сформулировать, чтобы по возможности не расстраивать вас. Но мне ничего не остается, кроме как сказать вам все, как есть.

– Сказать что? – Я не мог подавить нетерпения.

– Ладно, – сказал мистер Прейджер. – Мы начали думать, что ваша жена может быть жива.

Мне понадобилась вся сила воли, чтобы не вздрогнуть.

– Господи! Почему вы так думаете?

Краем глаза я уловил взгляд Стефани с выражением “я тебе говорила”. Идиотка. Она понятия не имела, при какой катастрофе сейчас присутствует.

Прейджер покачал головой. Трудно сказать – скорбно или в крайнем недоумении.

– Но я видел отчет о вскрытии, – сказал я.

– Да, отчет, – согласился Прейджер. – Н-ну... Боюсь, тут есть несколько очень неприятных моментов, о которых вы, возможно, не хотели бы слышать. Некоторые предпочитают не поселять определенные образы в своем сознании навсегда. Это ваш выбор. Как я сказал, все люди разные.

– Не знаю, – сказала Стефани. – Я, наверное, из тех, кто не хочет, чтобы определенные образы засели в голове.

– Тогда можешь выйти, – сказал я.

Прейджер подался назад, почти невольно, как иные благовоспитанные люди делают, становясь свидетелями семейной ссоры.

– Пойду посмотрю, как там мальчики. Потом вернусь, – сказала Стефани.

Мне показалось, это прозвучало как предупреждение.

Когда она вышла, мистер Прейджер сказал:

– Позвольте объяснить, что я имею в виду. Я говорю об отчете о вскрытии.

– Я его читал.

– И еще раз... все читают подобные вещи по-разному. Когда я его читал, например, меня крайне удивили некоторые моменты – возможно, другой человек не обратил бы на них внимания. Человек, который занимается не тем, чем я. Например, там было указано, что у погибшей отсутствует передний зуб, причем долгое время. Достаточно долгое, чтобы на месте отсутствующего зуба выросла кость. Полагаю, мистер Таунсенд, вы бы знали, если бы у вашей жены отсутствовал передний зуб.

– Думаю, о чем-то подобном я бы знал, – согласился я.

Теперь я был напуган, напуган по-настоящему. Если мертвая женщина – не Эмили, то кто она? Очевидно, что этот вопрос я должен был задать себе, как только увидел Эмили в ресторане на Манхэттене. Но я каким-то образом умудрился выбросить это из головы. Я каким-то образом убедил себя, что погибшая – с ДНК моей жены – не погибла, а вообще не существовала.

– Согласен, – сказал Прейджер. – Вы, вероятно, знали бы. А учитывая, что ваша жена работала в модной индустрии... Если бы она *потеряла* зуб, то поставить зубной имплант было бы для нее, можно сказать, в порядке вещей.

– Допускаю, – согласился я. Голова вдруг стала тяжелой.

– Ну, а у женщины из озера никогда не было импланта. Просто отсутствовал зуб.

– Тогда это не моя жена, – сказал я. – За исключением того, что это она. ДНК совпала.

– Мы полагаем, что это могла быть ее сестра.

– Сестра? Эмили была единственным ребенком. Какая сестра?

Мистер Прейджер потер намечающуюся лысину и посмотрел на меня с каким-то чистым изумлением.

– Мистер Таунсенд, вы действительно не знали, что у вашей жены была сестра-близнец?

– Что за фантазии! Вы уверены, что не перепутали женщин?

– Мистер Таунсенд, как такое вообще возможно? Вас не смущает мысль, что можно жить с кем-то, быть *женатым* на ком-то – и не знать, что у этой женщины есть сестра? И не просто сестра, а близнец.

– Не знаю. Не могу объяснить. Эмили всегда говорила, что была единственным ребенком. Я не думал, что она – я не думал, что *любой другой человек* – способен лгать о подобных вещах.

Прейджеру было ясно, что я говорю правду, хотя бы об этом. Он зарабатывал на жизнь умением видеть, когда кто-то лжет.

– Ваша жена представляется весьма необычной женщиной, – заметил он.

– В чем дело? – спросила Стефани.

Я не слышал, как она вошла. Я спросил:

– Стефани, а *ты* знала, что у Эмили была сестра-близнец?

– Ты что, шутишь? Шутишь...

Стефани была плохой вруньей. Она знала. Как она могла не сказать мне? Как это могло не всплыть? Полагаю, мы со Стефани много чего друг другу не говорили. Я не видел причин упоминать, что Майлз – сын ее брата. Может быть, благодаря этому мы со Стефани лучше ладили. Может быть, поладить с другим человеком только и можно, что ценой умолчаний. Безусловно, Эмили лгала в особо крупных размерах. Когда Стефани обнаружила, что у Эмили была сестра-близнец? Или всегда знала? И об этом тоже было в ее блоге?

Я задавал себе вопрос: как я мог не знать? Это заставило меня усомниться вообще во всем, все мое прошлое вдруг представилось мне туманным и неясным. Что представлял собой мой брак?

Стефани, мистер Прейджер и я уставились на фотографию Дианы Арбус над каминной полкой. Как будто заметили ее одновременно. Какое-то время все молчали.

– Вот что, – сказал мистер Прейджер. – У нас осталось несколько вопросов, на которые пока нет ответа, и, конечно, самый серьезный из них – когда и что именно мы скажем властям, которые, без сомнения, превратят мое расследование в расследование совершенно другого рода. А может быть – не превратят. Сделают меньше, чем я сейчас, и такое бывает. Но случай, конечно, следует прояснить до того, как встанет вопрос о выплате.

– Конечно. Как вы думаете, что произойдет? И когда? – Я старался придушить нотку мольбы в своем голосе.

– Довольно скоро, – пообещал мистер Прейджер. – А пока, хотя это и вне моих полномочий, я бы попросил вас обоих не уезжать далеко и надолго.

– Разумеется! – сказал я, полагая, что согласие докажет мою невиновность.

– Наши дети ходят в школу, – сообщила Мама-Кэп; в ее голосе, как мне показалось, прозвучало сознание собственной праведности. Но я не винил Стефани в том, что она разыгрывает материнскую карту.

– Да-да, – согласился мистер Прейнджер. – Я искренний поклонник вашего блога.

Он встал и отряхнулся. Он пожал нам руки и поблагодарил нас. Он дал

нам по визитной карточке. Он пригласил нас звонить ему в любое время дня и ночи, если у нас возникнут мысли по этому и любому другому поводу. Не говоря уже, если моя жена даст о себе знать... Он просил нас оставаться на связи.

Мистер Прейджер сказал, что провожать его не обязательно, и мы не стали его провожать. У нас не было выбора. Мы смотрели, как он уходит, не в силах подняться с дивана.

– Ты знала? – спросил я. – Откуда ты узнала, что у Эмили была сестра-близнец? Как ты могла не сказать мне?

– Есть вещи, которых ты не говоришь *мне*, – ответила Стефани. – У всех есть секреты.

Мамы, привет!

Как мы, мамы, понимаем, что что-то – по-настоящему? Как мы определяем, когда наш ребенок болен, а когда лишь притворяется, чтобы остаться дома и не ходить в школу? Первые несколько раз мы ошибаемся, но мы учимся. Когда мы узнаем, что наша подруга отчаянно нуждается в нашей помощи, что нужно забыть смешанные чувства и смутные времена, которые нам, быть может, выпало пережить? И делаем то, что ей нужно, потому что это по-настоящему и мы *должны* помочь.

Это дар, который развивается у матерей, встроенный детектор я-знаю-что, чутье на правду, оно помогает нам и в нашей нематеринской жизни, в построении карьеры и в творческих поисках – в тех занятиях, из которых материнство нас не выключает. Вот почему женщины так хороши в помогающих профессиях, да и просто в помощи своим родным. Вот почему мы становимся такими хорошими друзьями.

Мы умеем определять, когда наш друг просит нас. Просит на самом деле, о простой услуге. Мы определяем это по тому, как друг говорит: *“Пожалуйста”*. И мы делаем то, что надо другу, все равно что.

Мне есть еще что сказать об этом. Но сейчас мне пора бежать. На встречу с подругой. Кажется, мне придется озаботиться важными делами, которые не дадут мне некоторое время вести блог.

Больше напишу потом, как только смогу.

Мне пора бежать!

С любовью,

Стефани

Визит мистера Прейджера страшно огорчил меня. Мы с Шоном перестали общаться. Мы перестали доверять друг другу, это-то понятно. А может быть, и никогда не доверяли.

Меня заинтриговали слова мистера Прейджера о том, что он читает мой блог – еще одно доказательство того, насколько далеко заплывло мое письмо в бутылке, как далек берег, на который его выбросило. Меня подмывало перечитать свой блог и посмотреть, не запостила ли я чего-нибудь изобличающего. Но кого я могла бы изобличать?

Когда мистер Прейджер ушел, я спросила Шона, что происходит. Не будет ли он так любезен – *наконец* – сказать мне правду? Они с Эмили инсценировали ее смерть, чтобы забрать деньги по страховке? Они надули меня? Я была лохом в их схеме? И осталась им?

Шон настаивал: ничего подобного. Утверждал, что сбит с толку так же, как и я. Он на самом деле считал, что Эмили умерла. Иначе... Ему не нужно было объяснять. Я знала, что он имел виду. *Иначе* он не пригласил бы меня разделить с ним жизнь.

Он понятным образом заикнулся на том, что у Эмили оказалась сестра-близнец. И мне пришлось признать: очень странно, когда узнаешь такие вещи о своей жене после шести лет брака. *Я* была потрясена, обнаружив это, – а ведь Эмили была только моей подругой и сравнительно недолгое время.

Говорила ли мне Эмили правду хоть *когда-нибудь*? Был ли Шон правдив со мной сейчас? Неизвестность должна была бы заставить меня возненавидеть их обоих. Странно, что этого не произошло.

Меня ожидали перемены, от которых никуда не деться. Хотя, возможно, они обернулись бы в *мою пользу*. Что, если Шон и Эмили оба отправятся в тюрьму? Доверят ли мне холить и лелеять Ники, если случится худшее? Эмили не думала о том худшем, что может случиться. Она не думала даже о Ники. Или о двух миллионах долларов. Ложь и игра – вот от чего ее штырило. Врать всем подряд. Особенно мне.

У меня была минутная фантазия: Эмили и Шона *посадили* в тюрьму, и я стала опекуном Ники. Мне всегда хотелось второго ребенка. То, что я позволила себе впустить эту мысль в сознание – даже на долю секунды, – заставило меня почувствовать себя настолько виноватой, что я ущипнула

себя, чтобы прогнать ее.

Столько вопросов Шон не задал мистеру Прейджеру! Если погибшая была сестрой Эмили, то как она умерла? Это известно. Она утонула, и ее организм был перегружен алкоголем и таблетками.

* * *

Примерно через неделю после визита мистера Прейджера на телефонном определителе высветилось “Неизвестный номер”.

Мне следовало презирать Эмили. Она лгала мне. Она манипулировала мной. Она предала нашу дружбу. Она терроризировала меня. Она неусыпно следила за мной из рожицы за домом и проникла в мой дом, когда меня там не было. Так что я не могу объяснить, насколько счастлива я была просто услышать голос своей подруги. Я не могла притворяться даже перед самой собой, что мои эмоции осмысленны. Эмили сказала:

– Стефани. Это я. Мне *отчаянно* нужно, чтобы ты помогла мне. *Пожалуйста*.

От того, как она произнесла “*пожалуйста*”, мне захотелось написать в блоге о помощи другу в беде. О том, как мы узнаем, что друг действительно, на самом деле нуждается в нас. Я никогда не смогла бы написать всю правду. Но я захотела написать, почему не смогла сказать “нет”. Может быть, напиши я об этом в блоге, я бы поняла, почему согласилась, почему захотела простить ее, не придавать значения отвратительным поступкам Эмили по отношению ко мне.

Все, что я сейчас знала, – это что Эмили нужна моя помощь. Она поставила себя в опасное положение. Эмили сказала:

– Меня преследует какой-то человек. Уже пару недель. И не особенно старается остаться незамеченным. Я не знаю, чего он хочет.

– Как он выглядит? – спросила я.

– Среднего возраста. Светлокожий мулат. Всегда в костюме и галстук-бабочке. Немного похож на того киллера из “Прослушки”.

– Я не смотрела “Прослушку”. – Я тянула время.

– Господи, Стефани, никому не интересно, смотрела ты “Прослушку” или нет.

Никогда за время нашей дружбы она не говорила со мной таким тоном. Почему бы не сказать ей правду? Особенно когда другие лгут.

– Тут был мужчина, похожий на того, кого ты описываешь, – сказала я. – Он следователь из страховой компании. Занимается вашей с Шоном

страховкой. Выплатой по твоей смерти от несчастного случая.

– Я так и знала. Не знаю почему. Но знала. Уловила его вибрации. Плохо. Шон сказал ему, где я?

– Эмили, успокойся. Шон не знает, где ты. Я не знаю, где ты. Усвоила? Я помню, что ты была за домом, наблюдала за мной – на этом все.

Так резко я с ней никогда не говорила, и я задержала дыхание. Но Эмили не думала о моем тоне – или о нашей дружбе.

– Тогда не знаю, как он нашел меня. Может, номер материнской машины попал под какую-нибудь камеру слежения.

– Будь осторожна, – предупредила я, – он не дурак. Производит впечатление слегка неуклюжего, но, думаю, замечает и запоминает каждую мелочь.

– Стефани, мне надо тебя увидеть. – В голосе Эмили послышались слезы. Раньше я никогда не слышала, чтобы у нее был такой голос. – Мне надо с тобой поговорить. Мне нужен твой совет. Мне нужен друг.

Я знала, что разговариваю с человеком, который лгал, когда дело касалось самого важного. Она лгала своему мужу, лгала мне. Возможно, она лгала себе самой. Но я тоже была лжецом. А она – мой друг. Я поверила ей.

Моим единственным шансом найти объяснение было узнать, что Эмили думает на самом деле. Кто она такая на самом деле. Она слишком многое держала при себе. Тайны Эмили были столь же темными, как мои. Может быть, еще темнее.

Вы скажете – *предполагалось*, что мы друзья. И все еще можем помогать друг другу.

– Ладно, я приеду. Но тебе придется пообещать, что на этот раз ты скажешь мне всю правду. Никакого вранья, никаких секретов.

– Обещаю, – сказала Эмили.

* * *

Эмили попросила меня встретиться с ней в баре отеля “Шератон”, у границы штата, милях в тридцати от нашего городка. В будний день, в полдень. Нам не нужно было уточнять, что мальчики будут в школе, а Шон – в городе. Нам не нужно было упоминать их имена.

Эмили сказала, что ей надо встретиться со мной в общественном месте. Общественном, но приватном. Анонимном.

– Никто из моих знакомых не должен нас видеть. Хорошо бы

встретиться в гараже подземной парковки.

Я не поняла, что она имела в виду, но рассмеялась. Могу сказать – предполагалось, что я рассмеюсь.

– Понимаешь, Стефани?

Я еще раз сказала, что понимаю, хотя не понимала. Может, скоро пойму. Эмили сказала:

– Я могу попросить тебя об услуге? Ну... может быть, о двух.

– Что за услуга? – Я насторожилась. Неужели я оказала Эмили недостаточно услуг?

– Ты не могла бы привезти мое кольцо? Мое помолвочное кольцо от Шона.

– Я знаю, где он его держит, – сказала я, но пожалела.

Какая нелепость. Эти слова могли напомнить Эмили о моих интимных знаниях о Шоне и его привычках.

– Я знаю, что ты знаешь, – заметила она.

– Откуда?

Эмили не ответила. Может, она видела через окно, как я рылась в столе Шона? Или блефовала, чтобы еще больше выбить меня из колеи?

– И еще кое-что... Может, покажется странным. Ты не могла бы привезти мне расческу Шона? И знаешь, чистить ее не обязательно.

Я учуяла проблемы. Настоящие проблемы. Научилась ли я чему-нибудь за это ужасное время? Неужели моя вера в ближнего не была настолько повреждена, что не подлежала восстановлению? Неужели я все еще верила в дружбу? В естественные узы между мамами?

Я больше не контролировала свой мозг, если вообще когда-нибудь это делала. Решения принимало мое сердце. Мое сердце открылось другу. Мое сердце сказало: да. В какой день? В какое время? В каком месте? Я буду там.

* * *

Я приехала первой, специально. Эмили выбрала странное место. Бар из другого десятилетия. Реликт. Бар был оформлен под фальшивую библиотеку с фальшивыми книгами, которые на самом деле были частью обоев, и фальшивый огонь горел в фальшивом камине. Как английский клуб для джентльменов, за исключением того, что находился он в гостинице на небольшом возвышении над границей штата. Бог знает где.

Такое оформление... Эмили хотела намекнуть на фальшивый характер

нашей дружбы?

Бар был приятным, и в ожидании Эмили я не без удовольствия пощипывала картофельные “лодочки” с сыром. Посетителей было всего двое – чета пожилых туристов, перед которыми уже стояли кофе и десерт. Муж вышел в туалет и пропал навечно. Потом настала очередь жены. Она исчезла так надолго, что когда наконец вернулась за стол, муж снова отправился в туалет. Смотреть на них было не особо весело. Мне не хватало Дэвиса. Мы никогда не состаримся вместе, как эта чета.

Я расправилась с двумя порциями печеного картофеля с сыром. Я проголодалась и нервничала. Я не знала, чего ожидать и во что я собираюсь ввязаться. Не собирается ли Эмили снова предать меня? Будет ли это еще одним трюком, еще одной уловкой? Еще одной главой ее плана наказать меня за то, что я спала с ее мужем?

Я сказала официанту, что жду друга. Не знаю, что он себе представил. Бойфренда, может быть, или подружку. Кто еще станет назначать встречи здесь, кроме пустившихся в тайный адюльтер любовников?

Ничего подобного. Это была моя подруга. Это была Эмили.

Я изучала ее лицо, ища на нем признаки гнева, давней обиды, любого указания на то, что она снова задумала ударить меня. Но ничего подобного я не видела. Я видела только знакомое лицо подруги, которую, несмотря на все произошедшее, все равно любила. И которая все равно любила меня.

Я вскочила из-за стола. Пожилые туристы наблюдали, как мы обнимаемся. Эмили пахла как всегда. Я подалась назад и взглянула на нее. Она выглядела как Эмили. Блестящая. Красивая. Как будто ничего не случилось.

Но что-то изменилось. Она выглядела... не знаю. Печальной. Словно потеряла половину себя.

Она была одета, как на работу. Как могла бы быть одета в тот вечер, несколько месяцев назад, когда собиралась забрать Ники по дороге из офиса домой.

Но Эмили тогда не приехала домой. Она задолжала мне объяснение.

Я заказала джин с тоником, хотя никогда не пью в середине дня. Определенно не пью до того времени, когда надо забирать мальчиков из школы. Эмили выпила одну “маргариту”, потом еще. Все это время мы ничего не говорили, но в конце концов я не вытерпела. Я сказала:

– Человек, который преследует тебя...

– Стефани, пожалуйста, давай поговорим об этом позже? Сначала мне надо понять, что ты мне доверяешь. У тебя наверняка есть вопросы. Спрашивай о чем хочешь.

Эмили держала себя настолько открыто, что мне вообще трудно было спрашивать ее о чем-либо. Все казалось нарушением личного пространства. Зачем ты разыграла свою смерть? Зачем ты втянула в это меня? Ты еще злишься на меня из-за Шона? Что у тебя на уме? *Кто ты?* Но я сказала только:

– Почему я не знала, что у тебя была сестра? Почему ты не сказала мне, что у тебя была сестра-близнец?

Не знаю, почему я начала с этого, отметя прочие вопросы, которые могла бы задать, обвинения, которые могла бы выдвинуть, мистификации, объяснения которых хотела. Полагаю, потому что это было первое, что пришло мне в голову.

– Я не знаю. Правда не знаю.

Эмили развела ладони и сложила вместе. Знакомый жест, но что-то изменилось. На ней не было кольца. Кольцо было у меня, в моем кошельке. Кольцо, которое оказалось на трупке из мичиганского озера.

– Я провела черту, – сказала Эмили. – Ты знаешь, как это бывает. Знаешь, как не можешь сказать или подумать о вещах, о которых просто не хочешь думать или говорить. Как человек хранит секреты от самого себя. Мы с тобой дружим в том числе и поэтому.

Раньше я никогда об этом не думала. Но Эмили права.

– Как звали твою сестру? – спросила я.

– Эвелин. – Слезы блеснули в глазах Эмили.

– Что с ней произошло?

– Она покончила с собой в Мичигане, в домике на озере. Я бросилась туда, хотела ее спасти. Поэтому и не вышла на связь с тобой. Мне так стыдно, что тебе пришлось через столько всего пройти из-за меня. Но я безумно любила Эвелин, и у меня не было времени объясняться с людьми, которые даже не знали, что у меня есть сестра. Понимаешь?

– Да, – сказала я, хотя опять не была уверена, что понимаю.

– Я перепробовала все, чтобы спасти ее. Сначала я решила, что победила. Решила, что уредила ее жить. Она поклялась, что не покончит с собой. – Слезы катились по щекам Эмили. – Она сделала это, пока я спала. И мне с этим никогда не справиться. Никогда. Иногда я чувствую себя так, словно тоже умерла. Я знаю, вы с Шоном думали, что я умерла. Мне так было проще. Я никого не хотела видеть. Не хотела ни с кем говорить. Я не могла ничего объяснять. Я не хотела существовать. Но в конце концов я истосковалась по Ники. И по тебе.

– Думаешь, это было честно по отношению к нам? – спросила я.

– *К нам?* Ты смеешься?

– Прости, – сказала я. – Шон *верил* тебе.

– Нет, не верил. Я была права, когда думала, что не могу доверять ему. Поэтому и не говорила Шону об Эвелин. О том, как любовь к сестре и страх за нее контролировали мою жизнь. Этого я не могла ему доверить. Я контролирую информацию, это моя профессия. Но я не могла контролировать нечто настолько... личное. Насколько болезненное.

Я смотрела на свою подругу и видела абсолютно другого человека. Человека, страдающего больше, чем сильная, гламурная мама “все и сразу”, с личной помощницей и работой в модной индустрии. Человека более сложного и... человеческого.

– Шон не понял бы, – сказала Эмили. – Он был единственным ребенком. В какой-то степени из-за любви к сестре и страха за нее у меня и начались проблемы с алкоголем и таблетками. Мы с ней составляли друг другу компанию в саморазрушении. Потом я свернула с этой дорожки, а она пошла по ней дальше, одна.

Эмили наконец честно рассказывала о своих отношениях с алкоголем и наркотиками – и о своей сестре. И о своем муже. Наша дружба никогда больше не будет прежней. Между нами всегда будет что-то стоять. Спасибо Шону.

– Ты привезла кольцо? – Когда она спросила это, мне показалось, что она читает мои мысли.

Я достала кольцо, открыв в кошельке кармашек на молнии, куда положила его сохранности ради.

– Откуда ты знаешь, что оно было у Шона? – спросила я. – Откуда ты знаешь, что я знаю, где оно было?

Повисло молчание. Я затаила дыхание.

– Я не знала, – сказала Эмили. – Я надеялась. Я дала его Эвелин перед тем, как она погибла. Хотела, чтобы кольцо было у нее. Из того, что она могла бы носить, я могла дать ей только это. И я знала, что это кольцо важно для Шона. Он подарил мне его в самом начале ухаживания. Его дар любви. Память о счастливых временах. Кольцо принадлежало его матери, она дала его Шону, а он подарил мне.

Я напряглась, готовясь противостоять боли, которую ожидала испытать, услышав, как Эмили была счастлива с Шоном: еще одно напоминание, что Шон никогда не полюбит меня так, как любил Эмили. Но я ничего не почувствовала. Так чудесно было быть рядом со своей подругой! Я уже переболела Шоном. Шон стал историей.

Эмили надела кольцо и покрутила его на пальце.

– Смотри, – сказала она, – велико. Наверное, я немного похудела за

время своего... отпуска.

– Не знаю, – ответила я, – выглядишь великолепно. – Так оно и было.

Кольцо на пальце сотворило чудо. Эмили... преобразилась, все, что я могу сказать. Скорбящая по сестре женщина снова исполнилась жизненной силы. Что-то – целеустремленность? – восстановило ее черты, а может быть, движения ее снова стали свободны, как у старой доброй Эмили, и драгоценные камни поймали весь свет, какой только был в баре отеля.

Эмили вернулась.

* * *

Слезы текли по лицу Эмили, когда она наконец сказала мне ужасную правду: Шон начал унижать и избивать ее через несколько месяцев после свадьбы.

– Он знал, как бить меня, чтобы не оставить синяков. Но бил он меня редко. В основном угрожал. А разозлившись, рассказывал мне, как просто будет уговорить мегаяуристов его компании оказать ему услугу. Самые зубастые законники, работающие по делам опеки, докажут, что я плохая мать. Уничтожат меня в суде, расскажут о моих прошлых проблемах с алкоголем и наркотиками. Станут использовать против меня и то, что я работаю в модном бизнесе. Опишут мою должность как “специалист по связям с общественностью Содома и Гоморры”.

Как, должно быть, напугана была моя подруга, если держала все это в себе даже после того, как я доверила ей столь многое и дала понять, что она может доверять мне. Мы всегда полагали, что невротик в нашей дружбе – это я. Но на самом деле Эмили была параноиком. Параноиком и непредсказуемой. Вообразите: она записала мое тогдашнее признание возле карусели на случай, если ей понадобится использовать его против меня! Зачем, зачем ей понадобилось бы использовать против меня *что бы то ни было*? Мы друзья, и значит, мы в одной лодке. Как грустно, что Эмили не доверяла мне. Но я знаю, что такое иметь проблемы с доверием.

Неужели Эмили думала, что она единственная женщина, у которой муж негодяй? Так часто бывает. Муж заставляет жену поверить, что она одна в этом мире. Но Эмили никогда не была одна. У нее был Ники. У нее была я.

– Парень, который тебя преследует... – сказала я.

– Ладно. Минуту. – Эмили подняла руку. – Сначала я хочу кое-что сказать. Стефани, я не виню тебя. Ты думала, что меня нет в живых. Я не

виню даже Шона, но не могу простить ему, что он не оставил мне выбора и мне пришлось разлучиться с Ники. И с тобой. Я не могла сказать тебе, даже тебе. Как же я рада, что его злоба не обернулась против тебя.

Много всего надо было обдумать сразу. Шон никогда не казался мне злым. Даже после визита мистера Прейджера я не увидела признаков ярости, которая так пугала Эмили. Шон просто всегда выглядел грустным. Но если верить Эмили, он был искусным актером – да еще и злым. Поразительно, насколько убедительно мы можем притворяться теми, кем не являемся.

Сидя в баре отеля, Эмили рассказала мне, как прорабатывала шок и горе. Ей пришлось пережить потерю сестры – и не видеть при этом Ники, который мог бы так помочь ей, так утешить своими любовью, теплом и кротостью. Но Эмили пришлось оставить Ники и прятаться, потому что она боялась Шона, боялась того, что он может сделать с ней.

Захотелось еще джина с тоником, но мне еще предстояло ехать назад и забирать Ники и Майлза.

– Шон скажет, что я бросила Ники. Заявит, что все это – моя идея. Заставит тебя дать показания в его пользу. Какой у тебя будет выбор? Он переложит всю вину на меня – а ведь это он придумал схему со страховкой. Шон – слабое звено на работе. Его компания была рада-радешенька отправить его на половинную занятость, к тому же его начальство понимало: уволить парня, у которого пропала жена и у которого на руках маленький сын – это очень плохая реклама для фирмы. Шон считал, что делает это ради меня, потому что я так хотела. Но он лгал самому себе. Два миллиона долларов – это не состояние, но привлекательный золотой парашют для парня, который того и гляди потеряет работу. Не было ни единого дня, когда я не боялась бы, что Шон ополчится на меня, заберет Ники и разрушит мою жизнь. Поверь мне, Стефани.

Внезапно все обрело смысл. Вот почему Эмили исчезла без следа, вот почему я оказалась единственным человеком, с которым ей достало духу связаться. Вот почему она показала Ники, прежде чем попытаться связаться со мной.

Вот почему Шон так упрямо отказывался принять мое предположение о том, что Эмили может быть жива. Он *знал*, что она жива, и по этой причине пытался убедить меня, что все это – плод моего воображения. Он знал, что она представляет дело так, будто умерла. Он хотел, чтобы Эмили исчезла, хотел держать меня в неведении. Все это было частью его зловещего плана.

Но как мог Шон подвергнуть такому стрессу Ники? Своего

собственного сына? Даже когда у меня были подозрения насчет Шона, я не сомневалась, что он – любящий отец. Господи, я же оставляла с ним Майлза, когда уезжала в Детройт! Одна только мысль об этом привела меня в ужас.

Я поняла, почему Эмили скрывала, что у нее была сестра-близнец. Как, должно быть, это ее мучило! Терять сестру, находить, терять. А теперь Эмили потеряла ее навсегда, как и боялась.

Я считала Эмили своей лучшей подругой, но я совсем не знала ее. Теперь я должна была ей помочь. Она все еще казалась такой потерянной, сломленной. Я решила взять дело в свои руки.

– Человек, который следит за тобой, – сказала я. – Давай поговорим о нем.

– Ладно. Я поговорила с ним. Согласилась встретиться. Конкретно – сегодня. – Эмили посмотрела на часы. – Великолепно. Стефани, ты не могла бы пойти со мной на эту встречу? Побывать там для поддержки? Наверное, я должна была бы спросить тебя до...

Я на минуту задумалась. Может, это хорошая идея – снова увидеть мистера Прейджера, на этот раз – в качестве подруги Эмили, продемонстрировать ему, что я доверенный друг порядочной, любящей семьи, у которой возникли проблемы. Они не преступники! Я не стала бы дружить с людьми, способными на мошенничество, на уголовщину. Я укажу, что дело идет к разрешению, что всему есть простое и невинное объяснение, что расследование мистера Прейджера не выявит ничего незаконного или даже неясного.

– Когда ты встречаешься с ним? – спросила я.

Эмили снова посмотрела на часы, хотя смотрела только что. Она явно нервничала.

– Через полчаса.

– Где?

– На улице, на парковке. Верь мне. Давай еще выпьем.

– *На парковке?*

– Тебе *нужно* доверять мне. Ты можешь доверять мне, Стефани?

Я не доверяла даже себе, даже настолько, чтобы хоть что-то произнести. Я кивнула.

Чтобы убить оставшиеся до встречи с мистером Прейджером полчаса, мы сидели в баре и разрабатывали стратегию. Что нам делать с Шоном? У Эмили имелись кое-какие идеи. Иные звучали... полагаю, вы списали бы их на желание отомстить. Но другие казались вполне разумными. Пусть наказание настигнет преступника. Но надо соблюдать

осторожность. Справимся ли мы с неизбежным потрясением, имея дело с таким лжецом и готовым на все негодяем, как Шон?

Это было для меня потрясением. Человек, с которым я жила и в которого влюбилась – или *почти* влюбилась, – оказался чудовищем.

И вот все сложности, всё, что сбивало меня с толку, когда дело касалось Шона, обрело простые и ясные объяснения. Он хотел перетянуть меня на свою сторону, хотел, чтобы я свидетельствовала в его пользу во время суда, на котором Эмили заявит о себе и расскажет правду. Невозможно узнать другого человека. Люди хранят секреты. Я позволила себе забыть об этом крайне важном факте.

Я доверяю Эмили. Я верю Эмили. Мне было так жаль, что ей пришлось пройти через такое. Но мы выживем. Мы и наши прекрасные сыновья все преодолеем и построим чудесную жизнь для наших детей, мы не станем жить прошлым. Вместе мы пойдем дальше.

– Хорошо, – сказала Эмили. – Наш выход! Давай встретимся с милейшим мистером Прейджером и проведем эту деликатную беседу.

Эмили расплатилась наличными, и мы вышли. Было сыро и промозгло, но бодряще, холод придавал нам энергии. Эмили надела перчатки и шерстяную шляпу, скрывшую верхнюю часть ее лица. Когда мы пересекали площадку, мне на миг показалось, что мы – два мультяшных персонажа, супергероини, суперподруги и идем вершить справедливость, говорить правду, объяснять, кто мы есть, человеку, который следит за моей подругой, расследуя преступление, которого она не совершала.

Я узнала машину на другом конце парковки – она стояла возле нашего дома. Когда мы приблизились к ней, у меня возникло странно-неловкое чувство – как будто я выхожу на сцену. Но перед кем?

Мистер Прейджер сидел на пассажирском сиденье.

– Смотри, – сказала я, – он спит.

– Кажется, что спит.

– Что значит “кажется”?

– Он мертв, – сказала Эмили. – Нашему другу уже не проснуться.

– Откуда ты знаешь? – спросила я. Мне стало нехорошо.

– Я его убила.

– Это все не на самом деле, – выговорила я.

Все было как-то бессмысленно. Если Эмили невиновна, как она сказала в баре, то зачем ей убивать мистера Прейджера? Нам нужно было только *поговорить* с ним. Объяснить положение дел.

– Технически – на самом деле, – сказала Эмили. – Все так реально, что реальнее не бывает.

– Зачем?!

– Затем, что я не могла рисковать. Затем, что я не рассчитывала, что он мне поверит. Затем, что я была абсолютно уверена – он мне не поверит. Я поговорила с ним один раз – и все поняла. Затем, что я не хочу в тюрьму. Затем, что я не хочу потерять Ники. Что с ним будет, если мы с Шоном сядем, а, Стефани? Ты решила, что, если нас с Шоном куда-нибудь ушлют, Ники станет твоим?

Я не могла поднять на нее глаз. Откуда она знала, что эта мысль приходила мне в голову?

– Этих причин тебе достаточно? Или нужны еще?

Я не хотела, но не смогла удержаться и заглянула в салон машины. Не было ни крови, ни следов борьбы. Я знала, что мистер Прейджер мертв, но он все равно выглядел просто спящим.

– Как ты это сделала?

– В моей другой жизни, – сказала Эмили, – я довольно хорошо владела шприцем для подкожных впрыскиваний. Я всегда знала, куда его воткнуть и что в него набрать. И без ложной скромности скажу: владею этим искусством до сих пор. Парень передозанулся. Кто бы мог подумать, что у мистера Страховочного Умника была такая дорогостоящая и неприятная привычка – наркотики?

В голосе Эмили звучала какая-то настораживающая нотка – она как будто хвасталась. Я подумала о Майлзе, о Дэвисе, о жизни, которую любила. Я поставила все под удар. Впуталась в преступление. Серьезное преступление. В убийство.

Но какой у меня был выбор? Я могла кинуться в отель и сдать Эмили полиции. Могла сесть в машину и уехать. Или подождать и посмотреть, что будет. Или довериться Эмили, неважно в чем. Я знала, что не могу соображать ясно, я вообще с трудом соображала. Я была не в той форме, чтобы принять важнейшее решение в жизни. И я выбрала поверить своей подруге, выбрала делать шаг за шагом и смотреть, что будет дальше.

Эмили повернулась так, что оказалась между мной и машиной, закрывая мне вид на мертвого мистера Прейджера. Я подумала: очень тактично с ее стороны. Эмили сказала:

– Вот тут мне действительно нужна твоя помощь. Простая услуга, о'кей?

– О'кей, – прошептала я.

– Мы сейчас немного покатаемся. Ты поедешь за мной на своей машине. Я отвезу мистера Прейджера к малозаметному съезду (я присмотрела тут, выше по дороге) на проселок, там вряд ли будет много

машин. Не очень далеко. Как увидишь, что я сворачиваю и направляюсь вверх по холму – я поведу очень быстро, как будто мистер Прейджер потерял управление и вылетел с дороги, – останови машину. Паркуйся точно поверх моих отпечатков шин. Если кто и проедет мимо, что очень вряд ли, то ничего дурного не заподозрит.

Эмили задышала быстрее, покраснелась, она выглядела возбужденной. Если бы я видела ее издалека, не зная, о чем она говорит, то подумала бы: какая счастливая женщина!

– Я остановлюсь на вершине, – продолжила Эмили. – На другой стороне обрыв. Точнее – глубокий овраг. Уклон достаточно крутой. На мили вокруг – никакого жилья. Никаких жертв среди мирного населения, никто не увидит, как мы сталкиваем машину мистера Прейджера вниз. В лучшем случае – взрыв, пламя, все обращается в пепел, сгорает дотла. В самый раз для того, чтобы криминалисты смогли идентифицировать мистера Прейджера. В худшем случае машина останется там, пока ее не увидит кто-нибудь с другой стороны холмов. Ах да... Пожалуйста, скажи, что ты привезла расческу Шона.

Я вытащила расческу из сумочки, отдала Эмили. Увидела волосы Шона, коснулась их. Я похолодела и вздрогнула.

– Чуть не забыла, – сказала Эмили. – Тоже мне, гениальная преступница!

Она выцепила несколько волос из расчески и разбросала их по салону.

– В худшем случае, кто-нибудь найдет машину. Появляются эксперты-криминалисты. И предполагают что? Что здесь был Шон. Мотив. Возможность. Волосы.

– Не знаю, – пролепетала я. – Мне надо вернуться домой вовремя, забрать мальчиков из школы. – Смехотворный предлог. И какой жалкий и слабый у меня голос.

– Успеешь абсолютно точно, – заверила меня Эмили. – Ты удивишься, как мало времени на это понадобится. Как мало времени и усилий.

* * *

Это было так страшно, что почти весело. Я как-то слышала, как говорят о “другой разновидности веселья”. Когда что-нибудь страшно до того, что тебе смешно. Ехать за машиной моей подруги, где на пассажирском сиденье сидел мертвец, ощущалось как нечто нереальное. Все происходило как в ужастике, про который меня обманом заставили

поверить, что это жизнь.

К счастью, дорога была пустой. Да и проедь кто мимо – он не заметил бы ничего подозрительного. Эмили, наверное, уложила мистера Прейджера, так что со стороны казалось, будто она в машине одна. Ах, если бы она была одна! Ах, если бы случившееся все еще могло обернуться страшным сном, которым казалось.

Я продолжала поглядывать на часы. Реальность напоминала: мне пора забирать мальчиков из школы. Но я все еще была в смятении. Как могла ответственная мама, которая никогда ни на минуту не опаздывала за детьми, помогать подруге в сокрытии убийства?

Внезапно машина Эмили свернула и, подпрыгивая, понеслась вверх по склону. Я остановила свою, припарковала на обочине. Взбираясь на холм, я видела, как Эмили вылезает с водительского места.

Хуже этого я ничего не делала. Совершенно точно. Мое прошлое – интрижка с Крисом, родить ребенка от Криса, убедить Дэвиса, что Майлз – его сын, спать с мужем погибшей лучшей подруги... Ничто не могло сравниться с тем, что я делала сейчас. Все мои прежние грехи были детскими играми. И что самое странное – то, что я делала сейчас, несло чувство освобождения. Все мои плохие поступки словно аннулировались тем, что сейчас я делала кое-что гораздо хуже. И делала в компании кое с кем еще – с моей подругой! Я была не одна!

Склон стал круче. Как Эмили удалось загнать старую машину мистера Прейджера на самую вершину – и машина нигде не застряла? Или Эмили где-то попрактиковалась? Чистая сила воли, полагаю. Я слегка запыхалась, глотала кислород, ветер раздувал мои волосы. Возбуждение, авантюра. Счастье.

Я никогда не чувствовала себя настолько живой.

– Поторапливайся! – Эмили помахала рукой. Обняла меня, когда я добралась до вершины, и сказала: – Тельма и Луиза.

В прошлом я часто избегала смотреть фильмы, которые Эмили мне рекомендовала, хотя всегда делала вид, что я их понимаю. Но этот – мой без оговорок. “Тельма и Луиза” был одним из моих любимых фильмов.

– Ай да мы, – сказала я. – Ну, вперед! Сильные девочки, плохие девчонки. Нарушительницы закона.

Эмили потянулась в машину и включила нейтралку.

– Вроде того. – Она подсунула одну руку под задний бампер, другой уперлась в багажник. Я присоединилась к ней.

– Раз, два, три! – скомандовала Эмили, и мы толкнули. – Еще раз!

– Раз, два, три, – повторила я, сама удивляясь, как смогла досчитать до

трех – настолько у меня кружилась голова.

– Соберись. Упирайся.

Кряхтя и чертыхаясь, мы с Эмили толкали машину. Я старалась не думать о том, насколько это похоже на роды. Потому что тут было то же самое ощущение... легкости. Когда нам наконец удалось сдвинуть машину с места, накатила знакомая чистая радость.

Машина покатила вниз. Перевернулась, покатила дальше, снова перевернулась и вспыхнула. Мы завопили от радости и заулюлюкали, как дети.

– Бинго, – сказала Эмили. – Нам повезло.

– Везение тут ни при чем, – отозвалась я. – Это была мамская сила в действии.

Мы обнялись, опьяненные радостью.

– Ты только посмотри на нас, – сказала Эмили.

Наши перчатки и ботинки вымокли, их покрывали комья грязи. Эмили стащила перчатки и швырнула их на заднее сиденье моей машины, я сделала то же самое.

Взрыв и огонь были потрясающими. Как фейерверки в детстве. Мы стояли на гребне холма и смотрели. Я старалась не думать, как горит мистер Прейджер.

Я отвезла Эмили к ее машине. На парковке мы обнялись на прощание.

– До скорой связи, – сказала она. – Прости за все, что произошло между нами. Ничего подобного впредь не повторится. Обещаю.

– Почему на этот раз я должна тебе поверить?

Я улыбнулась, чтобы она поняла: я это не всерьез.

Эмили не улыбалась.

– Потому что мы теперь повязаны, – сказала она.

Мамы, привет!

Обычно, за исключением каких-то неотложных случаев, я стараюсь, чтобы интонация этого блога была солнечной и яркой. Нам, матерям, хватает стресса, и я не хочу добавлять вам волнений. Но одну проблему необходимо донести до читателя, потому что она касается очень многих мам – очень многих женщин – везде. Она из тех проблем, которые необходимо вывести из тени и рассмотреть без тайн и стыда.

Это проблема домашнего насилия. С каждым днем статистика все хуже. Каков процент женщин, подвергшихся насилию со стороны своих друзей и бойфрендов? Какова вероятность того, что одна из нас сама окажется жертвой, когда мужчина, такой милый поначалу, обернется чудовищем? Вероятность того, что человек, которому мы доверяли, окажется нашим врагом?

Иногда это шок. Иногда, оглядываясь назад, мы видим знаки, которые предпочли проигнорировать. Я перечитываю свои прежние посты, и просто поразительно, как меня притягивал тот французский фильм про жену, любовницу – и негодя-мужа.

Иногда мы убеждаем себя, что мужчина, который издевался над бывшей женой или подругой, с нами будет ангелом. Мамы! Не дайте себя одурачить! Если человек сделал что-то один раз, он сделает это снова. И не всегда бывает легко определить, на что он способен. Это не обязательно парень в татуировках и байкерской куртке. Точно так же им может оказаться парень с дорогой стрижкой и в элегантном деловом костюме.

Что означает: любой мужчина.

Иногда все начинается почти сразу, но чаще через некоторое время, когда мы уже увязнем настолько глубоко, что и не вспомним, как жили без него. Или когда у нас родятся дети. И мы все думаем, что мерзавец больше не причинит нам вреда. Ему стыдно, он любит нас... история, всем известная.

Некоторые мужчины набрасываются с кулаками, оставляют синяки, ломают носы, женщина попадает в отделение скорой помощи, а оттуда – к доброму социальному работнику и в приюты-убежища для забитых, измотанных женщин. Но истинные дьяволы умеют скрывать следы, они подвергают женщину психологическому давлению до тех пор, пока та не разрушится окончательно.

Это может случиться с каждой. С вашей сослуживицей. С вашей лучшей подругой. И вы не будете знать, что происходит. Иногда тайное становится явным слишком поздно. А иногда – вовремя. Женщина – мать – может попробовать сбежать, она вынуждена будет совершить что-нибудь из ряда вон выходящее, прежде чем помощь придет.

Что делать? Возвышать голос, чтобы вас услышали. Сделать так, чтобы наши законодатели знали: женщины должны быть защищены законом. Волонтерить в приюте. Вырастить сыновей так, чтобы они – мужчины – никогда не позволили себе жестоко обращаться с женщиной.

А если это происходит с вашей подругой?

Сделайте все, что ей нужно. Помогайте ей, как только можете.

Ладно, дорогие мамы, хватит нравоучений. Я начала цепочку; делитесь, пожалуйста, вашими историями о насилии и пишите мне, что вы думаете по этому поводу.

С любовью,

Стефани

Мне следовало бы желать смерти им обоим. Не знаю, почему весь мой гнев сосредоточился на Шоне, а не на Стефани. Может быть, потому, что – в который раз – наивная, вялая податливость Стефани означала, что она поможет мне получить желаемое. А Шон – преграда у меня на пути.

Для начала я хотела отомстить Шону. Почему мне захотелось объединиться против него с так называемой подругой, с которой он спал? Потому что я знала: это сработает.

К тому же я хотела вернуть себе кольцо. Не потому, что украла его у матери Шона и не потому, что оно порождало какие бы то ни было сентиментальные ассоциации. А потому, что это был последний предмет, к которому прикасалась моя сестра.

Уже когда я говорила с парнем из страховой компании и назначала встречу, я точно знала, что втяну Стефани в свои планы. Стефани задолжала мне. Она спала с моим мужем. К тому же... Она рождена быть “рыбой”.

Кажется, я чувствовала себя слегка виноватой, сочиняя историю про мужа-негодяя. Не потому, что врала (кто и когда скажет, что в браке правда?), но я сочинила про мужа-насильника, а ведь это реальная проблема для множества женщин. Я чувствовала себя неважно, потому что выдумала все это, чтобы добиться нужного мне результата.

Но я стала как одержимая. Не успокоилась бы, пока не заставила бы Шона заплатить за измену и за то, что он разрушил наши планы на будущее. За то, что *заставил* меня убить мою сестру.

Я позволила Эвелин умереть, потому что ее смерть помогла бы мне и Шону. А теперь нет никакого “я и Шон”. И никогда не было. Шон впутался в это ради себя самого – даже в тот момент, когда я дала Эвелин уйти. Тогда были “я и моя сестра”, теперь – “я и мой сын”.

Я впуталась в это ради себя и Ники. Я хотела вырастить своего сына одна – без “помощи” и “поддержки” мужчины, которого я не люблю и которому не доверяю.

Придется хорошенько подумать, чтобы заставить Шона отказаться от Ники. Но я добьюсь своего. И Стефани поможет мне. Мне достаточно было только произнести слова “насилие” и “жестокость” – и она в ту же секунду отправила Шона в отставку и простила свою потерявшуюся

лучшую подругу за все, что я, по ее мнению, сделала. Достаточно было навести ее на мысль, что мы придумали это вместе, хотя на самом деле я придумала все это одна и задолго до нашего слезливого воссоединения в баре.

Я изменила кое-какие детали, чтобы придать достоверности своей истории. Сказала, что Шон нервничал из-за провалов на работе, хотя на самом деле он был довольно успешным сотрудником и уже почти набрал скорость, которая была у него после вынужденной работы дома из-за моего исчезновения. Я владела навыком контролировать информацию, менять детали. Я зарабатывала на жизнь тем, что крутила правду, как веретено.

И – ах да, бедный мистер Прейджер. Он оказался пушечным мясом. Не то место, не то время, не та профессия. Он задавал слишком много вопросов – слишком много неправильных вопросов. Заткнуть его и устроить так, чтобы Стефани помогла мне избавиться от тела, означало убить одним выстрелом двух зайцев. Это решало проблему с Прейджером, а также восстанавливало и обеспечивало мне лояльность Стефани отныне и навсегда. Нет связи прочнее, чем связь между соучастниками преступления. “Тельма и Луиза”. Смешно. Если Стефани придется умереть за меня – она умрет. К счастью для Стефани, я не думаю, что это необходимо.

* * *

Дальше я позвонила Деннису Найлону. Я двигалась вверх по пищевой цепочке. Попала на самую Аделаиду, его сучку-помощницу.

– Откуда у вас этот номер? – спросила она. – Эмили Нельсон умерла, ваш звонок – шутка дурного тона. Кто бы вы ни были, знайте – Эмили умерла! То, что вы делаете, просто оскорбительно.

Я велела ей успокоиться и сообщила некоторые факты о различных кризисах Денниса, а также о времени, которое он провел в разных реабилитационных клиниках – об этом могла знать только я, Эмили. Я почти услышала, как у Аделаиды отваливается челюсть. Потом я сказала:

– Спокойно, Аделаида. Это я. Эмили. Я не умерла. Переключи меня на Денниса.

– Я знал, что ты не умерла! – возвестил Деннис. – Мой медиум говорила мне, что не может достичь тебя в ином измерении – значит, ты все еще в нашем мире.

– У тебя, должно быть, весьма уверенный в себе медиум, – заметила я.

- Лучший, какого можно купить за деньги.
- Мне надо приехать повидаться с тобой.
- Заходи на коктейль. Буду ждать.

Я нашла Денниса лежащим на диванчике у стены его огромного лофта-ателье. Он отложил роскошный альбом могольских миниатюр, поднялся и расцеловал меня в обе щеки.

Аделаида внесла на подносе два бокала для мартини, с любимым коктейлем Денниса – мескаль и сок манго. Края бокалов были припорошены мелкомолотым чили. Этот коктейль оказался гораздо вкуснее того, что я готовила себе в “Хоспитэлиты съютс”.

- Твое здоровье, – сказала я. – Вкус великолепный.
- Твое здоровье. – Деннис поднял свой бокал.
- Как хорошо вернуться.

Деннис осушил свой бокал в три глотка. Как Аделаида узнала, что ей пора появиться со вторым бокалом и забрать пустой?

– Я знал, что ты совершишь какой-нибудь подвиг, чтобы вырваться из этого брака. Но мне в голову не приходило, что ты инсценируешь собственную смерть. Все так горевали! Все, кроме меня. Я знал, что это шарада, как знал, что счастливый брак – это подлог.

– Тебе-то это откуда известно? Я и сама не знала.

– Не хочу показаться циником, но таковы большинство браков. А в твоём случае... да все знали. Кстати, кое-кто из ребят говорил, что у тебя роман на стороне, или наркотики, или вроде того, и что ты просила помочь тебе с фальшивыми документами. Не знаю, почему ты не пришла ко мне. Я бы обеспечил тебе самую лучшую “липу”. Муж-британец – это стильно, но у него ни мозгов, ни выносливости, чтобы выдерживать твой уровень, плавать с акулой вроде тебя, дорогая. Мы все знали, что он тебе надоест. Ты покончила бы с этим браком еще несколько лет назад, если бы не чудесный сын, который превратится теперь в гораздо более интересное дитя, продукт разрушенного дома...

При мысли о возможности потерять Ники меня пронзила боль.

– У меня к тебе просьба, – сказала я.

– Если тебе нужна твоя прежняя должность – ты ее получишь, – ответил Деннис. – Мы еще не наняли временного исполнителя. Жизнь в зоне военных действий стала без тебя другой.

– Да, это было бы великолепно. Но сначала мне надо... прорваться через кое-какую бумажную волокиту. Позаботиться кое о чем. Я пока не знаю наверняка, но, возможно, мне понадобится адвокат. Я знаю, у нас хорошие консультанты.

- Адвокат по бракоразводным делам? – спросил Деннис.
- Не знаю, – ответила я. – По семейным делам.
- Знаю одного классного адвоката. Когда тот псих-стриптизер подал иск против меня, адвокат прижал его к ногтю. Этот умелец в твоём распоряжении. Медиум тоже, если она тебе нужна.
- Спасибо, – сказала я, – я дам тебе знать. А пока мне нужен какой-нибудь сказочный наряд.

До сих пор не понимаю, как это получилось, но Эмили ясно дала понять: мы никогда *даже* упоминать не будем о мертвом страховом следователе. Наш обет молчания – потребованная Эмили подписка о неразглашении, можно сказать – начался ровно в тот момент, когда мы столкнули машину с холма.

Когда я отвезла Эмили на парковку, она велела мне ехать за ней. Какое-то время мы ехали по проселочной дороге, потом Эмили свернула к закусочной, и я – следом.

Мы заняли столик у окна, подальше от других посетителей. Эмили заказала кофе и сыр-гриль. Прекрасно. Даже великолепно. Я заказала то же самое. Я не должна была бы проголодаться после съеденных в баре картофельных “лодочек”, но я проголодалась.

Я обдумывала, как бы сказать то, что я действительно хотела сказать, когда Эмили произнесла:

– Этого не было.

– Прости?

– То, что сейчас было, – этого не было. Мистер Прейджер... машина... ничего этого не было.

Я поразмыслила.

– Ладно. – Это, несомненно, устраняло множество проблем. – Кто-нибудь все обнаружит. Будут последствия.

– Последствия! – Эмили закатила глаза, отчего “последствия” прозвучало как глупейшее и самое обидное слово в языке. Мы молчали, пока официантка не принесла нам заказ, и ели тоже в молчании.

Эмили, казалось, не ведала сомнений. Но я была уверена, что кто-нибудь выследит нас. Я поехала помочь подруге. А стала преступницей, человеком вне закона. Я представила себе объявление “разыскивается” со своей фотографией. Запись, которую Эмили сделала возле карусели, – ничто по сравнению с тем, что у нее было на меня теперь.

Но нам не полагалось об этом говорить.

– Этого не было, – сказала Эмили.

Мы доели, встали и вышли из закусочной.

Прошла неделя, потом еще одна неделя – и ничего не случилось, никаких последствий. Я почти хотела верить, что Эмили права.

Ничего не случилось. Никаких последствий. Может, это все просто страшный сон. Я сама все придумала.

Но теперь, когда я отвозила Майлза в школу, когда я читала своему сыну и укладывала его спать, я была уже другим человеком. Я была мамой, блогером и соучастницей убийства.

Первый тревожный звонок прозвучал, когда я заметил на подъездной дорожке две машины. Одна была машиной Стефани. Это само по себе было странно – прошла уже неделя с тех пор, как она съехала из моего дома. И хотя мы продолжали, так сказать, быть совместными опекунами, переправляя мальчиков из одного дома в другой, и хотя Стефани продолжала забирать их из школы после обеда, я не слишком часто видел ее.

Наши отношения, если их можно так назвать, были обречены с самого начала. И они никоим образом не могли пережить визит Прейджера. Сначала вероятность, а потом факт того, что Эмили жива, сделали нашу совместную жизнь невозможной. Меня бесило, что Стефани утаила от меня, что у моей жены была сестра. А Стефани обозлилась на меня... не хочу перечислять все то, из-за чего Стефани имела полное право злиться.

Что ж, я не слишком сожалел. Мне не нравилось, что Стефани всегда рядом, закармливает нас с Ники своими питательными блюдами. Как здорово двум парням, отцу и сыну, снова жить вдвоем, брать пиццу прямо из коробки... Вместе нам жилось просто отлично.

Я снова связался с Элисон, чтобы кто-нибудь мог подхватить Ники, когда мне надо поработать в офисе, а я не хочу, чтобы Ники оставался с Майлзом.

Так что то, что сейчас Стефани появилась у моего дома, было несколько необычно. Возможно, она приехала за какой-нибудь забытой вещью. Но кому принадлежала вторая машина? Другому страховому следователю? Прейджер не выходил на связь со мной после своего первого визита, и мне это не нравилось. Отсутствие новостей – это не всегда хорошо.

Вторая машина была старым коричневым “бьюиком” с иллинойским номером. Я не знал никого из Иллинойса, за исключением матери Эмили, да и ее я не могу сказать, чтобы знал. Мы никогда не встречались.

Может быть, это Эмили.

У меня выдался плохой день на работе. Мне трудно было сосредоточиться. Это объяснимо. Мне столько всего надо сделать.

Каррингтон, директор отдела международной недвижимости, парень, который привел меня в фирму, от которого я, как мне казалось, зависел и на

которого мог рассчитывать, может быть, потому, что мы оба британцы, намекнул мне на приближение неприятностей. Самый толстый намек имел место во время ланча в баре “Ойстер”. Мы заказали по три скотча каждый и по тарелке тушеных устриц. Каррингтон сказал: он надеется, что я не выключился из игры или что я скоро вернусь в нее... Я работал усердно и, как мне казалось, хорошо справлялся. Но в день, когда я, вернувшись домой, обнаружил на подъездной дорожке две машины, я узнал, что предназначенный мне проект ушел к пареньку из Юты, которого только-только взяли на работу.

Насколько я знал, Ники должен был ночевать у Стефани, так что я купил бутылку шотландского виски, с которой намеревался свернуться калачиком перед экраном и запустить “Инспектора Морса”.

Я отпер входную дверь.

– Эй! – позвал я.

Какой-то ангел-хранитель или полезный инстинкт не дал мне выговорить имя. Спас меня.

Я прошел в гостиную. Стефани и Эмили сидели рядышком на диване. Я сказал себе: соберись, Шон, соберись.

– Мы подумали – это будет забавно, – сообщила Эмили. – Правда, забавно?

– В чем дело? – спросил я. – Зачем вы явились?

– Спроси у Стефани, – предложила Эмили. – Она же тут жила.

Я посмотрел на Стефани. Надо напомнить ей, что она съехала отсюда. Сказать, что мы больше не вместе. Как будто это спасло бы положение. Как будто это имело какое-то значение. Эмили, без сомнения, и так все знала.

– Где мальчики? – спросил я.

– Играют в комнате у Ники, – сказала Стефани. – Оставим их в покое.

Кто такая Стефани, чтобы указывать мне, оставлять мне моего сына в покое или нет? Я взглянул на Эмили, ища поддержки. Так не похоже на нее – сидеть в сторонке и позволять другой женщине указывать мне, что делать с Ники. Весьма тревожный знак. И не просто другой женщине. Стефани была “рыбой”, которую мы выбрали, чтобы она помогла исполнить наш с Эмили безумный план.

Эмили воззрилась на меня. Зачем я спросил у Стефани, где Ники? Темная туча вражды и презрения Эмили проплыла над головой Стефани и собралась над моей.

– Просто отвратительно, – сказала Стефани.

– Что именно? – спросил я.

– То, что ты издевался над своей изумительной женой.

– *Что?* Я никогда не “издевался” над ней. – Я не смог удержаться и показал пальцами кавычки, хотя понимал, что это неважная идея. – Тебе это известно не хуже, чем мне.

– Я сама видела, – сказала Стефани. – Ты ударил ее у меня на глазах.

– Врешь, – только и смог выговорить я.

Двое на одного. Он сказал, она сказала... и она сказала.

– А как ты обошелся с моей сестрой? – вступила Эмили. – Думаешь, я тебе это прощу?

– Да я *в глаза* не видел твою сестру! Как, мать твою, ты могла быть замужем за мной шесть лет и ни словом не обмолвиться, что у тебя есть сестра-близнец?

Эмили повернулась к Стефани.

– Как же гнусно он ругается! Англичанин!

Потом она снова повернулась ко мне. Ее глаза, которые всегда казались мне такими прекрасными, которые когда-то взглянули на меня с тем, что я принял за любовь, теперь превратились в два блестящих ледяных диска.

– Ты знал о ней все это время. Ты видел ее десятки раз. Сказать, что ты не знаешь о ее существовании, – еще один твой план. Еще одна ложь. Я говорю о том, как ты обошелся с ней в последний раз, когда мы были в домике на озере. Когда она неожиданно явилась туда, ты пришел в крайнее раздражение. Ты вечно мучил и травил ее, говорил, что ей нечего делать в этой жизни, что ей лучше умереть, что она должна умереть и тем оказать своей сестре услугу, что ей незачем жить, мир станет лучше, если она умрет. В конце концов сестра поверила тебе. На это ушло, может быть, несколько месяцев, но твой план сработал. Я вернулась в домик одна и встретила ее там. Ночью, когда мы легли спать, сестра приняла все таблетки, выпила все спиртное в доме и вошла в воду.

– Я никогда не был в домике одновременно с твоей сестрой. Ты знаешь это, Эм.

– Не называй меня Эм, – огрызнулась жена. – Я *говорила* тебе: не называй меня так. Она дала мне это имя, а теперь она умерла из-за тебя.

– Я не знаком с человеком, которым ты, кажется, меня считаешь, – сказал я. – Ты же выдумала чудовище, ты, ты...

– Чокнутая сука, – подсказала Эмили.

– Чокнутая сука, – повторил я. – Твои собственные слова.

Стефани беззвучно ахнула.

– Чокнутые суки, – сказала она. – Ты слышала? Это он про нас. Чокнутые суки.

Мы с Эмили повернулись к ней, оба думая: *заткнись*. Вот как все

обернулось. Я словно смотрел на нас троих с изрядной высоты. Каким маленьким и жалким я выглядел, мечтая о прощении, отчаянно ища знаки того, что Эмили все-таки на моей стороне (мы оба хотим, чтобы Стефани заткнулась!), но жуткая правда сводилась к следующему: Эмили обвиняла меня в том, что могло привести меня в тюрьму.

– Расскажешь об этом коронеру, – сказала Эмили. – Спроси, насколько точно техники могут установить время смерти. Спроси, могут ли они абсолютно точно сказать, что тебя не было в домике на озере, когда Эвелин покончила с собой.

Я знал, что она говорит бессмыслицу, что все это нелогично, что я могу доказать свою невиновность. Но я потерял способность соображать.

– Это ложь. Все это ложь.

– Ты сам лжец, – сказала Эмили. – И я не хочу, чтобы наш сын рос рядом с таким лжецом, как ты. Ты говорил, что это наш общий план. Но нет, нет.

– Шон, врач предупреждал тебя, что снотворное может сделать тебя психотиком, – подала голос Стефани. – Ты мог сделать что-то – и потом не вспомнить. Мог избить кого-нибудь до смерти и понятия не иметь об этом...

Эмили взглянула на Стефани, как смотрит учитель на туповатого ученика, который неожиданно сказал что-то умное. Стефани, должно быть, выступила с репликой о снотворном по собственной инициативе. При необходимости я смог бы доказать, что врач прописал мне таблетки лишь спустя некоторое время после исчезновения Эмили. Неужели мне действительно придется это доказывать?

– Мне нужен Ники, – сказала Эмили. – Сию минуту. Надо выразиться яснее?

Меня передернуло от омерзения при виде сияющей улыбки, которую Стефани адресовала моей отважной жене.

Эмили объяснила, зачем вернулась, очень спокойно и хладнокровно. Она намеревалась забрать Ники. Стефани собиралась помочь ей. Обе были настроены решительно. Историю Эмили сочтут правдоподобной. У Эмили была свидетельница. Я избивал Эмили. Я затравил ее сестру до смерти. Я заставил Эмили бесследно исчезнуть, инсценировать собственную смерть. Я собирался обмануть страховую компанию и заставил свою запуганную, забитую жену участвовать в моем плане.

Две женщины заключили союз против тебя – классическая мужская фантазия-ужастик, но я никогда не считал, что у меня могут быть такие фантазии. Я люблю женщин. Я никогда не боялся их – до сего момента. Но

сейчас передо мной разворачивалась не фантазия. Передо мной была реальность. Эти женщины сделают все, чтобы разлучить меня с сыном. Они будут лгать. Они будут лжесвидетельствовать. Один бог знает, что они будут делать.

– Я говорю абсолютную правду о том, что ты проделывал у меня на глазах, – объявила Стефани.

И к своему ужасу я понял: она *верит* в то, что говорит. Понятия не имею, как она себя уредила, но – уредила. Мы рассчитали неверно с самого начала, вручив нашу судьбу в руки женщине, у которой нет мыслей – одни только чувства.

– Этот номер у тебя не пройдет, – сказал я. – Я найму адвоката. Страховая компания уже ведет расследование, и на этот раз я скажу всю правду, невзирая на последствия...

Я блефовал, но что с того? Мне почти хотелось, чтобы мистер Прежджер прямо сейчас позвонил в дверь. Он увидел бы нас втроем, уловил бы настроение и все понял бы. Вычислил бы правду. Разобрался бы в том, как обстоит дело, раз и навсегда. Он слишком умен, Стефани и моя жена не смогут одурачить его. Как бы мне помогло присутствие другого мужчины. Увидь Прежджер нас сейчас всех в одной комнате, его расследование двинулось бы вперед семимильными шагами!

– Ну давай, – сказала Эмили, – найми адвоката. На моей стороне будет весь штат законников “Денниса Найлона”. Они скажут суду, что ты угрожал забрать Ники, если я не соглашусь на придуманное тобой мошенничество со страховкой. И я согласилась – из страха. Или... есть еще одна версия, с которой мы можем поработать. Мне понадобилось провести некоторое время вдали от семьи, ты запаниковал и позвонил копам. Произошло недоразумение... Так жаль! А то, что ты затребовал страховку, – просто совпадение. Нет вины, нет обвинения. Нет выплаты. Я буду счастлива остановиться на второй версии, если ты прямо сейчас уйдешь и оставишь Ники со мной.

Я не мог. Я не мог бросить своего сына, позволив моей жене – моей *психически ненормальной* жене – растить его. Должен был найти другой путь. Я сказал:

– Я просто пытаюсь понять. Слушай, а мы не можем вдохнуть-выдохнуть, сбавить обороты и...

Женщины обменялись долгими взглядами. Стефани сказала:

– Мы знаем, что ты сделал с Эмили. А Эмили знает, как свидетельствовать против тебя.

– Ну *прошу* тебя, – нетерпеливо сказала Эмили, – все всё знают. Не в

этом дело.

Я боялся оставить их вот так. Оставить дела в таком положении. Но мне нужен был воздух. Только теперь я заметил, что так и не снял пальто.

– Я выйду на минуту, – сказал я. – Не могу это слышать. Но сначала я хочу увидеть Ники.

Я пошел следом за ними в детскую. Ники с Майлзом строили из лего парковочный гараж.

– Привет, парни, – сказал я. – О, вот это класс.

Мальчишки едва подняли глаза.

– Привет, пап, – сказал Ники.

– Здравсьте, – сказал Майлз.

Я поцеловал сына в его милую макушку, горе нахлынуло волной.

– Мама пришла, – буднично сказал Ники. Как будто она никуда не девалась.

– Я знаю, – сказал я. – Здорово, да?

– А моя мама там? – У Майлза был встревоженный голос. Может, он решил, что теперь его маме пришел черед исчезнуть?

Мне до дрожи хотелось, чтобы Стефани *исчезла*. Хотя Майлза мне было бы жалко.

– Твоя мама в гостиной, вместе с мамой Ники, – сказал я.

* * *

Я больше не чувствовал, что я дома. Мой дом был осквернен, уничтожен моей женой и ее подругой. Я не мог дать им уйти, не обратившись к той разновидности жестокости, в которой они меня обвинили. Я пошел к себе, сложил костюм, смену одежды, кое-что для путешествий, снотворное и ноутбук.

Я попрощался с женой и Стефани. Они не ответили. Кажется, они меня даже не услышали. Налили себе по бокалу белого вина и растянулись на противоположных концах дивана.

Я поехал на станцию и сел на первый же поезд, идущий в город. Прописался в “Карлайл”. Вышло гораздо дороже, чем мы могли бы себе позволить, но я сказал себе, что деньги нужны как раз для таких моментов, как этот.

Я позвонил на работу, сказался больным и провел день в постели. Вечером спустился в великолепный бар “Карлайла”, где стены расписаны Людвигом Бемельмансом. Я всегда считал это место одним из самых

стильных и изысканных в Нью-Йорке.

Мне нужен был стиль, нужны роскошь и комфорт. Моя жизнь стала мрачной, одинокой и грубой. Мне не хотелось думать, насколько счастливее я был, когда верил, что Эмили умерла.

Я заказал цивилизованный коктейль мартини (больше водки, чем мартини, с еще одной оливкой) у цивилизованного официанта, и когда мартини прибыл, безупречно охлажденный, я оглядел это цивилизованное место, и после второго мартини мне стало казаться, что дело между мной и Эмили – а теперь, полагаю, и Стефани – можно уладить дружеским цивилизованным путем.

* * *

Я вернулся к себе в номер, принял две таблетки – двойную дозу от рекомендованной – и провалился в сон без сновидений.

Утром я принял душ в роскошной ванной, с очень дорогим гелем. Я благоухал, как букет цветов. Я заказал кофе в номер, щедро вознаградив официанта и оделся.

На работе я пошел напрямиком в кабинет Каррингтона.

Я страшился этого разговора. Я собирался спросить, не знает ли Каррингтон какого-нибудь адвоката, который мог бы (тут мне пришлось бы быть осмотрительным) взяться за мой случай, если понадобится – по тарифу компании.

Что я скажу адвокату? Я снова не мог соображать ясно. Моя жена приготовила яичницу-болтунью из моих мозгов.

Каррингтон откинулся на спинку кресла и отъехал от стола.

– Господи боже, Шон, – сказал он. – Ты, похоже, единственный человек на земле, который не видел вот этого?

Он повернул монитор. Чтобы видеть, что там на экране, мне пришлось податься вперед и присесть перед его столом. Ужасно неудобно.

На экране была фейсбучная страница. Аватарка являла собой жену Каррингтона в саду, с охапкой ревеня. Страница Люси Каррингтон.

Заголовок гласил:

“Мама-блогер раскрыла тайну!

Читайте, что говорит мама-блогер об исчезновении своей подруги”.

Каррингтон передал мне мышку.

– Щелкни по ссылке. Подожди. Обойди. Сядь в мое кресло. Мне не обязательно быть здесь, когда ты это прочитаешь.

– Ты можешь переслать ее мне, – сказал я – Я не умею, – ответил Каррингтон.

Он вышел. Щелкнув по ссылке, я попал на блог Стефани.

Блог Стефани

Тайна раскрыта!

Мамы, привет!

Сначала позвольте мне удостовериться, что вы сейчас сидите. Удобно. За письменным или кухонным столом. Для тех из вас, кому надо наверстать упущенное, я даю ссылки на посты о своей дружбе с Эмили и на серию постов об ее исчезновении и смерти. Или же о том, что мы *считали* ее смертью. Но я забегаю вперед. Когда вы прочитаете эти посты, вы будете вполне в курсе дела.

Как бы то ни было, последняя часть этой истории сразит всех наповал.

Мамы! Готовы к грандиозной новости? К шокирующей новости?

Эмили жива!!!

Пару шагов я опущу. Оставляю в стороне свои бывшие смутные подозрения о том, что она на самом деле жива. Давайте назовем это моей материнской интуицией. Материнским шестым чувством, которое снова не подвело.

Когда я писала пост о загробной жизни – пост, который столь многие из вас опубликовали у себя, – я на самом деле пыталась связаться с Эмили на случай, если та *была* жива, обреталась где-нибудь и могла бы его прочитать. Я хотела, чтобы Эмили знала: я не перестала думать о ней и молиться за нее.

Эмили – та подруга, о которой я писала в посте о помощи другу, о том, как мы узнаём, реально что-то или нет (ссылка).

Позвольте мне сказать со всей прямоотой: *ее муж – жестокий негодяй.*

Эмили настолько боялась его, что инсценировала собственное исчезновение и смерть. Хуже того. Он затеял мошенничество со страховкой, чтобы получить из страховых денег целое состояние после исчезновения и предполагаемой смерти Эмили. Такое мы часто видим по телевизору, но, полагаю, и в реальной жизни подобное случается.

Погибла на самом деле ее сестра. К этой мере отчаяния ее подтолкнул (если быть точной – отчасти) ее грубый, черствый, склонный к насилию зять.

Шон Таунсенд.

Может показаться странным, что приятный парень и ответственный папа, которого я превозносила в своем блоге, оказался страшным человеком. Тут я могу лишь сказать: такое случается. Аферисты и даже серийные убийцы охотятся на любящих женщин. Не то чтобы я намекаю, что муж моей подруги – убийца. Не в буквальном смысле.

Шон – очень скверный человек. Я не знаю законов, относящихся к страхованию. Но, по словам Эмили, мистер Айзек Прейджер начал расследование. Он выследил Эмили и связался с ней. Он предложил ей сделку: Эмили не будут упоминать во время судебного разбирательства, если она скажет ему правду. И Эмили, конечно, вывела его на Шона. Последнее, что Эмили слышала от мистера Прейджера, – это что они с Шоном договорились о встрече в тридцати милях от нашего городка.

Мы с Эмили снова друзья. Ей хватило смелости обратиться за помощью, а я оказалась хорошим другом и пришла ей на помощь. И снова скажу – нас, мам, объединяет борьба. Этот пост – во славу мам и во славу дружбы.

С любовью,

Стефани

Каррингтон ждал за дверью своего кабинета – так врач, прежде чем войти в смотровую, ждет, когда ты разденешься.

– Плохо дело, – сказал он, входя. – Женщины! Я-то, дорогой, на твоей стороне.

Верил он в мою невиновность или нет – я был благодарен ему за то, что он вежлив со мной. За то, что ведет себя как цивилизованный человек. Тут мне пришло в голову, что прошлой ночью я принял слишком много снотворного. Может, через несколько часов ничего этого не случится? Нет, я знал, что *такого* количества я не принимал. Происходящее было реальностью.

– Все это вранье, клянусь, – сказал я. – Это же чистой воды кибертравля! Шантаж. Какие в этой стране законы против клеветы? Все написанное – ложь.

Я выдал Каррингтону свою версию. Допустил одно маленькое отступление от правды. Сделал вид, будто не знал, что моя жена планировала мошенничество со страховкой. Это сделало мою историю менее запутанной. Менее сложной. Я сказал, что не видел связи между страховкой, за которую платил, и последующим исчезновением Эмили. До тех пор, пока на это не указали детективы. Что бы ни случилось – идея принадлежала Эмили. Она вечно искала острых ощущений. Вечно ей надо было играть в плохую девочку. Это не то качество, которое ей к лицу в ее возрасте.

Каррингтон подергал манжеты, на языке жестов – слишком много информации. Мы британцы.

И все же, думаю, он мне поверил.

– Я спрошу кого-нибудь из наших юристов, – сказал Каррингтон. – Все-таки интернет – это не печатная газета. Тут гораздо больше серых зон. Кстати, что тебе нужно? Чем помочь?

Когда идешь неторным путем, рано или поздно приходится выбирать ту или другую дорожку. И положиться можно только на ощущение, что тебя ведут. И выведут. Я положился на это чувство. И меня вывели. Может, снотворное сослужило хорошую службу. Не дало мне слишком много думать.

Как говорится, первая мысль – самая верная. Хотя, может быть, и не

стопроцентно верная. Следовало упомянуть мистера Прейджера.

– Мне нужно куда-нибудь уехать. Нужно время, – сказал я.

Эмили брала себе тайм-аут. Теперь моя очередь. Уберусь отсюда. Поеду куда-нибудь. Подумаю. Подожду, пока осядет пыль. Все знаки и знамения указывали: тебе туда.

– Этот текст перепостили на Фейсбуке, там сотни лайков, – сказал Каррингтон. – Разошелся, что называется, мгновенно. Как вирус. Возможно, лечение существует. – Он сухо, безрадостно хохотнул.

– Господи боже, – сказал я.

– Вот именно, господи боже.

– Что все это значит? Для меня?

– Это значит, что сейчас, пока мы с тобой тут беседуем, кое-кто прикидывает, как завести на тебя уголовное дело. И если кое-кто решит это сделать, события начнут развиваться довольно быстро.

– Проклятье, – сказал я.

– Вот именно, проклятье.

У Каррингтона была привычка дожидаться, пока кто-нибудь другой не произнесет какое-нибудь непотребство, и потом повторить.

– Тебе повезло, что ты мне нравишься, – сказал он. – И что я верю тебе, за исключением того пункта, что ты якобы не знал о схеме со страховкой. Мне это абсолютно все равно, лично мне, хотя если тебя поймают, этот пункт может стать источником неважной рекламы для фирмы. Тем не менее у меня есть одна мысль. Нам нужен кто-то, кто занялся продажей участка земли на ирландском побережье, где один клиент собрался строить дом престарелых. Не особенно большой клиент, не особенно большой дом, может быть, чтобы слегка уйти от налогов, но все исключительно законно. Ты мог бы заняться этим проектом. Временный переезд. Говорят, гольф в этой части земного шара исключительный. И как ты и сказал – расстояние и время. Как только все устаканится, мы поработаем над вопросом о твоём возвращении.

Кое о чем Каррингтону не нужно было говорить. Я – гражданин Британии. Никто не будет экстрадировать меня по подозрению в семейном насилии, или пособничестве в самоубийстве, или даже попытке мошенничества. Страховая компания придет в трепет от того, что платить не нужно. Прейджер переключится на другое задание.

Каррингтон был хорошим человеком, милым человеком. Я оценил его предложение. Веревка, брошенная утопающему. Спасение из горящего здания.

– Работа начинается прямо сейчас, – сказал Каррингтон.

Он не глядел на меня – тем лучше.

– Великолепно. Спасибо. Искренне, по-честному. Спасибо.

– Одного “спасибо” достаточно, – заметил Каррингтон.

Я знал, что это не навсегда. Мне нужны были расстояние и время. Я уеду, вернусь и заберу Ники. Мы с его матерью еще можем уладить дело более или менее цивилизованным путем.

Шон прекратил сопротивление, прислал письмо по электронной почте. Он собирался заняться проектом на побережье Ирландии и еще не знал, сколько времени там пробудет. Великолепная возможность. Шон просил меня передать Ники огромный привет от него. Писал, что свяжется со мной насчет Ники, как только будет знать, когда улетает и когда собирается вернуться. Весьма неожиданно. Я ожидала, что он будет сражаться упорнее.

Но я не жаловалась. Именно этого я и хотела. Лучшего развития событий я и представить себе не могла.

Я приготовилась получать удовольствие от домашней жизни с Ники. Я пообещала себе получать удовольствие от домашней жизни, пообещала, что перестану быть беспокойной, что не позволю повседневности наводить на меня скуку, раздражать или пугать меня. Что я больше не стану пытаться управлять правдой и буду просто жить.

Однажды у меня выдалась скверная ночь. Может быть, весь страх был у меня в голове. Но в ту ночь никто не мог объяснить мне этого.

Это случилось в первую ночь после отъезда Шона. Я сидела в своем доме. День я провела, восстанавливая его первозданное состояние: выбросила тошнотворные чаи, которыми Стефани забила буфет, и обновила запасы в винном холодильнике. Я удалила из дома омерзительную подушку с вышитым крестиком “Благослови Господь наш счастливый дом”, которую Стефани имела наглость притащить из своего обиталища и положить на мой диван. Я договорилась, что со склада мне привезут мои личные вещи, мою бесценную мебель.

Теперь были только Ники и я. Мы вдвоем. На обед мы съели вкуснейшую макаронную запеканку с хрустящим сыром, которую я приготовила от и до своими руками. Ники восторженно болтал. В кухне было тепло. Я жила как затравленное животное, но теперь я снова стала человеческим существом. Я рискнула всем. Игра далась мне нелегко. Я выиграла.

Я в жизни не бывала счастливее, чем сейчас. Я поклялась себе, что эта игра была последней, я сделаю все, что в моих силах, чтобы преодолеть побуждение изорвать свою жизнь в лоскутья, а лоскутья пустить по ветру.

Я уложила Ники и дочитывала роман Хайсмит, который начала еще до

своего исчезновения. “Те, кто уходят”. Подозреваю, что его сняло с полки мое подсознательное.

Может, я зря взялась за эту книгу, находясь в доме одна (Ники не в счет). Я как раз прочитала жутковатый эпизод, в котором отец погибшей женщины преследует своего зятя, собираясь его убить. Пожилой мужчина крадется по темным проулкам Венеции, словно зловещая карлица в красном из того сексуального триллера с Джули Кристи и Дональдом Сазерлендом.

Я читала, когда у меня возникло чувство, что на улице кто-то есть. Смотрит на меня из рощи. Может быть, потому, что я сама наблюдала оттуда за домом. Бедная Стефани. Я подвергла ее пытке. Пустая трата сил. Ни она, ни Шон этого не стоили.

Мне хотелось считать, что я из тех, кто способен ощутить присутствие чужака. Я знала, что я более чутка, чем Стефани или Шон. Но тогда я была по ту сторону. Сейчас я оказалась по другую.

Я услышала какой-то звук. Шуршание, шорох в рощице. Шон. Я это чувствовала. Я уловила его присутствие. Его злость. Его недобрые намерения. Он хочет проникнуть в дом и похитить Ники? Вероятно, он убедил себя, что я этого заслуживаю.

Послышалось насвистывание – на расстоянии. Звук стал громче, потом прекратился. Рядом с домом.

Шон насвистывал? Почему мелодия звучала так знакомо? Может, это не Шон, а какой-нибудь чужак, убийца. Грозный призрак мистера Прейджера.

Я хотела посмотреть, что делается снаружи, но побоялась. Выключила свет и стала всматриваться в непроницаемый мрак безлунной ночи. Потом мне стало страшно находиться в темном доме, и я включила свет. Внезапно мне острейшим образом не понравилось, что в доме столько окон. С чего мы с Шоном решили, что нам нужно так много света?

Можно было бы посадить Ники в машину и отвезти в какое-нибудь безопасное место. К Стефани, хотя это стоило бы мне просить ее побыть со мной. Просить защитить нас. Может, у меня началась паранойя, и мстительный муж мне мерещится.

Но будить Ники и уезжать из дома показалось таким хлопотливым делом... Чего ради? Я решила принять одну из снотворных таблеток Шона. Живя со мной, он в них не нуждался! Но если честно, в то время я еще не исчезла и не утонула, а он не уехал невесть куда из моего дома, и я не угрожала ему своей альтернативной версией правды.

Я легла рядом с Ники. Если Шон попытается забрать моего сына, я

проснусь.

Проваливаясь в дрему, я вспомнила, как Стефани говорила, что таблетки Шона могут спровоцировать психотическое поведение. Может, Шон сошел с ума. Съехал с катушек и действительно бродит там.

А может, это я сошла с ума. Приняла одну из этих психопиллюль. Сна не было ни в одном глазу, сердце колотилось о ребра. Я выпила еще одну таблетку, забила на все и спала, пока Ники наутро не разбудил меня.

Дневной свет лился в окно. Я лежала на кровати Ники. Провалилась в сон полностью одетая. Солнечные блики плескались на полу спальни.

– Доброе утро, мам, – сказал Ники.

Я поцеловала его влажный гладкий лобик, и мы нырнули под одеяло. Какое блаженство.

Я хотела, чтобы у Ники был отец. Я останусь на связи с Шоном. А тем временем подам на развод. С полной опекой. На всякий случай. Международные трансатлантические разбирательства могут длиться веками.

* * *

Не знаю, чего Стефани ждала от меня. Может, вообразила, что мы теперь друзья *по-настоящему*. Что мы объединим наши ресурсы и детей и заживем в каком-то экспериментально-кооперативном подобии кибуца, деля заботы о детях и стирку.

Не бывать этому. Даже жить с Шоном – и то было бы лучше.

Я вернулась к Деннису Найлону и выговорила себе *значительную* прибавку; на эти деньги я наняла няню на полный день. Я убедила Денниса поддержать фонд, который помогает уличным детям и дает им приют, и мы назвали его в честь моей сестры. Еще я добилась более свободного графика, который дал мне возможность проводить больше времени с Ники, позволив работать частично из дома. Иногда нужно отказаться от того, чтобы быть незаменимой, хотя этот подход может обернуться против тебя, как показал пример Шона.

Ник и Майлз продолжают дружить, хотя играют вместе за пределами школы уже не так часто. Наша новая няня, Сара, отвозит Ники в школу и забирает его от Стефани.

Я время от времени связываюсь с Шоном. Планирую назначить время (не слишком скоро), когда он сможет навестить Ники, но это подождет. Сначала я должна почувствовать, что он сожалеет о сделанном, о том, что

заставил меня исчезнуть и сфабриковать собственную смерть, а также внести свой вклад в смерть моей сестры.

Мне нравится снова работать в “Деннис Найлон”. Все здесь, кажется, рады, что я вернулась после всех своих приключений. Я люблю ужинать дома с Ники или хотя бы укладывать его спать. Я люблю свое личное пространство, свое одиночество.

Все складывается как нельзя лучше.

Мамы, привет!

Все хорошо, что хорошо кончается. Хотя, конечно, материнство не кончится, пока мы и наши дети живем на одной земле – и даже дольше, как я однажды уже писала.

Мы с Эмили снова живем по соседству и растим сыновей – самых счастливых и здоровых маленьких людей, известных нам. Шон за границей, и неясно, когда он вернется (и вернется ли).

Я вижу Эмили не так часто, как хотела бы. Она сейчас очень много работает и по полной вкладывается в роль мамы, наверстывая упущенное. Но дружбы то усиливаются, то ослабевают, и я знаю – придет время, когда мы снова растянемся на удобном диване, если диван еще на месте. Майлз говорит мне, что Ники рассказывает: у них дома теперь все не так, как когда мы жили там. Я не выпытываю подробностей. Есть вещи – множество вещей, – о которых я не хочу думать.

Майлз отлично справляется в школе, Ники лишь чуть-чуть отстает от него.

Всем нам пришлось пройти через очень и очень многое. Но маленький Ники – вот за кого у меня болит сердце. Потерять мать, вновь обрести ее – а потом потерять отца. Сможет ли он доверять людям?

Единственное, что успокаивает, – это то, как сильны наши дети. Как они храбры, крепки и выносливы. Ники переживет это, перерастет и вырастет в еще более крепкого, способного к состраданию, мудрого взрослого. В более многогранного человека.

Придет время, когда каждый из нас сможет двигаться дальше, оставив случившееся позади. Мы научимся жить с нашими тайнами, ценить их. Потому что они тоже часть нас.

Я не смогла бы пройти через это полное вызовов время без любви и поддержки сообщества мам.

Благослови вас Господь, мамы, где бы вы ни были.

Оставайтесь сильными. Оставайтесь прекрасными. И если у вас в запасе есть история вроде этой – не стесняйтесь написать о ней.
Потом напишу больше.

С любовью,

Стефани

Примерно через месяц после моего возвращения домой полицейская машина вползла на подъездную дорожку и остановилась у крыльца.

Я сказала себе: это ничего не значит.

Из машины вышли двое полицейских в штатском, позвонили в дверь.

Женщина протянула руку первой.

– Я детектив Мини, – представилась она. – А это мой напарник, детектив Фортас.

– Эмили Нельсон, – сказала я.

– Да, мы знаем, – сказала офицер Мини.

– Не хотите войти? – пригласила я. Скрывать мне было нечего.

Они вошли и сели на новый диван, который я купила взамен того, на котором сидела Стефани.

– Вряд ли мы с вами встречались официально, – начал детектив Фортас, – но мы работали над вашим делом. Мы встречались с вашим мужем...

– Мой уже почти бывший муж сейчас в Англии.

– Понятно, – сказала детектив Мини. – Вообще он не должен был уезжать. Нам надо задать ему несколько вопросов насчет одного момента...

Мне стало любопытно, что это за “момент”, но я сдержала любопытство. Рассудила, что рано или поздно все узнаю.

– Слушайте, – начала я, – дело вот в чем... Мне жаль, что я причинила вам столько хлопот. Это не совсем моя вина. Когда я исчезла с радаров, мой муж и Стефани взвинтили себя до истерики и нажали тревожную кнопку. Но мне всего лишь нужно было немного времени, чтобы оплакать смерть моей сестры. Мне действительно надо было выключиться, вырваться за ограду. Возникло огромное недопонимание, и оно так неудачно пересеклось со страховкой, которую оформил мой муж и про которую я забыла.

– Я помню, – сказал детектив Фортас. – Мы беседовали с молодой женщиной, какой-то подругой, она мама одного из друзей вашего сына...

– Хорошая память, – похвалила я. – Это, наверное, Стефани. Моя подруга слегка невротичка, если вы понимаете, что я имею в виду.

Детектив Мини улыбнулась. Она видела Стефани. Она поняла, что я имела в виду. Оба полицейских невесело посмеялись, словно не зная точно,

чему смеются и прилично ли им смеяться вообще.

– Не хочу быть невежливой, – заметила я, – но могу я спросить, почему вы здесь?

– Просто приехали для беседы, – сказал детектив Фортас. – Предварительной беседы. На днях один человек обнаружил сгоревшую искореженную машину почти у границы штата. Недалеко отсюда. В машине оказались обугленные человеческие останки, и мы предполагаем, что это Айзек Прейджер. Ваш дом был в списке посещенных, список он составил за несколько недель до своего исчезновения. Естественно, мы связали этот случай с вашим исчезновением, которое, как уже упоминалось, мы расследовали.

– Поразительно! – воскликнула я. – Ну и совпадение!

Я флиртовала с обоими. Надо было, чтобы они мне поверили.

– После автокатастрофы улик осталось немного, – сказала детектив Мини. – Скорее всего, это был несчастный случай. Но есть некоторые подозрительные и... интригующие моменты. На месте катастрофы обнаружили ювелирное украшение, которое вряд ли принадлежало мистеру Прейджеру.

Она протянула мне фотографию. Я уже знала, что увижу на ней.

Конечно, я знала, что потеряла кольцо. Но поскольку я отвыкла носить его, прошло несколько дней, прежде чем я заметила пропажу. И что самое смешное – меня это не озаботило. Оно принадлежало моей сестре в течение... не хочу думать, какого времени. До этого оно какое-то время принадлежало мне. А еще до этого – матери Шона. Теперь, думая о кольце, я слышала доводящий до безумия голос его матери, слышала, как она ноет и жалуется, перемывая после ужина посуду в своей вонючей, как нора животного, кухне.

Я велела себе не волноваться по поводу того, где потеряла кольцо. Полно было других мест и помимо того холма, с которого я столкнула машину с мертвецом в глубокий овраг. Вряд ли, казалось мне, кольцо осталось именно там, к тому же я приложила столько усилий, чтобы убедить себя (и Стефани), что истории с машиной не было. Нет преступления – нет последствий.

Я, наверное, сняла перчатки после того, как мы закончили толкать машину мистера Прейджера. Не помню. Многие события того дня смазались в памяти, трудно было вспомнить хоть что-нибудь точно. Я изо всех сил старалась не думать о кольце, и до сих пор мне это удавалось.

– Забавно, – заметила детектив Мини. – У моего напарника феноменальная – *научная фантастика* – память на детали. И когда

изображение появилось на экране, это кольцо... мой напарник вспомнил, что точно такое кольцо фигурировало в отчете о вскрытии. Когда обнаружили труп, который сочли вашим.

Мы обе воззрились на детектива Фортаса, словно чтобы осознать: перед нами – невиданное человеческое существо, обладающее нереальной интеллектуальной мощью. Но перед нами был всего лишь парень с глуповатым лицом, с россыпью угрей на лбу и жидкими светлыми усами.

– Кольцо нашли в Мичигане, – сказал он, – и, понятно, отдали вашему мужу, на случай...

– Я знаю, о каком кольце речь.

Я сама слышала, что говорю сквозь стиснутые зубы. Копы оказались достаточно сообразительны, чтобы вспомнить изображение кольца, виденного несколько месяцев назад, но недостаточно сообразительны, чтобы понять: “труп”, о котором они упомянули, был трупом моей покончившей с собой сестры. Моего любимого близнеца. Они поняли это с опозданием, лишь теперь. Детектив Фортас покраснел, лицо у него сделалось неприятно розовым.

– Сожалею о вашей утрате, – сказала детектив Мини.

– Все в порядке, – заверила я.

Но все было не в порядке. И полицейские это знали.

– Вот смешно, – сказал детектив Фортас. – Я помню нашу первую беседу с вашим мужем. И с вашей подругой. И они описывали вас. И оба упомянули о кольце. – Он ткнул пальцем в распечатку. – Мы совершенно уверены: это то самое кольцо.

Очень важно было сейчас не мяться. Не вздрогнуть. Не запинаться, не заикаться.

– Муж подарил мне его на помолвку, – сказала я. – Потом моя сестра стащила его, чтобы заплатить за наркотики. Вот так оно и оказалось в озере.

Они сожалели о моей утрате? Я сожалела гораздо больше.

– Позвольте вопрос, – сказала я. – Когда вы беседовали с моим мужем в разгар этого... недоразумения с моим исчезновением... Вы сказали, что говорили с ним и с подругой... Со Стефани.

– Верно, Стефани, – подтвердил обладатель феноменальной памяти Фортас.

– А известно ли вам, что впоследствии она переехала жить к моему мужу? Вам известно, что они собирались пожениться? Вам известно, что он подарил ей кольцо своей матери, *мое кольцо*, и они оба сочли, что это великолепно? Они сочли, что, когда мой муж дарит мое кольцо моей

лучшей подруге, – это то, чего хотела бы я сама. Можете вы в это поверить?

– О господи! – Детектив Мини пришла в ужас от вероломства моего мужа и моей лучшей подруги. – Полагаю, у вас есть контакты этой... Стефани?

– Ее телефон и ее адрес, – сказала я. – Могу продиктовать, даже не заглядывая в записную книжку. А если вам нужно больше информации о ее отношениях с моим мужем, могу дать ссылку на ее блог. По моим ощущениям, сейчас Шон ее уже бросил, но мне это больше не интересно, как вы понимаете.

Полицейские это понимали. Они все записали. Взяли Стефани на заметку.

А я как раз вспомнила еще кое-что, что говорили мне покерные чемпионы о “рыбе”. Вы знаете, что “рыбе” конец, но не знаете когда. Не знаете, какая рука схватит “рыбу” и выбросит ее, бьющую хвостом и разевающую рот, на сушу.

Будь эти полицейские не такими некомпетентными, не такими неуклюжими – они арестовали бы меня на месте, по подозрению. Или хотя бы попросили разрешения задать мне еще несколько вопросов. Вместо этого они ушли – полагаю, возбудившись по поводу Стефани, – вежливо попросив меня не уезжать слишком далеко. Я пообещала, что не уеду.

После их ухода я немного выждала. Сделала несколько глубоких вдохов, чтобы прочистить мозги. Потом пошла в комнату Ники, собрала кое-какие его вещи и начала паковать. Настало время уезжать. Настало время для Ники и для меня отправиться на закат, на восход – куда угодно. Вырваться за ограду. Сделаем перерыв, посмотрим, что будет дальше.

Я взяла паспорт Ники и – на всякий случай – оба своих, фальшивый и настоящий. Может, навестим Шона на пару дней. А скорее всего – нет.

Я ждала этого. Планировала. Готовилась к чему-то подобному, готовилась долго. Можно сказать – всю жизнь.

Впервые в жизни я настолько ничего не боялась. Я чувствовала себя юной, воодушевленной, отважной.

Какое счастье – чувствовать себя живой.

Примечания

1

Meanu – вредина (англ.).

Цитата из пьесы Уильяма Конгрива (1670–1729) “Скорбящая невеста”.